

A romantic scene from a historical Chinese drama. A man and a woman are shown in profile, facing each other and nearly touching noses. The woman, on the left, has her hair styled in an elaborate updo with white pearls and gold ornaments. She wears a light-colored, possibly silver or white, robe with a thick white fur collar. The man, on the right, has long dark hair tied back with a black ribbon. He wears a dark blue or black robe with gold embroidery and a thick white fur collar. The background is a warm, out-of-focus interior with traditional Chinese architectural elements and soft lighting.

Ева Лея

**Узы
нефритовых
сердец**

18+

Ева Лея

Узы нефритовых сердец

<https://litres.ru/74457684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна смерть под колесами — и новая жизнь взамен старой. Очнувшись в чужом времени, Ци Фэй надеется тихо прожить эту жизнь маленькой незаметной птичкой. Никаких амбиций, никаких интриг — только покой.

Вот только покой - это дымка.

За ней неотрывно наблюдает пара холодных прекрасных глаз — взгляд того, кто стоит на самой вершине и давно разучился чему-либо удивляться. До нее.

Равнодушное сердце начинает биться быстрее — значит, скоро грянет буря, в которую затянет и саму Ци Фэй, как бы она ни пряталась: "Спасибо, без меня. Хочу просто греться на солнышке".

Но чувства, которые пробуждаются в мужчине, привыкшем получать все, стоят дорого - даже слишком.

Сможет ли "маленькая птичка" упорхнуть от опасной страсти — или клетка захлопнется прежде, чем она успеет расправить крылья?

Роман для тех, кто любит истории про попаданок, неоднозначных персонажей и восточный колорит. Здесь нет героев и злодеев - у каждого своя правда.

Внимание: художественный вымысел, псевдоисторический фон.

Содержание

Может ли быть хуже?	5
Новая жизнь	14
Равнодушие	21
Капли крови	30
Новый знакомый	39
Игра света	52
Лимит везения	60
Бойся своих желаний	71
Отец — Император	87
Внезапные перемены	102
Вот и встретились	115
Неизбежность	127
Наказание	144
Император реагирует	155
Мастера интриг	172
Нечестная победа — тоже победа	181
Две мишени — одной стрелой	194
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Ева Лея

Узы нефритовых сердец

Может ли быть хуже?

На город обрушились тяжелые затяжные дожди, которые несли с собой запах сырости, грозы и порывы шквалистого ветра. Уже третий день Ци Фэй наблюдала свинцовое небо без проблеска солнечных лучей. И настроение, надо признать, было под стать этой погоде: унылое, серое и раздраженное. Природа волновалась, и это волнение передавалось и людям в Нанкине. Мокрые здания вокруг, удушливая давка в транспорте, промозглость и рутина — вот то, что окружало девушку уже который день подряд. Дождь-то рано или поздно закончится, а вот такая беспросветная жизнь никуда не денется. За свое довольно скромное съемное жилье Ци Фэй задолжала на сегодняшний день четыре тысячи юаней хозяйке, кроссовки от постоянной сырости и дождя вот-вот расклеятся окончательно, а выхода из этого колеса, где она чувствовала себя жалкой бегущей без остановки белкой, не просматривалось. Ци Фэй недовольно сжала губы — найти бы подработку. Хоть что-то, что поможет девушке вывезти свои незапланированные расходы, связанные с лечением. В позапрошлом месяце она сильно болела, подцепив какой-то

вирус, в результате чего провалялась в больнице под капельницами почти неделю. Как назло, едва вернувшись на работу, ей пришлось разгрести скопившиеся дела. Оплатив больничные счета, девушка не смогла потянуть еще и квартплату, ведь надо еще что-то есть. В общем, прелести самостоятельной взрослой жизни давались Ци Фэй очень и очень сложно. Вздохнув, она скосила глаза на свои кроссовки, которые сейчас сушились возле батареи. Жизнь девушку не баловала, а иногда и сильно была. Как и многие другие в детдоме, где она и пребывала с рождения, Ци Фэй получила бесплатное образование и даже прикладную специальность, которая позволяла ей зарабатывать на хлеб. У нее была крыша над головой, работа и друзья, хотя, скорее, приятели и коллеги. Просто сейчас в ее жизни черная полоса, верно? Чувство одиночества только не покидало. Что-то казалось все время неправильным — где-то там, в глубине сердца. Неприкаятность по жизни иной раз сводила с ума. Куда бы Ци Фэй не двинулась, надолго нигде задержаться не могла. Она недолго побывала в Лояне, в Гуанчжоу, даже в Пекине и нигде не чувствовала себя на своем месте. Душа словно настойчиво звала дальше, не находя успокоения в окружавшей реальности. Впрочем, откуда взяться таким незнакомым чувствам у брошенного когда-то ребенка? У Ци Фэй никогда в жизни не было своего дома, а все попытки отыскать его раз за разом терпели крах.

— Госпожа Ци, зайдите в мой кабинет! — громогласный

и раздраженный голос заставил девушку вздрогнуть, очнувшись от своих тяжелых мыслей.

Сжав тонкие губы, Ци Фэй осторожно прошла в кабинет начальника, позволяя себе кинуть на того мимолетный взгляд. Дверь закрылась, и их как будто отрезало от шумного офиса. Ли Тонг являлся импозантным и видным мужчиной старше ее на лет десять, если не больше. Впрочем, ей было плевать, сколько там этому придурку лет. Его светло-карие масляные глаза всегда в упор смотрели на девушку, словно пытаясь увидеть сквозь ее одежду все изгибы молодого тела. Недвусмысленные намеки и откровенно похабные подкаты Ци Фэй умудрялась терпеть стиснув зубы. Потерять работу было смерти подобно. Но не реагировать на все более и более смелеющего начальника она больше не могла. Ли Тонг жил довольно состоятельно, у него имелся классный автомобиль и вполне комфортабельные апартаменты в центре. Поговаривали, что когда-то по молодости он был женат, но давно разведен и в повторные браки никогда не вступал, предпочитая привлекать понравившихся женщин своим положением и деньгами. Словом, мерзкий типаж изнеженного офисного планктона, способного, самое большее, поднять мышку от компьютера.

— В документах ошибка, итоговый расчет неверен, — господин Ли немного высокомерно швырнул распечатанный отчет на другой край своего лакированного стола.

Ци Фэй буквально видела это движение — большая муж-

ская рука в маркированных часах какого-то японского бренда швыряет ей эти бумаги. Его темно-коричневый теплый костюм едва не кричал: "Осторожно, не прикасайтесь! Очень дорого!" Широкое кожаное кресло придавало еще больше холодной высокомерной солидности, однако для самой девушки все это граничило с дешевым пафосом. Даже древесно-мускусный парфюм мужчины неимоверно раздражал... В голове что-то щелкнуло. Сжав зубы, Ци Фэй заставила себя подойти и вцепиться в эти обличающие сводки.

— Я перепроверю, директор Ли. Простите. Наверное, еще не полностью пришла в себя...

Ли Тонг выжидательно смотрел на не менее раздраженную девушку, чем он сам. Бесила эта нахалка! Была бы моделью — еще куда ни шло... Но она себя вообще в зеркало видела, чтобы так ломаться и строить из себя не бог весть кого?! Другая на ее месте уже бы давно поняла, как следует отвечать начальнику и как его задобрить. А эта словно не от мира сего, похожа на дворняжку: вечно дикая, строптивая и грубоватая. Что мешает ей быть хоть немного понежнее? Ли Тонг прекрасно знал, что сам, не имея сногшибательной внешности, да и молодого возраста, мог сейчас брать только своим стабильным и обеспеченным положением. И почему-то до одури хотелось именно ее — нескладную, грубую, задерганную жизненными невзгодами. Сама по себе девчонка была притягательна. Одеть бы ее нормально, макияж сделать, волосы уложить... Она не имеет той хрупкой кукольной

красоты, которая так ценится, это да, но в глубине ее глаз бьется что-то волевое и настырное. Наверно, девчонке стоило родиться мальчишкой? «Если бы она была хоть немного женственнее...» Хотя рано или поздно она сдастся. И не таких получал. Ли Тонг сжал кулаки и недовольно отчитал:

— Ты должна понимать, что бухгалтерский учет — это деньги. И твой косяк может пустить под откос репутацию всего отдела. Люди привыкли считать прибыль, а не терять ее...

Ци Фэй словно сквозь стекло отдаленно принимала эту словесную порку, напоминая себе молчать, молчать, молчать... Внезапно Ли Тонг вдруг оказался прямо перед ней, обдавая запахом дорогой туалетной воды и сытой жизни.

— Твое упрямство тебя погубит, глупая девчонка. Будь хотя бы немного сговорчивее — и ты перестанешь тонуть во всех этих проблемах. Я помогу тебе, — рука начальника вдруг оказалась на ее талии, нежно скользнув ниже и немного сжавшись на ягодице, обтянутой в потертую джинсу. — Долго еще будешь блюсти нравственность? Все равно придешь ко мне, — горячее дыхание опалило щеку. — Я могу быть щедрым...

Раньше, чем смогла осознать, Ци Фэй уже от души приложила к холеной белой щеке своего начальника. Пощечина вышла звонкой. Очнувшись, девушка испуганно прижала руку к губам, с ужасом взирая на оторопевшего босса. В следующую секунду сработал инстинкт — Ци Фэй кину-

лась бежать прочь из кабинета. Буквально задыхаясь от давящей безнадежности, девушка принялась спешно закидывать в холщовую сумку свои нехитрые пожитки: ручки, блокнот, пару сменных колготок, тюбик бальзама для губ... Поганный день не мог завершиться еще хуже. Жалкая фирма, жалкая работа жалким бухгалтером, жалкая жизнь... Какого дьявола она вообще родилась с такой ужасной кармой? Слезы предательски скапливались в глазах, но такого удовольствия она не доставит своим коллегам — не хотелось оставаться предметом сплетен в памяти этих людей. Эта цивилизная на первый взгляд свора любит после работы собраться в баре и препарировать острыми языками очередного несчастного, совершенно не стесняясь собственных зависти и ханжества.

— Эй, Ци Фэй, ты чего? — к ней приблизилась миниатюрная модно одетая девушка, несмело дотрагиваясь до ее плеча.

— Ничего, — буркнула в ответ Ци Фэй, дергая плечом, словно прося: «Оставьте меня все в покое». — Ухожу.

Сяо Жуон удивленно замерла, немного наиграно поморщив кукольными наклеенными ресницами, — девушка в который раз усиленно косплеила какую-то очередную героиню аниме:

— Почему? С боссом поссорилась?

— А что с ним ссориться? Он границы давно перешел. Ссоры не помогут.

— Ну а ты?

Ци Фэй пожала плечами:

— Огрела по морде. Сукин сын.

Сяо Жуон недоверчиво покачала головой, немного затравленно оглядываясь по сторонам. Сплетен уже не избегать. Работающие в отделе люди всю разглядывали влетевшую словно фурия сотрудницу после головомойки от начальника, перешептывались между собой, словно какая-то невидимая голосовая почта уже доложила всем и каждому, что Ци Фэй сделала только что в кабинете у босса.

— Зачем? Что за муха тебя укусила? Слушай, Ци Фэй, ты у нас, конечно, королева, но хоть немного опустишься на грешную землю... Да, он, может, пристаёт к тебе, но пристаёт только потому, что ты ему не безразлична...

Ци Фэй удивленно воззрилась на миниатюрную и симпатичную коллегу с ярким макияжем на кукольном личике — шутит, что ли? Теперь такие грязные подкаты называются "не безразлична"?

Сяо Жуон картинно закатила глаза, словно ей было невыносимо лень объяснять такие простые истины маленькой глупой девочке:

— Ему очень не хватает такта и нормального понимания, как ухаживают за девушками, но мужчина, которому все равно, не стал бы покрывать большую часть твоих расходов в больнице. Или ты думаешь, в руках у тебя был полный счет?

Ци Фэй пораженно застыла. Откуда Сяо Жуон это взяла? Шутит, что ли? Такое даже в голову девушке прийти не мог-

ло... Никто никогда раньше для нее, детдомовки, такое не делал. Она всю жизнь барахтается одна и, кажется, скоро утонет. Шутка какая-то!

— Наверное потому, что ты ему нравишься... Может, стоит попробовать быть немного добрее? — скептически выгнула тонкую прорисованную бровь Сяо Жуон. Ее красный тинт на губах блестел, делая их похожими на сочные ягоды.

Ци Фэй не ответила, заканчивая сбор вещей. Руки немного потряхивало, а на ладони все еще горел след от удара. Рас-терянная и шокированная девушка вышла из небольшого, но аккуратного здания фирмы, где работала уже несколько лет. В этом году ей исполнилось двадцать пять. Никаких особых достижений за спиной нет. Родных нет. Обозленность на судьбу, разочарование в жизни — вот это есть... Даже на ее внешности природа отдохнула: высокая, далеко не мини-атюрная, с крепким, но худым телом — точно не идеал для мужских фантазий. Большие темные глаза и тонкие губы. Все наоборот... Можно, конечно, обратиться к пластическому хирургу, но для этого снова нужны деньги. Даже чтобы нормально питаться, нужны эти самые деньги. Ах да, теперь еще и долг бывшему боссу придется вернуть. Тупик. Вся ее жизнь — сплошной тупик сейчас...

Девушка шагнула в плотную завесу припустившего дождя, замерев на минуту и подставив частым сильным каплям лицо. Зачем этот человек заплатил за ее лечение? Откуда он узнал, где она лежала? «А я так с ним обошлась... Но он ме-

ня лапал, вообще-то...» Спор в голове не утихал ни на минуту. Зонта, естественно, не было. На небе сверкала молния, а дождь вскоре и вовсе превратился в холодный поток. Ци Фэй рассеянно брела, прижимая к себе свою потрепанную сумку. Она моментально промокла, но, полностью погрузившись в свои мысли, девушка не реагировала на мир вокруг. Визг тормозов, заглушенный раскатом грома, она услышала в последний момент. Боль обожгла лишь на мгновение. Последнее, что увидела в своей жизни Ци Фэй — свинцовое небо и вспышку сильной молнии, озарившей небосвод.

Все кончено?

Новая жизнь

«Черт возьми...»

Тишина вокруг была настолько оглушающей, что собственное ругательство громким эхом отдавалось в голове. Все еще лежа с закрытыми глазами, Ци Фэй, на удивление, чувствовала себя легко — ничего не болело, сердце не давило, а голодный желудок был блаженно спокоен. Хотя, судя по подсчетам, девушка ела вчера утром какой-то жареный пирожок, купленный в уличной лавке по пути на работу. В голове стало проясняться, но покидать уютную кровать не хотелось, как и открывать глаза. Иначе сейчас вновь разом навалятся все проблемы. Ведь она в больнице, так? Значит, все по новой: лечение, счета, долги... Даже то, что она выжила после того как ее... Сбили? Даже это не казалось уже радостным. Куда катится ее жизнь, она и так на дне.

Силы постепенно возвращались в конечности, отдаваясь легким покалыванием в кончиках пальцев, дышалось легко и просто прекрасно. Свежий и чистый воздух с нежной примесью каких-то травяных ароматов сейчас казался просто райским. Не спеша Ци Фэй открыла глаза и поморгала, пытаясь сфокусироваться на интерьере.

Он был... Станным. Где она? С трудом девушка привсталась с кровати и вновь огляделась — очень красивая комната... Если ты живешь в тематическом особняке или в истори-

ческом сериале. Широкая кровать с вышитой на шелке продолженной подушкой — сколько же стоит такая вышивка? Нежное одеяло с таким же филигранно нанесенным рисунком. Девушка провела рукой по очень приятной на ощупь ткани. На стенах рисунки традиционной живописи — пейзажи с цветами, сливой, орхидеями и журавлями. Как мило... Но старомодно, что ли... На маленьком бамбуковом столике рядом с кроватью стоял чайничек и несколько небольших перевернутых чашек. Все лаконично, но со вкусом. Остальную комнату отгораживала широкая бамбуковая ширма с таким же традиционным рисунком черной тушью. Боже мой, где она? Может, у того человека, который ее сбил? Ее не отвезли в больницу?

Ци Фэй попыталась встать. Но тело странно не слушалось, словно оно... Стало меньше? Наконец девушка обратила внимание на свою ладонь. Удивленно разглядывая свои руки, а потом и остальное тело в нежной сорочке, девушка поняла, что она стала вдруг обладательницей очень нежной и белой кожи. И вроде это еще она, но словно Ци Фэй не голодала, не бегала с утра до ночи как шавка, высыпалась и пила витамины. Холеная. Вот что ей пришло на ум. И ооочень слабая! Сил едва хватило, чтобы кое-как подняться. Почему она так ослабла, если, судя по ощущениям, ее живот не сжимается от голода? Откуда такая... Изнеженность?

— Госпожа, Вы пришли в себя! Какая радость для Вашей семьи! Необходимо пригласить сейчас же врача... —

тонкий голосок, наполненный восторгом, прозвучал пронзительным колоколом среди разрывающей тишины, заставляя морщиться от неожиданной громкости.

Ци Фэй уставилась на миниатюрную совсем молоденькую служанку, которая, казалось, возникла из ниоткуда — настолько бесшумно передвигалась. Юная расторопная девчушка быстро поставила поднос с маленькой миской какого-то не аппетитного на вид варева и спешно склонилась в поклоне.

— Какого черта? — прохрипела Ци Фэй, все еще не владея полностью своим голосом, который сейчас напоминал ей самой карканье вороны. — Ты кто?

Девочка оторопела от такого голоса и слов, половину которых она не особо поняла...

— Шихон, госпожа... Син Шихон. Эта недостойная — Ваша рабыня и личная служанка уже около года... Но разве госпожа не помнит?

При словах «рабыня» и «служанка» голова Ци Фэй закружилась. Что это за ролевые игры?

— А я, по-твоему, кто?

Син Шихон смешно раскрыла рот:

— Госпожа является одной из дочерей уважаемого чиновника городского управления Ци Ханга. Вы очень долго болели, госпожа...

— А зовут меня как?

Син Шихон побледнела:

— Госпожу зовут Ци Мэйли... Что с Вами? Эта ничтожная сейчас пригласит лекаря...

— Нет! — слишком громко воскликнула Ци Фэй, морщась от собственного резкого оклика. — Пожалуйста, пока не надо. Дай мне прийти в себя... Кажется, — Ци Фэй снова сморщила лоб, — я пока не могу вспомнить всего... А что со мной случилось?

— Госпожа простыла, — Син Шихон нервно теребила края потрепанного платья. — Была сильная лихорадка. Честно говоря, Вас уже готовились хоронить, поскольку лекарь сказал, что госпожа больше не придет в себя. Ваш пульс был очень слабым, а дыхание поверхностным... Ваша матушка сейчас в храме — молится Будде, чтобы он пощадил молодую госпожу и даровал благодать исцеления...

Первой мыслью Ци Фэй пронеслось: «Да вы все тут прикалываетесь надо мной». Но вот тело было явно не ее.

— Дай зеркало.

Когда странная девушка подала ей небольшое бронзовое зеркало, Ци Фэй поняла, что значит испугаться по-настоящему. На нее смотрела миловидная девушка, по современным меркам подросток, может, из-за светлой кожи. Красавицей ее назвать сложно, но губы девушки яркие, с соблазнительной припухлостью, на глазах, словно специально сделанный, выделялся кокетливый изгиб темных ресниц, даже кожа на ощупь была бархатной. По сравнению со своей прежней нескладной внешностью, Ци Фэй, можно сказать, сорва-

ла джекпот. Она аккуратно дотронулась до щек. Но самое удивительное — волосы. Темные, хоть немного тусклые и засаленные, но невероятно длинные. Сколько же это тело лежало без движения?

Сердце билось гулкими толчками. Ци Фэй тяжело сглотнула. Она не верила во всякую мистику и прочую фигню, но с удовольствием смотрела дорамы, ведь они помогали хоть немного сбежать из тяжелой реальности. Могла ли ее душа переселиться в эту девчушку? А где же тогда душа владелицы тела? Настоящая Ци Мэйли умерла от лихорадки? Тогда и Ци Фэй в своем времени умерла? Или можно вернуться как-то?

Стараясь успокоиться через медленные вдохи, борясь с подступающей удушливой паникой, Ци Фэй слегка дрожащим голосом неуверенно попросила:

— Расскажи мне все, пожалуйста. С самого начала. Может, моя память просто нуждается в подсказке? И я смогу быстрее вспомнить?

На глазах Син Шихон выступили слезы. Госпожа впервые говорила так осознанно с ней, хоть и языком простолюдинов. Но говорила! Смотрела осмысленно!

— Госпожа, вы больше десяти лет не выходили из этой комнаты... Никто особо не переживал за Вас. Только Ваша матушка-наложница...

По мере причитаний только что обретенной служанки, сердце Ци Фэй наполнялось досадой и раздражением: «Ну

что я за бесполезная-то такая? Даже переселиться нормально не смогла...»

Открыть глаза в другом времени, но выбрать тело... Нет, не дочери богатого семейства, не какой-нибудь красотки, а простой, никчемной, больной дочери наложницы захудалого чиновника, пребывающую взаперти более десяти лет. Старая дева, боящаяся мира вокруг, на которую махнула рукой вся семья, оставив подыхать в этих четырех стенах... Ци Мэйли жила с какой-то детской травмой, которая по мере взросления все больше делала ее пугливой и нервной. Какой приличный дом возьмет такую в качестве побочной супруги или даже наложницы? Естественно, ни о каком официальном браке низкой дочери-шу¹ думать не приходилось... Как этот чиновник-папаша еще не приказал сослать куда-нибудь эту бесполезную тушку? Ну почему?!

Самое ужасное — время. Син Шихон говорила что-то про Тянь-ся. А город она назвала Цзянье. Ци Фэй ощущала, что голова скоро взорвется. История в школе для нее оставалась ненужным дополнением. Она так была занята ежедневными проблемами выживания в детдоме маленького городишки, что толком не посещала многие уроки. Ее пробелы в знаниях оставались огромны. Все, что девушка знала, было почерпнуто из различных сериалов... Но название «Цзянье» Ци Фэй никогда не слышала. Или просто об этом забыла. Был ли

¹ «Шу» – приставка к детям от наложницы. Дети главной жены обозначаются как «ди».

смысл стегать мертвую лошадь?²

В конце концов, она жива. Она здорова. Почти... У нее есть крыша над головой и еда. Значит, сдаваться рано. Возвращаться, по сути, девушке некуда, ее никто не ждет. В собственном мире Ци Фэй чужая. Она не приживалась нигде. Может быть, Небо таким образом дает новый шанс?

² Идиома: заниматься бесполезным делом.

Равнодушие

Главный зал Тайхе³ был переполнен. Чиновники высоких рангов, отвечающие за самые разные вопросы жизни государства под правлением великой династии Чжоу, в церемониальной одежде степенно ожидали своей очереди для доклада Императору. В руках каждого находилась традиционная хубань⁴.

В этот обычный день с раннего утра обсуждали многое: засуху, неослабевающую жару, которая губила посевы риса и скот, повышение налогов, безопасность почтовых перевозок и многое другое. Не все успели предстать перед великим Тяньцзы⁵, но большая часть докладов была заслушана.

Сам же молодой, но уже не юный Сын Неба — Юн-ди, держа в руках нефритовую хубань, с совершенно безэмоциональным лицом молча делал отметки на своей дощечке. Он не комментировал доклады, не вступал в диспут. За много часов без движения на Троне Дракона застывший правитель

³ Зал во дворце, где решались государственные дела и собрания.

⁴ Так называются дощечки, которые они держат в руках. Это были памятные пластинки, которые были сделаны из различных материалов, согласно рангам. Чиновники брали памятные дощечки, чтобы во время встречи с императором фиксировать его указы, ведь в период появления хубань бумаги еще не было. Они также могли записывать на дощечке информацию, которую хотели передать государю. Позже хубань осталась лишь как символический церемониал.

⁵ букв. Сын Неба.

не шевельнулся. Все чиновники, однако, точно знали, что внешнее спокойствие Тяньцзы — это лишь видимость. Император все запоминал — его острое чутье и холодный отточенный ум прекрасно распознавали ложь, недоговоренное, приукрашенное. Все собравшиеся в зале уже не раз убеждались — Сын Неба лучше всех владеет информацией, скрыть от него что-то очень сложно. Много шпионов, еще больше — доносчиков. Слово монарха — непреложный закон. Вызвать недовольство государя — страшно. Но еще страшнее мог быть только его гнев. Молодой правитель не был склонен щадить провинившихся. И на допрос во Дворец Наказаний мог отправить любого лишь одним взмахом расшитого рукава.

Возможно, такие перепады были связаны с тем, что Юнди пришлось взять бразды правления внезапно. Никто никогда не рассматривал пятого сына прошлого Императора как наследника — слишком сложно было им манипулировать. Юноша предпочитал вообще никак не связываться ни с самим Императором, ни с братьями или сестрами, ни с многочисленным гаремом. Дворцовому официозу он предпочитал дальние заставы, тренировки, мудрых и простых людей в качестве наставников. Придворные старожилы знали, что юный принц долгое время считался опальным, бывший Император не сильно жаловал своего отпрыска от одной из многочисленных наложниц. Пятый сын династии рос своевольным, дерзким, своим поведением провоцируя недовольство

монаршего отца, который видел в мальчишке угрозу для собственного авторитета.

Главный евнух, Ся Яозу, стоя в слегка согнутом положении, как и подобает прислуживающим лицам, не спеша рассматривал свой фучэнь⁶.

Уже возрастной мужчина хорошо знал, как ненавидит Тяньцзы все то, что касается императорского двора: показной пафос, угодливые манеры, улыбки в дань этикету, лесть и ложь. Но был ли сам молодой Император иным? Ся Яозу казалось, что этот мальчик уже родился с жестокостью в крови, которая разбавлялась водянистой холодностью льдинок в темно-карих глазах, своей глубиной напоминавших черный агат. Пятый сын покойного Императора не собирался связывать свою жизнь с престолом и намеревался после смерти монарха отправиться в дальний уезд, дабы освободиться от того яда, которым мальчик дышал с рождения, постоянно выкарабкиваясь из интриг и заговоров не только при дворе, но и в гареме. Одно неверное движение — и ты мертв.

Ся Яозу с внутренним трепетом подумал, что все произошло ровно наоборот — те, кто пытался взобраться на Трон Дракона через яд и убийства, вдруг оказались мерт-

⁶ метелка в руках евнуха. Такая метёлка также является даосским артефактом, некоторые школы боевых искусств впоследствии рассматривали фучэнь как один из видов оружия. Слуг императора "вооружали" метёлками в первую очередь в практических целях: нужно было оперативно смахивать пыль с того места, куда собирался сесть император, и, конечно же, отгонять назойливых мух. Фучэнь изготавливался из конского волоса.

вы, а этот юноша, который хотел лишь свободы, сделался в момент единственным достойным кандидатом на престол. И как бы юный наследник не сопротивлялся, давление знати и его собственной матери, в момент превратившейся из простой нелюбимой наложницы в мать Тайцзы⁷, не смог пересилить. Он являлся по сути еще просто ребенком — видеть слезы матери для сына было ужасно. Мальчик прекрасно понимал, чего может стоить его упрямство для них в будущем. Дворец даже маленьких ошибок не терпит и не прощает.

Когда чиновники, негромко переговариваясь, покинули тронный зал, отдав предварительно поклон своему правителю, Юн-ди медленно поднялся с трона и, не проронив ни слова, отправился в личные покои через боковую дверь.

Ся Яозу, еще больше сгорбившись, семенил почтительно следом:

— Бися⁸, мы ожидаем появление представителей варварских племен завтра. Едут ли они договариваться о мире? На наших границах неспокойно. Скорее всего, они привезут много женщин в дар правителю Поднебесной. Гарем действительно необходимо пополнять, но будет ли безопасно принять этих красавиц?

— Нам все равно, об этом позаботишься ты, Ся Яозу. Допустишь шпиона в гарем — накажем по всей строгости. Реши сам, что с ними делать. В гареме и так слишком много

⁷ титул наследника престола, то есть Верховный Сын.

⁸ обращение к Императору - Ваше Императорское Величество.

лиц, а вас, евнухов, развелось еще больше.

Ся Яозу с почтением склонился еще ниже:

— Бися хочет видеть кого-то особенного в своих покоях сегодня?

Юн-ди зло фыркнул:

— Чжэнь⁹ говорит тебе, что и гарем, и евнухов следует сократить, а ты продолжаешь совать Нам очередную наложницу. Один из старших братьев крайне любил ублажать себя женской красотой — и конец его был печален. Правду говорят, что евнухи подобны яду и диким зверям. Осторожней, сейчас ты ходишь по очень тонкой грани, Ся Яозу.

Главный евнух побледнел и невольно сжался, а фучэнь в руках мелко затряслась.

— Хуанхоу¹⁰просила о встрече, Бися. Можно ли Вашей законной супруге навестить Вас во время трапезы?

— Чжэнь хочет, чтобы Нас не беспокоили.

Юн-ди лично закрыл двери в императорские покои и, мягко ступая, вошел по теплomu настилу из выделанных шкур в небольшую комнатку за пологом плотного расшитого покрывала, служившего, в первую очередь, защитой от сквозняков, которые гуляли по всему дворцу, особенно в холода. В тесной комнатке горела единственная свеча, а в

⁹ Мы, оригинальное китайское имя от первого лица в единственном числе, присвоенное Первым Императором, функционирующее как эквивалент "Королевского Мы".

¹⁰ Императрица

углу, замерев, ожидал человек в черном.

— Рассказывай, — устало приказал Юн-ди.

— Докладываю Таныцзы, — коротко отрапортовал человек, упав на одно колено. — На Севере замечено скопление вооруженной силы. Отряды разрозненны, но их все больше. Разведка донесла о проникновении шпионов в ближайшие поселения. Эти отряды будут объединены в единую армию, когда придет главнокомандующий. В данный момент эта показная разрозненность — лишь уловка. Генерал Сюэ ждет Ваших распоряжений, Бися. Если варварская армия нападет, мы не сможем дать полноценный отпор — слишком мало солдат в местных гарнизонах.

— Для чего тогда все эти визиты ко Двору?

— Отвечаю Императору. Представители варварских племен хотят лишь отвлечь внимание, а также заручиться поддержкой некоторых чиновников при Дворе, Бися, и найти официальный повод для нападения на наши границы. Возможно, те предложения, которые будут сделаны, и послужат искомым предлогом. Так же ваш слуга слышал, что Вам в жены будет предложена одна из дочерей северного владыки. Девушка, вошедшая в гарем, станет шпионом Севера, а также будет добиваться Вашего расположения, дабы влиять на политические вопросы.

Юн-ди задумчиво присел на низкий стул. Его глаза неотрывно следили за танцующим пламенем свечи, словно в нем содержались все верные ответы — нужно только их разгля-

деть. Видимо, война снова неизбежна.

— Чжэнь хочет знать их имена, Ли Фенг. Займись этим лично как капитан Нашей тайной стражи, обеспечивающей безопасность монарха. Не допускай ошибок, на кону — жизни Наших подданных. Стране вновь предстоит война. На этот раз не будет никаких компромиссов.

— Бися, не волнуйтесь, Вы можете полностью доверять этому слуге.

— Чжэнь не волнуется, Ли Фенг. Надо найти самый верный путь, даже если он будет залит кровью. Победа стоит того.

Юн-ди давно перестал беспокоиться. Его давно перестало что-то волновать в этой жизни. Сыну Неба давно все равно кто выживет, а кто умрет — все вокруг лишь марионетки, цепляющиеся за трон. Единственный близкий человек — его мать-наложница — умерла от чахотки в первый же год правления сына, простудившись особо холодной зимой. Все придворные лекари оказались бессильны. Когда последняя теплая искра в сердце юного Императора погасла, там остался лишь разрастающийся холод и... Равнодушие.

Вечером же, оставшись один, Юн-ди долго обдумывал верный ход, примеряя так и эдак варианты, но все сводилось лишь к одному итогу — прольется много крови. Чтобы закончить это раз и навсегда, стоит либо полностью уничтожить те северные кланы и племена, либо сделать их вассалами, что не смог до конца осуществить прошлый Император.

В принципе, Юн-ди готов рассматривать оба исхода — реки крови его никогда не смущали. В этом мире нет невинных — каждый сам за себя. И раз Небо так жестоко обрекло его на монаршую жизнь полную одиночества, то пусть смотрит теперь на его эгоистичное правление.

И хотя в кандалах высшей власти Юн-ди пребывал уже больше десяти лет, но, тем не менее, он еще не разучился мечтать. Темными ночами, оставаясь один на один со звездным небом, он наслаждался любимым ароматным вином Белой Сливы, освобождая мысли. Но эти мечты были совершенно не монаршими. Он, как избранный Таныцзы, имел право мечтать лишь об одном — едином благе Тянь-ся¹¹. Так было завещано предками. И монарх громко озвучивал эти чаяния на собраниях, как того требовал этикет и установленный правопорядок.

Но когда Юн-ди позволял себе расслабиться, он, как обычный человек, мечтал о своем эгоистичном счастье, но никогда никому не озвучивал эти мысли. Выросший здесь, во Дворце, нынешний Император с самого детства знал, что истинные желания сердца в стенах Дворца не должна знать ни одна живая душа. Это только твое. Сможет ли он когда-нибудь реализовать эти чаяния? Мужчина не знал. Вернее, даже был уверен, что нет — слишком многое приковывало к полученному в свое время трону железными и невидимыми цепями.

¹¹ древнее название Поднебесной.

Юн-ди смирился с жизнью правителя, он — Чжэнь, полновластный Сын Неба, воля и закон, и уже почти не помнил другого. Только его блеклые, почти размытые юношеские мечты не давали Императору забыть, что он все еще живой человек, но вот чувствовать что-то по-настоящему глубоко мужчина давно разучился. Он видел реки крови, жестокость, предательство, коварство, хитрость, восхищение и любовь ради выгоды. Он и сам мог быть таким. Все предсказуемо, все скучно, все одинаково. Равнодушное одиночество человека на вершине мира — этот удел он не выбирал, но судьба распорядилась иначе.

Капли крови

Посланники северных племен прибыли через несколько дней, задержавшись из-за объемных даров, которые были положены к Трону Дракона. Император в роскошной черной мантии, украшенной золотой вышивкой, лишь невозмутимо кивнул, созерцая нескончаемые подносы с драгоценностями, заморскими диковинками, сандаловыми резными шкатулками, набитыми доверху прекрасным жемчугом, полезной утварью из полудрагоценных камней.

Главный и самый рослый посланник, являвшийся племянником нынешнего правителя северных земель, почти-тельно подвел к трону свой главный дар — маленькую стройную совсем юную девушку. Ярро-алый шелк ее облачения нежно окутывал женскую фигурку, усиливая впечатление хрупкости и уязвимости, не скрывая, однако, соблазнительных изгибов. С каждым шагом становился отчетливее слышен легкий звон браслетов девушки. Нижнюю часть лица незнакомки скрывала почти прозрачная тонкая мяньша¹².

Ее прекрасные и светлые персиковые глаза¹³уже успели не раз и не два заинтересованно рассмотреть мужчину в

¹² газовая вуаль, которая прикрывала нижнюю часть лица. Мяньша является современной художественной выдумкой и на самом деле не носилась девушками.

¹³ персиковые глаза - тао хуа янь - глаза цветущего персика (имеется в виду разрез глаз).

темной парадной мантии с золотой вышивкой дракона на престоле. Однако сложная мянь¹⁴ правителя мешала четко увидеть скрытые за завесой бусин черты лица. Девушка не раз слышала, что Император очень красив и молод. Сейчас же от мужчины на престоле исходила властная и уверенная аура, которая невольно заставляла трепетать перед избранным Сыном Неба, не обращая внимания на его молодость. Красавицу долго готовили к этой встрече, обучая, наставляя. И в этот долгожданный момент, видя, наконец, мужчину, для которого она должна была стать непреодолимой медовой ловушкой, легкая дрожь предвкушения пронеслась по стройному телу, смешиваясь в сердце с волнением и страхом.

По случаю приезда посланников севера был устроен приветственный пир непосредственно в зале Тайхе. На него были приглашены только чиновники высших рангов и те, кто удостоился особой милости императора. Гарем сегодня представляла только Хуанхоу. Именно Императрица была обязана "оценить" и принять новую девушку в гарем, как того требовали обычаи.

— Мой дядя, доблестный правитель своего народа, очень надеется на окончание всех недопониманий между нами. Ведь гораздо выгоднее жить в мире, нежели допускать гибель людей и разорение территорий. В честь наших самых

¹⁴ головной убор императоров с бусинами. Конструкция мянь очень сложна, все детали и каждая бусина имеют символическое значение.

искренних намерений Ван¹⁵Хэй Дун отдает Вам, Хуаншан¹⁶, руку одной из своих прекрасных дочерей-принцесс. Наш правитель надеется, что к юной и прекрасной госпоже здесь отнесутся с должным почтением, помня о ее знатном происхождении. Пусть Ваша свадьба послужит прекрасным фундаментом для глубокого и взаимного уважения между нашими народами, — закончив свою вежливую речь, посланник северных земель склонился в уважительном поклоне вместе с юной принцессой.

— Мы очень ценим ум и силу Ван Хэя. Он, безусловно, талантливый правитель. Ваши дары поражают своим разнообразием и, конечно, говорят об искренних намерениях вашего дяди. Это Чжэнь тоже ценит. В честь вашего приезда Императрица устроила пир. Что касается предложения о нашем брачном союзе, то Чжэнь находит это подходящим.

— В таком случае, Хуаншан, позволите ли Вы Вашей юной невесте исполнить свой прекрасный танец здесь на пиру, дабы усладить взор присутствующих гостей? Наша юная госпожа обладает несравненными талантами и редкой красотой. Может, Хуаншан желает услышать ее игру на цине?

— Мы с императрицей с удовольствием насладимся любым представлением.

Юная принцесса действительно танцевала очень изящно.

¹⁵ приставка, обозначающая монарха.

¹⁶ "хуаншан", составленное из иероглифов "Хуан" ("император") и "шан" ("верхний", "сверху") – обращение к Императору.

Ее тонкие ручки словно порхали крыльями бабочки, усиливая это ощущение легкими платками, привязанными к краям рукавов. Под аккомпанемент эрху¹⁷стройный силуэт будущей супруги-наложницы императора полностью сливался с заданным музыкальным темпом.

Закончив довольно сложный танец, девушка присела в почтительном поклоне, невольно стрельнув глазами в сторону трона, ведь там сидел ее будущий муж — Император. Принцесса северных земель, конечно, знала о высокой конкуренции за внимание правителя, но не сомневалась, что очень быстро сможет добиться высокого титула в гареме Юн-ди. Сейчас же, после такого завлекающего танца, девушка ждала привычного восхищения, но застывшая поза мужчины на троне не изменилась. На лице же императрицы принцесса уловила лишь нотку высокомерия и снисходительности. В глазах юной прелестницы появилось разочарование, она не понимала, что могла сделать не так. Однако гостью уже усадили за праздничный стол рядом со своими соплеменниками.

Пир растянулся на довольно продолжительное время. И столы сегодня ломились: нарезанное кубиками мясо и утятина, приготовленные на пару с вином, ласточкины гнёзда с красной и белой утятинной, ласточкины гнёзда с измельченной курятиной, жареный цыпленок со свежими побегами

¹⁷ древний щипковый инструмент. Эр означает «два» (у пипы две струны), а ху — название народа, жившего на севере и западе от Китая в древние времена.

бамбука, омлет, курица с оленьим хвостом, приготовленная на пару, хлеб в форме слоновьих глаз, булочки с начинкой из утятин, серебряные блюда с мелко нарезанными свежими огурцами, соленьями, солониной, тушеный фазан с дыней, конечно, рис, суп с кусочками курицы. Более пятидесяти блюд на столах были призваны показать размах и богатство страны и Императорского Дворца в частности. Юн-ди коротким кивком поблагодарил свою императрицу за столь качественно организованную трапезу.

Когда наконец к Императору приблизился Ся Яозу, гости уже были достаточно охмелевшие.

— Все готово, Бися. Войска собраны и ожидают приказа. Трое генералов, которых Вы назначили, стоят во главе. Армия может выдвигаться в любой момент.

Юн-ди кивнул и приказал своему еврею пригласить главного посланника Севера выпить с Императором. Мужчина, являвшийся племянником этой старой хитрой лисицы — Хэй Дуна, был старше Императора, но за счет необычной одежды и довольно разноцветных укороченных халатов вкупе с распущенными волосами с лентами, казался моложе своих лет. Он с достоинством подошел к императорскому столу, присаживаясь на специально принесенный стул без спинки, который установили прямо недалеко от трона.

Но не успел он поднять свою чарку во здравие и процветание Императора, как подпиленная ножка стула немного подломилась, заставляя захмелевшего и расслабленного мужчи-

ну соскользнуть вниз, обрызгав расплескавшимся вином парадную мантию Императора с золотой вышивкой дракона на груди. Все присутствующие одновременно ахнули и потрясенно замерли. Чиновникам казалось со стороны, что посланец сильно захмелел от чистого крепкого вина и просто уже не мог контролировать свое тело¹⁸.

Юн-ди холодно посмотрел на растерянного и стремительно бледнеющего посла, который никак не мог понять, что произошло и почему он вдруг оказался бесформенной массой у ног Императора.

— Вы все видели, Наши уважаемые подданные, что позволил себе посланник Ван Хэя, — весомо и ровно наконец проговорил Император. — Этот человек не только грубо нарушил все установленные правила этикета, но и лично выказал неуважение к престолу Сына Неба, — делегация северян стремительно бледнела, понимая, чем все может закончиться. — За грубое оскорбление Тяньцзы, а также беспринципное поправление норм и правил в качестве гостя Поднебесной, может быть лишь одно наказание.

Откуда ни возьмись из-за колон вынырнули бесшумные мужчины в темных одеждах. В руках каждого блеснул короткий и острый загнутый нож. Вся делегация посланников северного правителя из шести человек, не успев толком ниче-

¹⁸ Это исторический факт, который имел место быть в истории. Император избавился от сильного и неугодного чиновника именно так, наказав за нарушение этикета к монаршей особе.

го понять, через несколько секунд была мертва — им в миг перерезали горло. Такая же участь ждала каждого сопровождавшего этих посланцев слугу и солдата. Племянника Ван Хэя умертвил сам Ли Фенг, тут же оттащив от своего правителя, чтобы на того не попали брызнувшие капли крови.

Зал с чиновниками хранил тяжелое молчание. На лицах некоторых застыл ужас, но зная нрав и характер нынешнего Императора, уважаемые господа лишь опустили вниз голову. Обвинение в трусости — не менее фатально. Императрица, сильно побелев, казалось сейчас лишится сознания. Женщина явно не ожидала такого. Вот почему на этом приеме больше никого из гарема не было.

Наконец поднялся министр обрядов I ранга и, поклонившись, взял слово:

— Решения Тяньцзы неоспоримы. Все присутствующие стали свидетелями вопиющего и недостойного поведения послов Севера. Ваш приговор, Бися, полностью справедлив, о чем и будет официально сообщено правителю Севера в письме, которое мы отправим вместе с телами. Однако нас ждет теперь война?

— Наши уважаемые подданные, встаньте, — голос Юнди нес торжественную ноту. — К сожалению, Чжэнь знал, что этот тяжелый день наступит. Амбиции Ван Хэя с каждым годом лишь растут. Пока его делегация отвлекала наше внимание, на северных границах собралось войско численностью пятьдесят тысяч солдат, — при этих словах чинов-

ники взволнованно зашептались. Это не было большой армией, но нанести урон эти варвары могли большой. Юн-ди отлично видел по лицам некоторых государственных мужей, что эта новость не стала для них неожиданностью. — Таким образом, все представление сегодня несло конкретную цель. Чжэнь не будет спокойно смотреть, как стаи стервятников нацеливаются на Тянь-ся¹⁹. Именно поэтому Мы лично возглавим войско, дабы искоренить угрозу для будущей жизни наших подданных. Все распоряжения уже сделаны. Армия выдвигается на границу сегодня.

Чиновники вскакивали со своих мест и воодушевленно выкрикивали слова поддержки:

— Шеншан²⁰ вернется с победой и славой на многие поколения!

— Тяньцзы усмирит своей мощью всех хитрых лисиц!

— Да будет процветание и удача на стороне Справедливого и Мудрого Императора!

Юн-ди вдруг перевел взгляд на юную принцессу — свою несостоявшуюся супругу-наложницу, которая еще несколько часов назад порхала в центре зала и бросала на него восхищенно-заинтересованные, невинные взгляды. Шелковая мяньша, насквозь пропитавшаяся кровью, сползла, открывая полностью лицо с застывшими и удивленными глазами. Юн-ди невольно легко усмехнулся — да, принцесса была

¹⁹ Поднебесная.

²⁰ "Святое Высочество".

прелестна.

Новый знакомый

Ци Фэй совершенно потерялась в днях. Время в этом месте текло совершенно иначе, чем в бешеном ритме вечной гонки XXI века. Медленно. Тягуче. Невыразимо скучно. Сколько уже прошло дней? Недель? Девушка никак не могла привыкнуть к своему новому имени — Ци Мейли. Но именно это сейчас казалось ей сущей мелочью на фоне остальных проблем.

Прошлая жизнь Ци Фэй сводилась к одиночному выживанию. И вдруг сейчас такая проблема отпала — семья Ци Мейли являлась вполне богатой по собственному ощущению. И жилось сносно, и ела теперь девушка вдоволь — повара поместья даже баловали выздоравливающую госпожу своими сладостями. Красивые, но жутко неудобные платья, личная служанка... Казалось, жизнь теперь удалась, верно? Но... Всегда «но», будь оно проклято!

Она честно пыталась понять, куда именно попала. Ее новый мир Син Шихонг называла Шэньчжоу²¹. Параллельно Ци Фэй разбиралась в местном укладе богатого поместья, представление о котором она имела только по сериалам, и он не особо ее радовал. Во-первых, Ци Мейли была старой де-вой, которую забыли уже все домочадцы, включая отца, по-

²¹ «Божественная земля», так назывался Китай в древности.

скольку девушка была заторможенной.

Оказывается, после перенесенного в раннем детстве испуга — на девочку накинута стая бродячих собак на рынке, когда та немного отбилась от служанок и заблудилась — малышка неделю не разговаривала. А когда пришла в себя, то все увидели, что ребенок стал совершенно иным. Ци Мейли медленно реагировала на вопросы, практически не выходила из комнаты, всего боялась и выглядела испуганной в присутствии чужих людей. Господин Ци, служивший чиновником V ранга в уездном протекторате, прилично потратившись на лекарей и всяких монахов, понял, что замужество дочери не состоится. Это ярмо навсегда теперь останется на его шее. Кому нужна больная неадекватная девица, которой уже давно перевалило за двадцать?

Благо, от других жен и наложниц у господина Ци было еще пятеро дочерей и трое сыновей. Всех детей он по-своему любил, стараясь уделять хотя бы немного времени каждому, но воспитанием сыновей всегда занимались особо. Служба в тихом Цзянь²² была относительно спокойной, с высокопоставленными лицами чиновник Ци не часто пересекался — по рангу не положено. Жалованием своим был вполне доволен. Однако, как и у любого государственного мужа, у мужчины имелись свои амбиции, которые он связывал с сыновьями. Чиновник Ци Ханг усиленно заставлял мальчиков заниматься, чтобы те имели все возможности сдать император-

²² одно из древних названий Нанкина

ский экзамен для поступления на государственную службу. А там уж господин Ци подсуется, да пропихнет отпрысков на теплые должности.

Вот так и вышло, что о «приблужной Мей», как издевательски окрестили девушку домочадцы, все и позабыли. И даже ее собственная мать давно смирилась с таким существованием дочери, оставив ее в покое. Однако стоило Ци Мейли показаться на глаза кому-то из братьев или сестер, например, на редких недолгих прогулках, те позволяли себе и грубые шутки, и издевательства, искренне считая, что убогой все равно. Фактически, Ци Фэй поняла, что в этом большом и богатом доме по-человечески к ней относятся только два человека: мать — одна из бесправных наложниц господина Ци, подаренная тому за долги разорившегося семейства торговца глиняной посудой, и Син Шихонг — ее личная служанка. По доброму к девушке относились и безропотные слуги.

Все время, проведенное здесь, Ци Фэй, едва придя в себя от произошедшего, решила потратить с пользой, пока ее мир здесь. Знания, оставшиеся в голове девушки из XXI века на этих варварских землях мало могли пригодиться, разве что работа с цифрами. Самое важное здесь, как очень быстро уяснила Ци Фэй, знание этикета и норм поведения. Ее строптивый и упрямый характер был слишком силен, он никак не хотел укладываться в какие-то дикие правила патриархального полигамного общества. Поэтому нынешняя Ци

Мейли старалась как можно реже выходить из комнаты. Она была еще не готова встретиться с новой реальностью.

— Скажи, а как я вдруг заболела? — спросила как-то девушка свою служанку, расставлявшую на столике обеденную трапезу. Син Шихонг искренне считала, что с хозяйкой произошло настоящее чудо, раз она так резко не только выздоровела, но и вернула здравый рассудок. Не иначе Небеса смилостивились.

Вздохнув, служанка еще раз рассказала:

— Госпожа долго болела, очень ослабла из-за того, что плохо и мало ела. Сквозняки в этой части дома особенно сильные, ведь мы живем в самых дальних и холодных комнатах, словно изгой. Жаровен мало — вот госпожа и простыла. На улице-то прохладно, особенно по ночам... Сильный жар Ваша служанка сбивала несколько дней, но госпоже легче не становилось. Лекарь сказал, что госпожа скоро умрет и помочь ей мы не в силах. И вот вдруг утром Вы открыли глаза совершенно здоровой! Это ли не чудо?

«Из рассказа этой девчушки выходит, что настоящая Ци Мейли, скорее всего, умерла». Ци Фэй с аппетитом принялась за еду: рис, совсем немного жесткого мяса, миска тушеных овощей и кусочек тофу. По меркам поместья — убогая еда. По меркам прошлой жизни Ци Фэй — роскошь.

— Я очень хочу выйти из поместья, Син Шихонг. Поможешь мне это устроить? Кажется, эти стены меня душат, я умираю со скуки. Даже книг толком нет интересных. Лес,

озеро, красивые места? Куда можно пойти? Храм! — вдруг воскликнула Ци Фэй, вспомнив, куда чаще всего ходили женщины в сериалах. — Может, в храм?

— Но, госпожа, стоит оповестить предварительно старшую матушку и главную госпожу, получить ее разрешение. Как может молодая незамужняя дева идти одна по улице?

— Нет, наивная девочка, ни в коем случае! Меня запрут еще сильнее! Ты видела моих родственничков? Они же нас со свету сживут раньше! Нет, пусть все пока идет так, как есть. Дай мне время — я разберусь. А пока помоги мне выйти ненадолго из поместья. Сможешь?

Син Шихонг крепко задумалась, понимая, чем рискует. Но ради своей хозяйки девушка была готова на все. Столько лет бедняжка была полуживая!

— Вы можете переодеться в платье служанки и выйти. Госпожу в лицо практически никто из охраны не знает — они наемные. Слуги тоже не видят Вас годами. Думаю, никто особо нас не кинется. Только я отправлюсь с Вами. Одну я ни за что мою госпожу не отпущу.

Решили отправиться на следующий день обследовать местный рынок. Ци Фэй уже поняла, что она открыла глаза все в том же Нанкине, только гораздо более древнем, однако подсчитывать разрыв очень боялась.

Одежда служанки, как ни странно, оказалась гораздо более удобна, чем ее собственные красивые халаты и тесные

баофу²³. Син Шихонг только презрительно скривилась на это замечание:

— Госпожа ходит просто в обносках! Вам уже очень давно не шьют одежду, соответствующую Вашему статусу.

— Нас точно не хватятся?

— О Вас не вспоминают просто так. А Ваша матушка сейчас отправилась со старшей хозяйкой в Храм поминовения предков. Не волнуйтесь, госпожа, никто не будет беспокоить.

Надо признать, что действительность оказалась гораздо хуже, чем в приукрашенных сериальчиках, хотя все вокруг казалось декорациями к какой-то дораме. Словно павильон для съемок, где снимают дубль за дублем. Крики торговцев, дети, всадники на лошадях и крытые повозки вперемешку с богатыми паланкинами, мелькающие на главной дороге. Ци Фэй не спеша прогуливалась по местным улочкам, рассматривала товары на лавках, наблюдала за людьми. На девушку никто не обращал внимания — Син Шихонг позаботилась о маскировке госпожи, хотя нежный и белый шелк кожи было до конца не скрыть.

Ее хозяйка не соответствовала принятым стандартам красоты, но оставалась очень миловидной. Поэтому Син Шихонг обрядила ее в самые старые одежды, которые удалось найти у себя, максимально замотав довольно выделяющий-

²³ один из первых вариантов бюстгальтера - женщины надевали на переднюю часть тела кусочек ткани и закрепляли завязками сзади.

ся бюст тканью²⁴, заставив нацепить мили²⁵, закрепленную на соломенной шляпе. Сверху служанка утеплела хозяйку плотным халатом, а под халат заставила надеть широкие штаны, прибинтовав их внизу к ноге, чтобы наверняка никто не позарился. И все равно зорко следила, идя позади, за тем, чтобы ничего не причинило госпоже вред.

День за днем такие прогулки стали частыми. Ци Фэй вскоре оставляла свою служанку в поместье и отправлялась «исследовать мир» сама. Чем быстрее девушка поймет, как здесь все работает, тем быстрее она сможет устроить свою собственную жизнь. Возвращаться, по большому счету, ей некуда. Так почему бы не попробовать начать с нуля здесь?

Через месяц таких прогулок Ци Фэй поняла, насколько этот мир жесток. Здесь нет привычных заповедей любого цивилизованного общества: «не убей, не укради...» Здесь нет прав человека и справедливости. Здесь есть жестокость — и она повсюду. Сильные притесняют слабых, богатые имеют абсолютную власть над бедными. То, что Ци Фэй видела лишь в исторических дорамах, да и то приукрашено, сейчас во всей своей мерзкой полноте явилось перед глазами. Разительный контраст между бедными и богатыми лишь усиливал жалкое положение первых и жадность вторых. А еще сильно мешали запахи! В воздухе была намешана целая ка-

²⁴ плоская грудь — таков был непреложный древний канон красоты в Поднебесной.

²⁵ вуаль на шляпе.

кофония из них, но вот только особо приятными они не были, особенно тяжело проходить мимо бедных домов или людей. Но Ци Фэй твердо решила — она найдет способ жить здесь! Она выживет! В конце концов, у нее есть мозги, которые нужно использовать по назначению, а жизненная лазейка найдется. Не зря же она попала в этот мир. Для чего только?

Ци Фэй уже несколько раз выходила за городские ворота Чжунхуа, прогуливаясь и изучая местные виды. Город — большую доступную ей часть — она освоила. Выработала маршруты. Неплохо бы научиться ездить верхом, но пока это недостижимо. Зато у одного торговца девушка выменяла острый короткий нож на свою шпильку из слоновьей кости. Все лучше, чем совсем без защиты.

Ей очень понравилось сидеть на берегу реки Циньхуай. Она и раньше любила смотреть на воду — это было ее частое занятие в детстве. Ци Фэй отлично плавала и держалась на воде. Но сейчас уже было довольно прохладно. Осень правила повсюду: листья желтели и опадали, вечера и ночи держали в плену пронизывающей прохлады, но днем все еще могло порадовать солнечное тепло. Здесь на берегу живописной реки Ци Фэй как будто чувствовала свою связь с прошлой собой — словно она в своем мире и ничего с ней не случилось. Девушка облюбовала под деревьями небольшую корягу, где и сидела, прислонившись к толстому столбу высокого платана. Ей хватало около получаса, чтобы собраться с мыс-

лями и вновь нырять в разномастную толпу чужого времени, в котором девушка никак не могла понять ни своего места, ни своей роли.

Сегодня же, как обычно подойдя к своему излюбленному месту недалеко от самой реки, она увидела там мужчину в темной военной форме с тяжелым плащом сверху, который, видимо, отдыхал, привалившись грузно на ствол дерева, словно откинувшись на стуле. Под плащом виднелась запыленная кольчужная броня, украшенная изображениями киринов. Глаза мужчины были закрыты, а лицо выделялось бледностью даже под слоем пыли. Немного растрепанные волосы и явно грязная одежда указывали, что путник издалека и, видимо, очень устал. Ци Фэй хотела уже развернуться и тихо уйти, но вдруг заметила тугую повязку на плече, которая была словно мокрая. Цвет пыльных доспехов поверх не давал ей сильно выделяться. Вот оно что! Мужчина не просто отдыхал — скорее всего, он был ранен! Повязка, видимо, была пропитана кровью. Не задумываясь, Ци Фэй спешно подошла к мужчине, который продолжал сидеть, не шелохнувшись, хотя шум шагов уже давно должен был заставить его открыть глаза. Внушительная аура сидящего человека, тяжелый меч рядом, рукоять которого инкрустирована витиеватыми вставками явно из драгоценных камней, и заметная белизна его кожи говорили, что это не обычный рядовой солдат. Ци Фэй испугалась, не умер ли он?

— Гунцзы²⁶, что с Вами? Вам плохо?

Незнакомец открыл глаза лишь через некоторое время — затуманенный взгляд скользнул по закутанной девушке в робе прислуги.

— Ты из Цзянье? — спокойно поинтересовался раненый.

— Да, оттуда. Я служу в поместье чиновника Ци, молодой господин. Вы ранены? Нужна помощь?

— Ты всем раненым помогаешь? — сухо поинтересовался мужчина без всяких эмоций на лице. Но Ци Фэй видела боль в темных глазах.

— Стараюсь, — так же сухо в тон собеседнику отрезала Ци Фэй. — Если я могу помочь — я помогу.

— Денег хочешь выманить? — мужчина явно удивился столь резкому тону от простой служанки.

Ци Фэй усмехнулась — ну, да, мечта любой бедноты здесь. А что? Винить их не в чем — надо выживать. И вдруг девушка невольно подумала, что деньги бы ей и самой сейчас не помешали. Господин Ци свободных денег дочери, естественно, не выделял. Зачем они той, кто мира не видит?

— Гунцзы очень прямолинеен. Но у меня нет такой цели. Просто я увидела Ваше раненое плечо. На Вас напали?

— Да.

Если девушка и ждала продолжения, то она ошиблась.

— Хорошо, не говорите. Это Ваше дело. Могу чем-то помочь? А то у меня не так много времени свободного: госпо-

²⁶ молодой господин, буквально «сын дворянина» или «сын общества».

жа по мне скучает, — с долей сарказма предложила Ци Фэй странному типу.

Незнакомец, казалось, задумался, недовольно оценивая вид случайной «спасительницы», а после нехотя озвучил:

— Помоги мне добраться до лекаря в городе, только самого лучшего. И надо найти постоянный двор, чтобы переночевать. Я заплачу за твою помощь, хотя наглая манера общения простой слуги чересчур вольная. Тебя стоит выпороть, а не деньгами одаривать.

Девушка раздумывала. Время по собственным внутренним часам явно поджимало, а что там происходит в поместье, она не знает. Так сильно ей еще не приходилось задерживаться. Син Шихонг сойдет с ума... Надо просто указать этому удалому вояке куда и в каком направлении ехать... Выпороть, как же... Неблагодарная сво...

Тут вдалеке, за деревьями мелькнул мужчина в черном. Этой темной вспышки на светлом фоне Ци Фэй стало достаточно, чтобы испуганно поверить — мужчину преследовали убийцы. Но почему не нападают? Или боятся показаться в открытую? Да, здесь оставаться раненому нельзя.

Решительно приблизившись, Ци Фэй склонилась немного перед мужчиной, чтобы ему удобнее было встать:

— Давайте, надо уносить ноги. Ваши преследователи не дремлют.

— Преследователи?

— Я вижу по крайней мере одного убийцу в черном даже

отсюда. Поторопимся, гунцзы.

Но раненый не спешил. Он пристально вглядывался в странную невоспитанную спасительницу, пытаясь разглядеть за мили черты лица. От нетерпения и волнения девушка начала притопывать раздраженно ногой. Только тогда мужчина, наконец, среагировал и встал. Сам. Рука уверенно взяла стоявший рядом меч, не вынутый из резных кованых ножен.

— Эх, хотела, как лучше, — пробормотала смутившаяся Ци Фэй. Кажется, здешние люди даже раненые могут прыгать, бегать, ездить верхом... Незнакомец только фыркнул на эти бормотания. Но вдруг подошел и крепко обхватил рукой плечи своей неожиданной помощницы.

— Я благодарен тебе, девушка. И, конечно, щедро заплачу.

— Оставьте свои золотые при себе — они еще пригодятся у лекаря. Город очень дорогой, — осадила пафосно-благородную речь Ци Фэй. — Просто скажите Ваше имя. Как к Вам обращаться?

Раненый, опираясь на девушку, твердо и осторожно подошел к своей лошади, которую Ци Фэй и не сразу заметила.

Взобравшись в седло и морщась от болевых ощущений в плече, мужчина вздохнул и неохотно представился:

— Мин Лэ Ян — генерал Ван победоносной армии Императора Тянь-ся²⁷, — и протянув девушке руку, с силой вта-

²⁷ Поднебесная

шил ее в седло, кое-как усадив позади себя.

У Ци Фэй от такого рывка сбилось дыхание, а раздражающая шляпа лишь мешала. Вцепившись в плотные грязные доспехи, она проклинала себя, свою невезучесть, этого «раненого» и свой язык, который оказался врагом.

Конь припустил легким галопом в направлении города.

Провожая двоих путников острым холодным взглядом из-за деревьев, мужчина в черном отдал кому-то предупреждающий знак рукой и усмехнулся. Это слишком легко...

Игра света

Лекарь Фань Дувэй сегодня проснулся не в духе. Убеленный возрастными сединой мужчина целую ночь ворочался из-за того, что рассказал этот негодный ленивый мальчишка, его помощник, о злостном, бесчестном конкуренте Фань Дувэя — лекаре Сюн.

Этот выскочка-стриючок с редкими зубами громко хвастался своим повышением на всю округу. Вчера в богатом ресторане, разомлев от количества выпитого вина, этот мерзкий старикашка кричал о том, что он точно теперь обскочит всех своих коллег и уедет служить прямо в императорский дворец! Видишь ли, он вывел сыпь у одной из наложниц Императора, которая приезжала сюда посетить родню и храм! Тьфу! Старый дурак!

Фань Дувэй не мог успокоиться — из-за мелкой сыпи этот никчемный дуралей получает такое повышение?! Где справедливость? Неужели Небеса совсем от него отвернулись?

Он с раздражением распахивал завернутые травы и настойки по полочкам в своей лавке, которая также служила и приемной для посетителей. Позади лавки имелась довольно обширная пристройка дома самого лекаря и операционной. Дело близилось к вечеру, но, как назло, в лавке сегодня побывали лишь «три калеки», купив какие-то чайные и лечебные сборы. Нет... Надо срочно отправиться на поклонение и

попытаться задобрить Небеса...

Лекарь так был занят спором самим с собой, что не заметил, как к нему в лавку ввалились двое: женщина в поношенном платье служанки и в запыленной шляпе поддерживала за плечи высокого, статного молодого мужчину, который шел медленно, но был бледен и явно нездоров. Фань Дувэй пришел в себя, когда посетительница с облегченным выдохом усадила своего спутника на широкую лавку, предназначенную для первичных осмотров. Усадила — это мягко сказано, скорее, свалила, как тяжелый мешок с рисом. Лицо девушки скрывала вуаль на потрепанной крестьянской шляпе.

Первое, что бросилось в глаза лекарю — рана на плече, замотанная какой-то грязной тряпкой. Какой кошмар! Это было чудо, что солдат жив! Вот дуралеи, даже не соображают, чем рану надо перевязывать. Раздражение хозяина лавки очень быстро росло. «Вояки», — презрительно про себя скривился лекарь.

Лицо мужчины было серым от слоя пыли, как и доспехи. Мелкие порезы уже подживали и покрылись коркой, но по лихорадочному блеску в глазах раненого становилось понятно, что либо пошло заражение, либо у солдата лихорадка, вызванная не утихающей болью.

— Вы лекарь? — властно задал вопрос странный посетитель. Никаких любезностей или приветствий. Только давящее высокомерие. Солдафон.

— Лекарь Фань Дувэй, к Вашим услугам, гунцзы.

— Вытащи стрелу из меня. И дай какое-нибудь варево, чтобы сбить жар, — незнакомец говорил отрывисто и грубо. Каждое слово, как будто, давалось ему с трудом, но он упорно не показывал своей слабости. Даже просьба о помощи звучала как приказ.

Фань Дувэй невольно восхитился — судя по состоянию этого мужчины, он потеряет сознание уже при развязывании этой тряпки на плече. С него градом катился пот. Но солдат есть солдат. Все грубые чурбаны.

Лекарь, прихватив инструменты, приблизился к раненому. Он осторожно подцепил грязную тряпку и стал снимать ее с плеча. Раненый лишь стиснул зубы и, казалось, задержал дыхание.

Открывшаяся картина в итоге едва не заставила потерять сознание молчавшую до этого Ци Фэй. Рана была и не сильно страшной, но торчавший обломок сломанной стрелы из нее создавал жуткое впечатление. И Ци Фэй, будучи далеко не неженкой, с трудом сглотнула вязкую слюну страха. В горле моментально пересохло, а ноги вдруг стали ощущаться ватными. И где-то внутри все еще теплилась глупая слабая надежда, что сейчас кто-то позади вдруг закричит: "Стоп, снято".

— Мне нужна твоя помощь, девушка, — деловито сказал седовласый господин, не глядя на нее — все внимание оставалось поглощено рассматриванием ранения. — Мы уложим его на тот стол, — кивком указал лекарь куда-то в темную

глубину лавки. — Ты поддержишь нашего друга, пока я вытащу наконечник. Это болезненно, не хочу, чтобы он дергался и навредил себе.

— Ты сомневаешься в моей выдержке, старик? — презрительно скривился раненый мужчина.

— Этот скромный лекарь просто удивляется тому, что Вы еще живы, уважаемый. Народ здесь слышал, наш Император одержал полную победу...

Раненый впервые за все время усмехнулся. На сером от пыли лице вдруг каким-то внутренним светом загорелись глаза:

— Сокрушительную. Мы разбили этих лисиц в их же логове! Казна обогатится. Народ нашего государства будет теперь жить в мире. Хотя бы несколько лет. Север обширен, всегда найдутся желающие попытать удачу в набегах сюда.

— Именно поэтому, мой пылкий друг, ты должен помочь мне подлатать тебя. Ведь жизнь — это непредсказуемая штука. И после такого боя надо пожить всласть, как думаешь? Много вина, красивые женщины, — подмигнул вдруг лекарь пристально глядящему на него заметно уставшему мужчине.

Когда раненого устроили на столе, Ци Фэй, очень нервничая, склонилась над странным новым знакомым и приготовилась держать руки. В этом мире ее тело гораздо слабее, какое-то изнеженное. Но это поправимо. Сейчас же недостаток силы удручал. А еще девушка отсутствовала в поместье почти целый день! Будет чудо, если все окончится без послед-

ствий. Этот раненый совершенно не походил на генерала армии, больше на простого вояку. Но, черт его знает, какие тут у них местные костюмы... Если подумать, манера обращения этого заносчивого парня была очень даже генеральской.

— Эй, — властно выдернул из мыслей голос над ухом. — Ты почти улеглась на меня!

Оценив положение своего тела, девушка лишь фыркнула: — Для тебя же стараюсь — будь немного более благодарным!

Ци Фэй хотела добавить еще что-нибудь язвительное, но осеклась, встречаясь с пронзительными почти черными от боли глазами. Этот мужчина невероятно силен! Почему в ее времени такие не водились? Даже не смотря на грязь, он оставался волнующе привлекателен. Ци Фэй невольно улыбнулась своим мыслям, не переставая разглядывать раненого, который, в свою очередь, тоже не сводил с нее глаз. Только в этот момент девушка поняла, что машинально сняла свою мили, покрывавшую ее голову и оставлявшую неясными размытые черты. Теперь же он знал ее в лицо.

— Ты миленькая, — последнее, что успел сказать мужчина, когда Фань Дувэй, наконец, ухватившись за торчавший наконечник, выдернул полностью сломанную стрелу из раны.

Ци Фэй навалилась почти всем телом, удерживая дернувшегося с полузадушенным криком мужчину. Из раны хлынула черная кровь. Лекарь суетливо начал прочищать ее. Сол-

дат под ней тяжело и поверхностно дышал, со лба и по шее градом катился пот, но... Он был в сознании! Просто невероятно! Лекарь, по-видимому, тоже разделял ее удивление.

— Какой необычный организм! Просто невероятно. Уникальный человек — истинный солдат. Он выдержал такую боль и остался в сознании, — памятуя о свободном и неформальном общении между этими двумя, он предположил, что они близки. — Девушка, это твой возлюбленный вернулся?

— Нет, — сипло выдавила Ци Фэй. Голос отказывался произносить звуки членораздельно.

— Ее для этого надо хотя бы привести в порядок. Я с такими неряхами и рядом не встану, — прошептал слабым голосом Мин Лэ Ян.

До девушки не сразу дошло, что ее оскорбили.

— Ах, ты...

— Выполняй свою часть сделки. У нас уговор, — бесцеремонно осадил ее ругань Мин Лэ Ян, не обращая внимания на полностью отсутствующую уважительную манеру разговора, принятую для слуг.

— Сегодня больной останется здесь. Этот скромный лекарь понаблюдает за его состоянием и напичкает варевом, как уважаемый господин просил. Растолку нужные таблетки, чтобы блокировать инфекцию, если она осталась в организме. Начнется ли жар... Думаю, да. Слишком долго он носил этот наконечник, не давая тем самым открыться кровотечению. Но учитывая выдержку этого воина... Если до утра с

ним все будет благополучно, забирай своего красавчика, — деловито закончил Фань Дувэй. — Он может восстановиться и сам, используя лекарства и мазь для раны.

Ци Фэй резко отстранилась от своего "возлюбленного" и решительно двинулась к выходу, прихватив шляпу. Все, с нее довольно на сегодня странных приключений. Со своими бы проблемами разобраться! И денег не увидишь, и под удар всех подставишь...

— Подожди, — властно остановил тихий голос. — Завтра придешь и снимешь мне хороший номер на постоялом дворе.

— А если не приду? — раздраженно развернулась Ци Фэй.

Мужчина, на удивление, не выглядел обессиленным или слабым. Он все также излучал уверенность, словно всегда контролировал ситуацию. Просто уставший, измученный. Сердце невольно как-то тоскливо сжалось. Никогда за все свои двадцать с небольшим лет Ци Фэй не встречала в своем веке таких сильных и удивительных мужчин. С одной стороны — восхищенный интерес, с другой — надо бы держаться подальше. Женщин здесь вряд ли считали полноценными личностями. Особенно такой грубый солдат, который даже разговаривал приказами. Он ведь был молод, но уже командовал армией! В руках чувствовалась сила, в словах — высокомерие, но основа была нестигаемой.

Ци Фэй с удивлением поймала себя на мысли, что ждет

его ответа.

— Придешь. Деньги всем нужны, — уверенно подытожил Мин Лэ Ян, совершенно правильно уловив ее мотивы. — И да, спасибо тебе за помощь, — добавил он вдруг тихо и гораздо мягче.

В этот самый момент девушка, пристально следя за эмоциями на лице раненого, невольно заметила, что темные до этого глаза мужчины словно посветлели. А может, это была лишь игра света.

Лимит везения

Удобно расположившись в своей комнатке, которая уже больше не казалась девушке шикарными хоромами — к хорошему быстро привыкаешь — Ци Фэй спешно и совершенно невоспитанно уплетала уже вторую чашку риса с маринованными овощами, попутно запивая бульоном с небольшим кусочком свинины и тофу. Она настолько проголодалась, что, казалось, съела бы сейчас еще чашек пять. Почему у них в доме такие мышиные порции?!

Син Шихонг лишь испуганно смотрела на это, не в силах скрыть удивленный взгляд, — девушки так не едят. Весь день страх и волнение за госпожу, которая отправилась на свою уже ставшую привычной прогулку, не покидали юную служанку. Син Шихонг даже представить не могла, что та настолько задержится. А когда ворота в поместье охранники закрыли на ночь, страх девушки за свою госпожу достиг апогея. Могло случиться, что угодно: напали, ограбили, заблудилась или, еще хуже, причинили вред²⁸.

Но нынешняя дочь чиновника Ци Мейли не переставала удивлять. Она не просто не растерялась перед закрытыми воротами, она обошла поместье, пройдя к задней стене, и просто ловко перелезла через нее по разросшемуся и креп-

²⁸ Т.е., изнасиловали.

кому плющу, которым украшали стены богатые дома. Тихо проскользнув в темноте к своему флигелю, девушка долго виновато гладила по голове рыдающую от облегчения Син Шихонг. Да, такие вылазки дорого обходятся им обоим. Но главное, что, видимо, Небеса все еще благоволят к ним, не давая лишним глазам увидеть такой маскарад. Ци Фэй понимала, что время поджигает. Хорошо еще, что мать была постоянно при главной жене господина Ци, выполняя роль почти личной служанки, и времени на дочь у женщины практически не оставалось. Да и не о чем было говорить с той, которая живет в своем закрытом ото всех мире. По просьбе госпожи, Син Шихонг не стала докладывать о чудесном исцелении.

Служанка была приставлена к больной госпоже несколько лет назад. Ци Мэйли очень долго привыкала к девушке. Но неужели изначально хозяйка имела такой вольный и резкий характер? Она была прямолинейна и бесстрашна. А те авантюры, в которые Ци Мейли втягивала и ее, Син Шихонг, дорого обходились нервной системе всего боящейся девушки.

Ци Фэй, откинувшись на мягкие подушки, отодвинула от себя столик с пустыми чашками и с урчанием погладила себя по полному животику. Самым страшным для девушки всегда был голод. И с ним она сталкивалась в своей прошлой жизни довольно часто. Ци Фэй задумалась об оставленном у лекаря новом знакомом — Мин Лэ Яне. Если мужчина, назвавшийся генералом, отблагодарит ее по-человечески, то у

девушки будет наличность в кармане. Обидно, что у нее нет никаких прикладных навыков. Она не умела вышивать или шить, танцевать, у нее не было ораторского дара, да и мастером пера она тоже не была. Единственное, готовила неплохо, не хватало практики и денег на продукты, приходилось питаться кое-как тем, что было. Она могла лишь сводить баланс, но кто доверит здесь такой вопрос женщине, да еще и с такой репутацией?

В любом случае, пока Ци Фэй решила довести до конца вопрос с раненым военным. У прошлой Ци Мейли здесь не было знакомых или подруг, поэтому такой шанс нельзя было упускать. Ее жизненный девиз всегда гласил: надо решать проблемы по мере их поступления. Поэтому на следующий день, девушка выскользнула из поместья пораньше, надеясь управиться быстрее со странным господином и, вернувшись в стены поместья, покрасоваться на виду домашних, пока те не заметили ее долгого отсутствия.

Ци Фэй все в том же старом потрепанном платье и милливо деловито ворвалась в медицинскую лавку Фань Дувэя, совершенно уйдя в свои путанные мысли, но была остановлена жесткой мужской рукой, преградившей вдруг путь. Подняв голову, Ци Фэй напоролась на острый холодный взгляд господина в военной форме, вернее, в темном плотном халате, поскольку броня была снята еще ранее. Выглядел раненый сегодня в разы лучше, хотя некоторая бледность присутствовала. Поврежденное плечо было обработано и надежно за-

мотано чистой белой тканью.

Мужчина перед ней стоял более-менее опрятный на вид, и девушка невольно залюбовалась открывшимися чертами лица, частично скрытыми за отросшей щетиной. Темные, словно не знавшие света, волосы были аккуратно заколоты нефритовой гуань²⁹. Сейчас раненый выглядел намного более респектабельно. Спокойный, уверенный вид выдавал в Мин Лэ Яне человека властного, который привык отдавать приказы, а не исполнять их. На вкус Ци Фэй внешность парня была грубовата, но в нем чувствовалось то самое мужское начало, которого так не хватало в инфантильных мужчинах XXI века. Перед ней стояла сила в человеческом проявлении не столько физическая, сколько внутренняя, наполнявшая все существо Ци Фэй каким-то трепетом. Выдержку и силу воли этого военного она вчера видела. И все же, генерал был еще далеко не здоров, он должен сейчас отдыхать. Однако Мин Лэ Ян выглядел так, как будто полностью готов вернуться на поле боя.

— Когда ты сменишь эти тряпки на тебе? — недовольно сморщился мужчина, разглядывая вошедшую девушку. — И сними с себя эту древнюю шляпу. Я должен видеть лицо собеседника, — он буквально сорвал с ее головы довольно потрепанную мили.

— Генерал Мин... — осеклась от возмущения Ци Фэй, ре-

²⁹ заколка на голове мужчины, которой скреплялись волосы после совершенного полета.

шившая сегодня быть повежливее с человеком, который может дать ей денег. — Ты... Вы, как минимум, должны вести себя более сдержанно! Пусть эта служанка и низкого происхождения, но у нее тоже есть своя жизнь, в которую со своими советами Вам лучше не...

— Ты прячешься от кого-то? — сузил глаза Мин Лэ Ян.

— Эта скромная служанка пришла отвести Вас в обещанную гостиницу и выполнить наш уговор. Лучший постоялый двор в Цзянье — это Шанцзай³⁰. Поторопимся, генерал, если Вы в состоянии туда отправиться. У этой служанки еще много дел, — Ци Фэй осматривалась по сторонам, вспоминая дорогу.

— Так стремишься от меня избавиться? Даже имени своего не назвала вчера, — мужчина хмурился и раздражался. Эта девка совершенно не понимает своего места, либо она далеко не прислуга. К последнему, кстати, он склонялся больше. Ничего, все равно все расскажет.

— Оно так важно? Через две чашки чая³¹ наши пути разойдутся, — Мин Лэ Ян недовольно нахмурился. Эта нахалка прямо напрашивается на палки. — Кстати, Ваши преследователи не объявлялись?

— Преследователи? Все в порядке. Тебя боятся, видимо, — поддел генерал Ван, подцепив носком сапога подол изношенного платья служанки.

³⁰ В пер. "маленький домик"

³¹ примерно 30 минут

Ци Фэй стиснула зубы и нырнула в людской поток, так и не увидевшись с самим лекарем. Как ни странно, несмотря на ранение, мужчина не просто не отставал, но и легко лабирировал среди толпы, держась рядом и совершенно не торопясь. Мин Лэ Ян еще успевал с интересом разглядывать разномастные лавки с товарами.

Фань Дувэй, провожая глазами своего пациента и эту странную девушку, подкидывал в руке увесистый мешочек с золотом, которым его отблагодарил необычный раненый. Мужчина-военный, имеющий не простой чин, один, без сопровождения, в таком состоянии... И стрелу он получил явно не в бою. Важная шишка. Скорее всего, на его жизнь покушались. А костюм вояки — лишь маскировка для беспрепятственного перемещения. Пациент еще был слаб, но, самое главное, не было заражения, поскольку все примененные лекарства сбили начавшийся жар и очень помогли молчаливому и щедрому пациенту. Раненый отлежался лишь эту ночь, словно не позволяя себе до конца расслабиться. Уже с утра он был на ногах и беспокойно расхаживал туда-сюда по лавке, поглядывая на улицу, словно ожидая... А эта девица даже особо не поинтересовалась самочувствием своего подопечного, которому вчера спасала жизнь. Видимо, все же не возлюбленный.

Фань Дувэй про себя посмеялся. В любом случае, эти двое могут составить гармоничную пару. Напряжение прямо витало в воздухе и растворялось в колких, язвительных словах,

которыми обменивались молодые люди. Если этот мужчина позволял простой служанке разговаривать с ним так фри-вольно, то, скорее всего... Фань Дувэй вздохнул. Ах, он уже так стар, но не заметить пылкого взаимодействия, все же, не мог. Лекарь мог поспорить на этот мешочек золотых, что их история только начинается.

Ци Фэй вскоре совершенно надоело, что ее знакомый тащился так, словно он пребывал на прогулке. Мужчину интересовало все: красивые заколки на прилавках, украшения из дешевых материалов в корзинке лотошника, свежие булочки — бао, источавшие дивный аромат, добротные плащи и расшитые сапоги для мужской и женской ноги. Словно он сам, как и Ци Фэй, пришел не из этого мира и теперь всю погружался в его разнообразие. В конце концов схватив никуда не спешащего генерала за здоровую руку, Ци Фэй с силой потащила того за собой. Странно, что Мин Лэ Ян шел покорно и молча. Но девушка, увидев вожака табличку с названием гостиницы в конце улицы, уже не задумываясь ни о чем, ускорила шаг...

Однако лимит везения, видимо, в этот день и в этот миг для Ци Фэй был исчерпан. Небеса предъявили счет — девушка буквально столкнулась с женщинами, выходившими из ювелирной лавки, одна из которых удивленно и громко окликнула ее:

— Мейли? Милостивый Будда, это ты? Здесь? Дочка, как же так? Неужели ты сбежала? Но как ты вышла за порог?

В первую секунду до Ци Фэй не дошло, что обращались именно к ней, ведь она не Ци Мейли. Однако вдруг похолодев, девушка перевела взгляд на трех степенных дам в дорогих нарядах: хозяйка поместья и главная жена господина Ци — Ци Сяо, его третья наложница — Тин Ланфен и ее мать — Ни Нуо! В свое время Ци Фэй несколько дней пыталась запомнить эти лица, украдкой подглядывая за ними. Вожделенная награда в виде денежного мешочка сейчас просто развеялась дымкой. Она обречена...

Не отпуская вдруг ослабшую руку, Мин Ле Ян подошел ближе к девушке, устремив свой пронзительный взор на шокированных женщин.

— Кто вы? — не церемонясь спросил он.

— Да как ты... — задохнулась от гнева госпожа Ци Сяо, всем видом демонстрируя высокомерие высокого происхождения. — Так ты соблюдаешь приличия, неучтивый щенок?

— Прошу прощения, — требовательный взгляд вдруг смягчился, и мужчина немного пафосно поклонился дамам. — Этот солдат не представился. Генерал Ван³² — командующий армии великого Императора Тянь-ся³³. Был ранен. В городе искал врача. Девушка пообещала помочь мне найти постоянный двор.

Все сказанное выглядело логично, разумно — не подкопаешься. Дамы немного расслабились и вторая из них — ни-

³² имеется в виду официальное имя-титул. Мин Лэ Ян — личное имя

³³ Поднебесная

зенькая, с высоко уложенной прической и в расшитом шелковом одеянии, поверх которого накинуто теплое манто — смело выступила чуть вперед, чувственно изгибая накрашенные ярко-красным губы:

— Ах, как же неудобно все вышло... Мы растерялись, и госпожа Ци перенервничала. Прошу нас простить. Мы просто не ожидали увидеть рядом с Вами юную госпожу из нашего дома — поместья уездного чиновника Ци. Дело в том, что девушка, дочь-шу³⁴нашего господина, давно безнадежно больна и должна сейчас находиться под присмотром в поместье. Бедняжка не в состоянии позаботиться о себе. Для нас увиденная картина стала просто ужасной неожиданностью. Это — Ни Нуо, мать молодой госпожи, — яркие губы женщины растянулись в широкой улыбке, невольным движением изящной ручки она кокетливо поправила прическу — не каждый день полоумная дочка ее супруга притаскивает за руку таких красавцев!

Ци Фэй вдруг вышла из оцепенения и решительно сказала:

— Генерал, эта девушка, как и обещала, привела Вас к постоялому двору, который считается одним из лучших в городе. На этом наши пути расходятся. Мне пора вернуться в поместье.

«Безнадежно больна? Эта девица, оказавшаяся и не служанкой, здоровее всех здоровых. Еще больше — наглее. Вос-

³⁴ Напомню, «шу» - приставка к детям от наложниц.

питание, этикет и скромность — не сильная сторона этой госпожи». Игнорируя вновь растерянных дам, Мин Лэ Ян строго взглянул на свою спутницу, тоже переходя на официальный тон:

— Вы водили меня за нос два дня подряд, молодая госпожа, — это, по меньшей мере, некрасиво. Но этот генерал допускает, что Вы не доверяли незнакомцу. Однако сейчас этот солдат хотел бы, что Вы представились как полагается. Генерал может рассчитывать на такую малость?

Девушка настороженно всматривалась в холодные глаза, которые прятали в своей глубине... Злость? В любом случае, мужчина, несмотря на кажущуюся легкость, был напряжен и недоволен. А чего он хотел?

— Госпожа Ци Мэйли — дочь-шу чиновника V ранга Ци Ханга. Он служит в местной префектуре Цзанье.

— Для чего был этот маскарад, — с брезгливостью мужчина кивнул на старое тряпье служанки.

— Для того, чтобы эту девушку не трогали и не приставали. Так незаметнее. Помогает сливаться с толпой.

— Вы — мастерица ускользать, видимо?

— Жизнь научит всему, господин, — в тон ему вторила выпадом на выпад Ци Фэй. Теперь можно не притворяться. — Вы ведь тоже ускользали от своих проблем, верно?

Мин Лэ Ян буквально впился глазами в ставшую вдруг не особо любезной молодую госпожу. Затем усмехнулся и тихо доверительно прошептал:

— Этот генерал еще не рассчитался с Вами и, кажется, много задолжал.

— Господин, я просто надеюсь, что Ваше благородство позволит не держать зла на обычную девушку, которая помогла Вам насколько хватило ее сил. Никакой другой награды не нужно. И всего доброго.

Мин Лэ Ян, грозный генерал Ван, хотел просто смеяться в голос — его прогоняли! Наплевав на все нормы и приличия, его открытым текстом отправляли подальше! Однако две госпожи вдруг оказались куда более стоворчивыми — они торопливо предложили мужчине выпить чаю и рассказать про победоносный поход правителя Тянь-ся на северные племена.

Ци Фэй не дослушала эти воркования. Схватив Ни Нуо за руку, девушка решительно потянула мать в сторону поместья, не обращая внимания на тяжелый провожавший ее мужской взгляд. Сейчас главное — спасти Син Шихонг! Ведь гнев хозяев может стоить ей жизни.

Бойся своих желаний

Двадцать ударов палкой — таков был приговор Син Шихонг. Бедняжка в ужасе смотрела на свою госпожу, но не протестовала. Она знала заранее, чем все может кончиться. За все свое время здесь, в поместье, Син Шихонг довелось пережить и что-то побольнее двадцати палок... В стороне посмеивался второй сын господина Ци — Ци Сунин. От его издевательской ухмылки Син Шихонг всегда бросало в дрожь. С такой же самой ухмылкой он часто тащил девушку к себе в комнату, лез к ней под юбку или нагло приставал, если бывал дома. Сейчас молодой человек, не смея вступать в диспут с разозленным главой семейства, лишь наблюдал со стороны, полностью поддерживая отца в его праведном гневе.

Ци Фэй буквально кинулась в ноги своему теперешнему отцу, умоляя отменить наказание или стать на место Син Шихонг и принять этот удар на себя. Конечно, девушка совершенно не понимала, что для ее изнеженного тела будут значить двадцать палок. Ни Нуо безрезультатно пыталась оттащить дочь подальше, но Ци Мейли невозможно было сдвинуть с места. Во дворе собралась практически вся родня за исключением некоторых домочадцев. И хозяин поместья долго не мог поверить, что та самая «приблужная» вдруг стала нормальной в один миг. Тин Ланфен умело подлила масло в огонь, подробно описывая их встречу в городе. В итоге

Ци Мейли оказалась виновата по всем статьям: обманывала, сбежала, якшалась с незнакомым мужчиной. Небеса только знают, сколько это уже продолжалось! И как эта сумасшедшая уже успела опозорить семью...

Господин Ци, признаться, почти и забыл про нее. Но теперь... Сколько раз чиновник мог пристроить этот лишний рот в какую-нибудь семью? Его жена и наложницы были в восторге от того представления, что разыгрывалось сейчас перед ними. Они демонстративно выражали свое презрение и порицание. Сестры Ци Мейли лишь молча и покорно взирали на происходящее. Им было стыдно за эту маленькую неблагодарную дрянь...

В итоге Ци Ханг, так толком ничего и не допытывший внятного, в приступе злости влепил тяжелую пощечину своей нерадивой дочери-шу и запер ее вновь на неделю без права даже общаться с матерью, посадив на рис и воду. Таким образом Син Шихонг была спасена.

Ци Фэй тоже злилась. Щека сильно опухла и болела, но больше болело самолюбие. Никто никогда так с ней не обращался! Как же хотелось сбежать из этой клетки! Как хотелось на свободу! Ци Фэй никогда не любила привязки к месту, но, во-первых, она была тогда молода, во-вторых, у нее никогда не было дома. Сейчас, будучи уже гораздо более зрелой личностью, Ци Фэй больше всего на свете хотела жить свободно. Просто чтобы ее никто не трогал! Всю жизнь сама выживала, а сейчас, погляди, какой-то старый мудака бьет ее

и указывает, как дышать и как думать.

Ночами Ци Фэй, устроившись на своем простеньком ложе, думала о Мин Лэ Яне. Мысли невольно возвращались к таким пронзительным темным глазам и властной манере поведения — это был первый достойный внимания мужчина, которого она узнала в этом времени. Вот только это еще один любитель покомандовать! Бедная его жена... Или жены? «Да пропади ты», — Ци Фэй раздраженно перевернулась на бок, нахохлившись. Почему ее угораздило проснуться именно здесь?! Именно в это время?

На второй день ее заточения в поместье вдруг прибыли гости. Вернее, гость. Отец Ци Мэйли привел на ужин кого-то очень уважаемого. Син Шихонг взволнованно шептала, что все повара в поместье стоят на ушах — важная шишка будет с господином на ужине. Ци Фэй лишь снисходительно погладила своего юного информатора по голове — ну как можно обижать эту девочку? Ци Фэй ловила себя на мысли, что все больше привязывается к малышке Шихонг. Ведь, по сути, она в этом времени стала самым близким для нее человеком и уже доказала свою преданность госпоже.

Чего Ци Фэй до последнего не хотела — идти напролом. Она никогда не была злодейкой или негодяйкой, но видя такое обращение с телом несчастной Ци Мэйли после пережитого разоблачения и последующего наказания от отца девушки, Ци Фэй окончательно убедилась, что иногда и стоит сыграть грязно. Просто девушка все время забывала, где она

находится.

Прожевав пресный рис, Ци Фэй решительно села за столик для письма и нацарапала кистью пару строк. Потом также решительно сунула записку Син Шихонг в руки:

— Передай незаметно третьей госпоже. Но смотри, чтобы никто не видел. Иначе нам обеим точно снесут головы.

Глаза Син Шихонг испуганно расширились, и она усиленно закивала головой. В главном доме сегодня праздничный ужин, Тин Ланфен наверняка не отлипает от зеркала — готовится сразить гостя наповал своей красотой.

Через некоторое время, как Ци Мейли и предполагала, результат не заставил себя ждать — замок с той стороны был аккуратно и тихо открыт, следом внутрь проскользнула стройная невысокая фигурка бледной третьей наложницы. В глазах плескался испуг, но держалась молодая еще женщина по-прежнему высокомерно:

— Что это еще ты удумала, «приблжная Мей»? Это что за нелепые шутки? Тебя выпорют за такое, — почти зашипела женщина, подходя к запертой девушке. Приободренная своими же словами, она замахнулась и уже хотела вlepить Ци Мейли пощечину, но вдруг кисть сжало тисками. Ци Фэй решительно блокировала замах и презрительно откинула холеную белую руку в перстнях и браслетах.

— Так почему Вы здесь, а не у своего господина? Почему сразу не показали ему эту записку?

— Что за бред ты нарисовала в своей дурной голове? И

как смеет сумасшедшая девка угрожать этой наложнице?

— Вы просто не оставляете этой сумасшедшей выбора. Давайте начистоту, третья госпожа. Вы были отданы своей семьей в удобный для нее дом простой наложницей, но муж Ваш уже довольно стар, плюс ко всему — конкуренция. Детей у Вас нет. А молодость проходит. Вы очень решительны и смелы, моя госпожа, — не побоялись завести пылкого любовника. Хотя все считают, что Вы — крайне набожная, поэтому так часто посещаете храмы.

По мере выслушивания сказанных небрежным тоном речей лицо Тин Ланфен становилось все блее и испуганнее. А толстый слой белой пудры лишь усугублял впечатление. Маленькая, почти плоская грудь учащенно вздымалась под слоями голубого парадного одеяния, выдавая панику своей хозяйки.

— Эта госпожа не понимает, о чем ты... Клевещешь на меня, грязная дрянь!

— Если понадобится, я укажу место, опишу Вашего любовника, даже опознаю его — отцу не составит труда проверить все факты.

Тин Ланфен схватилась за грудь, сбив дыхание. Она попятилась назад и вдруг упала на пол, словно ноги перестали слушаться свою хозяйку. Некоторое время сохранялась полнейшая тишина, слышны были только фоном в отдалении окрики слуг во дворе. Вперив застывший взгляд в пол, женщина наконец смогла собраться с мыслями. Голос наложни-

цы звучал глухо:

— Ты, глупое создание, даже не представляешь, что такое — спать со стариком. Когда твое тело молодо и сильно, но ты вынуждена раздвигать ноги перед тем, кто годится тебе в отцы. Ты винишь эту несчастную в желании чувствовать себя желанной и удовлетворенной? Не зная удовольствия от тела молодого мужчины, ты, ничтожная, смеешь меня упрекать?! К тому же, от твоего старого папаши детей уже никто не понесет. Но я могу забеременеть от здорового привлекательно-го мужчины. Старик будет счастлив, а рожденный ребенок упрочит положение этой наложницы в доме и даст гарантии статуса. Что ты хочешь от меня, «приблжная Мей»? — вперив пронзительный злой взгляд на Ци Мейли, Тин Ланфен почти прошипела последний вопрос.

— А эта наложница не боится, что ребенок будет не похож на ее супруга?

— Вот наивная дура, — с издевкой рассмеялась Тин Ланфен. — А ты думаешь дети, которые родились у господина Ци за все это время, — все от него?

Для Ци Фэй эта новость стала неожиданной. Она и видела-то Тин Ланфен всего однажды недалеко от местного буддийского храма. Оба стояли в затемненном углу и, не замечая ничего вокруг, тихо перешептывались. Кокетливая женщина очень соблазнительно улыбалась молодому мужчине в нежно-голубом представительском ханьфу. Было видно, что это либо ученый, либо работник пера местных госучрежде-

ний. А когда мужчина как-то чересчур резко схватил тонкую руку собеседницы и порывисто прижал к своим губам, Ци Фэй многое стало понятно. Однако на тот момент личная жизнь гарема папеньки Ци Мейли девушку мало интересовала. А зря.

Степень безрассудства местных женщин просто вызывала и ужас, и восхищение. Родить детей не от мужа! В таком-то обществе! Однако Ци Фэй раздражали их недалекий ум по большей части, неумение держать язык за зубами, завистливость. Да, стоит признать, ценность женщины здесь низка, они могли выжить только за счет мужчин и семьи — их так воспитывали. Удачное замужество и дальнейшая борьба за внимание супруга — это единственная приоритетная цель любой юной особы брачного возраста. Вся эта жизнь подчинена жестоким рамкам, один неверный шаг — и ты обречена на позор. Ци Фэй невольно помассировала виски.

— Мне без разницы, госпожа. Я забуду о всех нюансах Вашей личной жизни, но мне нужно кое-что от Вас.

— Говори, — напряженно приказала Тин Ланфен. Манера общения юной девушки перед ней поражала наложницу. Она никак не могла поверить, что все происходит на самом деле. Эта дрянь! От ее наглого шантажа сейчас деваться некуда. Даже если этой выскочке не поверят, достаточно просто подозрений... Злые языки тут же разнесут приукрашенные сплетни! Нельзя! Тин Ланфен пообещала себе, что позже обязательно найдет способ разобраться с этим отро-

дьем-шу, которая просидела больше десяти лет, не высовывая носа. Ах, лисица...

— Мне нужны деньги. Просто деньги. Я хочу сбежать из поместья. Вы дадите мне денег и прикроете меня.

— Ты точно прилажная, — оторопело уставилась на Ци Фэй все еще сидящая на полу женщина. — Каким образом эта наложница сможет прикрыть твой побег?

— Я подумаю. Надо выбрать момент. Но сначала мне нужны деньги.

— Сколько?

— Несколько связок цянов³⁵ и немного слитков лянов³⁶.

— Да ты в конец обнаглела! Откуда у меня столько денег? — взвизгнула разозленная Тин Ланфен. На выбеленном лице проступили красные пятна гнева.

— Успокойтесь и не прибедайтесь, третья госпожа. Ваши украшения стоят гораздо дороже, если на то пошло. Вы сможете собрать. Мне просто надо как-то начать новую жизнь, понимаете? Я не хотела прибегать к крайним мерам, но Вы не оставили мне шанса.

— Ты пожалеешь, "прилажная Мей"! Эта наложница сочтется с тобой за пройденное унижение, — зло прошипела Тин Ланфен. Женщина наконец смогла вернуть присутствие

³⁵ так называлась монета с квадратным отверстием, считался бронзовой монетой, на самом деле его изготавливали из меди с незначительными добавками олова, свинца и сурьмы.

³⁶ слиток серебра в форме конского копыта

духа, вставая и аккуратно поправляя свою одежду. Однако подрагивание рук выдавало испытываемое волнение.

— Да, обязательно. А пока соберите деньги, — невозможно оповестила Ци Фэй, дернув плечом. Не впечатлило.

Взгляд третьей наложницы ее отца оставался тяжелый и многообещающий... пытки и сожжение, как минимум. После ее ухода девушка, немного ссутулившись, добрела до кровати. Внутри ее потряхивало, а кончики пальцев немного зудели. Все-таки, такой стервой она стала впервые... Ци Фэй надолго застыла в одной позе, скрючившись на постели и обхватив колени. Она даже не заметила как наступил поздний вечер. Придумать план побега, но самое главное — что делать дальше и как зарабатывать на жизнь. Ци Фэй снова и снова проговаривала свои планы вслух — это помогло ей понять, в каком направлении она движется. Но каждый раз упиралась в новый тупик. Это только в дорамах все случается само собой у главных героинь... Она же не знала толком местных законов, оставалась очень слаба физически, у нее не было покровителей или статусных родственников. Фактически, жизнь в этом варварском времени все еще была неподвластна ей.

— Надумала что-нибудь? — раздался вдруг мужской голос откуда-то из-за спины, заставив девушку подскочить от испуга.

Ци Фэй неверяще развернулась и увидела позади себя спокойно сидящего в затемненном углу комнаты прямо на

полу Мин Лэ Яна. На мужчине было обычное платье, но ткань, вышивка на нем и покрой выдавали реальную цену скромного на вид облачения. Ци Фэй даже моргнула несколько раз для достоверности.

— Как ты, черт возьми, здесь оказался?! — наконец взорвалась она, забывая про своей недавний испуг.

— Этот генерал не давал разрешения говорить неформально, — строго осадил мужчину. — Следи за языком. Ты груба.

— Я обязательно буду вежливой, когда ко мне не будут врываться в комнату, черт подери! Это — частная территория!

— Частная территория? Что это? Ты говоришь не первый раз очень странно. И держишься не как женщина. Эта черта в тебе очень интересна. Вроде, дочь чиновника, но речь — как у грубой торговки.

— Чувствую себя зверушкой на обозрении, — мрачно констатировала Ци Фэй. — Как Вы здесь оказались, генерал? — ему показалось или слово «генерал» было произнесено с издевкой?

— Хотел познакомиться с настоящей Ци Мейли. В конце концов она так ловко провела этого господина. Не составило труда встретиться с господином Ци и напроситься к нему в гости. К тому же, женщины его внутреннего двора столь любезны. Твой отец был счастлив возможности принять императорского генерала у себя в доме — столько лести

и угодливости этот господин давно не лицезрел. Уверен, будучи истинным чиновником, он уже расписал в своей голове, как продвинется сам и продвинет с протекции этого генерала своих сыновей, а также удачно пристроит какую-нибудь свою дочь. Как думаешь, стоит ему сказать, что они не все от него? И что он, по сути, вырастил чужих как своих?

— Подслушивать — недостойное занятие для доблестного генерала...

— Этот господин давно здесь, само собой получилось. А ты, Ци Мейли, имеешь дурную привычку думать вслух. Это у тебя за столько лет взаперти осталось?

— Но почему не окликнули меня раньше? Я долго сидела одна...

— Барышня так напряженно думала, строила планы и выводы — было очень смешно. Такой стратег на кровати. Забавная. К тому же, этот генерал не спешит. Господин Ци любезно проводил своего гостя на отдых, поскольку он немного «перебрал», — усмехнулся Мин Лэ Ян, подмигнув ей.

Так вот кто этот «важный гость». Ци Фэй немного растерялась, она просто не думала, что этот мужчина захочет «копнуть поглубже» личность Ци Мейли... Разошлись и разошлись...

Ци Фэй, в сущности, не была готова расстраиваться присутствию в комнате молодой незамужней девушки постороннего мужчины. И уж точно не думала о стеснении. Раз уж он здесь...

— Ты должен мне денег, — выпалила она, с надеждой вглядываясь в незваного гостя.

— Ты? — снова демонстративно выгнул бровь ее визави.

— ВЫ! Черт, — Ци Фэй нервно укусила кожицу на пальце. Неосознанно грызть ногти, когда нервничает, было ее самой тяжелой привычкой, от которой все никак не получалось избавиться. Мин Лэ Ян уставился на это действие так, словно перед ним встал оживший Небесный Дракон, а он без меча. Это точно женщина?! — Так что, уважаемый генерал Ван?

— Юная барышня — меркантильная девица, — наконец изрек Мин Лэ Ян. — Деньги, я так понимаю, для побега?

— Раз генерал подслушивал, то зачем спрашивает? Кстати, в детстве не учили, что это нехорошо?

— Там, где рос этот господин, понятия «хорошо» и «плохо» были совершенно иными, — мужчина все еще странно смотрел на обкусанные места на кончиках пальцев. Омерзительно интересное зрелище, надо признать... Кажется, даже самая бедная крестьянка так себя не ведет. — Почему барышня так хочет сбежать?

— Тебе... — огрызнулась Ци Фэй, но резко поправила. — Вам не все равно? Просто рассчитайтесь со мной. Или Вы из тех, кто нарушает данное слово женщине?

Мин Лэ Ян презрительно фыркнул.

— Этому господину не сложно расплатиться с тобой. Но, возможно, этот генерал сможет помочь... Конечно, если барышня не надумала бежать с любовником, — вдруг сузив

глаза, предупредил мужчина. Ци Фэй хоть и не видела полностью лица собеседника, но все же отчетливо ощутила завуалированную угрозу, словно настоящие эмоции прошли легкой рябью на поверхности и снова растворились в общих фразах.

— А если и с любовником, то что?

— Тогда этот генерал сдаст тебя господину Ци.

— Что?! — возмущенно воскликнула враз разозлившаяся девушка. Руки сжались в кулаки.

Мин Лэ Ян лишь легко улыбнулся:

— Чтобы он покрепче запер юную барышню. Так ты точно не ускользнешь от этого господина.

— Зачем Вам эта низкородная барышня с языком торговки, генерал Мин? — съязвила грубовато Ци Фэй. Сердце вдруг забилося сильнее.

— Этот господин прекрасно развлекся за время нашего внезапного знакомства. За юной барышней интересно наблюдать, поэтому забудь о побеге. Когда этот генерал устанет от тебя, барышня будет свободна.

Если бы Ци Фэй уже не сидела на кровати, то присела бы от неожиданности. Заявление казалось настолько смехотворным и нелепым, что захотелось от души рассмеяться. А потом накинуться на этого ублюдка с чем-нибудь тяжелым. Глазами Ци Фэй нашла только кувшин с водой. Но... Он сказал, что может помочь, верно? «Сейчас к черту гордыню», — решила девушка. Ее несчастная душа совсем одна в этой

временной дыре. Найдется ли дорога обратно? Хотя в современном мире жизнь тоже несладка... Но там хотя бы существуют известные ей правила игры. А еще права. Элементарные и, казалось бы, естественные права человека. Да и что говорить, женщиной в XXI веке быть гораздо приятнее, чем здесь... Даже проблема с Ли Тонгом вдруг стала мизерной и ничего незначущей. Но жива ли она там? Ци Фэй всем существом ощущала безысходность и душившее отчаяние.

— Я просто хочу сбежать отсюда, пока меня не продали как скотину, не отдали наложницей первому выгодному кретину или просто не решили мою судьбу за меня, — в голосе отчетливо проступила тоска. — Поможете этой барышне, достопочтенный генерал Ван? — почти робко и нежно пропела девушка. И для убедительности поморгала своими выразительными глазками.

Мин Лэ Ян вновь впился взглядом в лицо напротив, словно действительно не знал, что за странная личность сейчас перед ним. Ци Мейли не прятала свое двуличие, она переобувалась на ходу, переходя из одной эмоции в противоположную играючи. Может она и впрямь приблажная?

— У барышни настолько необычный образ мыслей и поведение, что, думаю, наскучишь ты этому господину не скоро. Ты точно сидела взаперти больше десяти лет?

— Это побочка, — раздраженно прошептала девушка больше для себя. Но тот, казалось, ее прекрасно услышал. В комнате чувствовалось напряжение.

— Я смогу помочь тебе, на самом деле, — успокоившись наконец и слегка расслабившись, Мин Лэ Ян продолжал рассматривать все нюансы внешности Ци Мейли. Ее довольно пышное декольте невольно притягивало взгляд своей ослепляющей белизной кожи на открытых участках. Вульгарно... Идеалом всегда считалась женщина с почти плоской маленькой грудью.

— Как? — с надеждой воскликнула Ци Мейли, рассеивая невольные мысли генерала. Мужчина усмехнулся тому воодушевлению, что проступило на лице молодой девушки. При первом впечатлении она показалось ему обычной, но миленькой. Красивых девушек за свою жизнь генерал видел много. Но сейчас генерал Ван следил за каждой сменой эмоций, ловя себя на мысли, что та, на кого он смотрит, приятна. Невероятно! Женщины в понимании генерала являлись пресными, скучными, глупыми или наоборот, чересчур хитрыми или жеманными. Мин Ле Ян никогда не был сильно высокого мнения о женской натуре. Ее роль — быть украшением или политической пешкой, дать мужу наследников, ублажать... На что еще она годится?

— Дай этому генералу месяц, барышня. Сейчас мне необходимо вернуться в Лои³⁷ и сделать все необходимые доклады, разобраться со своими... Преследователями. Через месяц этот господин сможет помочь.

— Взмахнешь палочкой и поможешь? Как ты это сдела-

³⁷ соврем. Лоян (столица в тот момент).

ешь? — от волнения Ци Фэй снова перешла на обычный неформальный язык. Но ее собеседник лишь пожал плечами, словно отпуская ситуацию.

— Какой палочкой? Я могу взмахнуть только мечом, но что-то мне подсказывает — ты не оценишь. Доверься этому генералу. И не задавай сейчас вопросов. Барышня все поймет потом сама.

— У меня нет выхода, господин знает это, верно?

— Верно, — вновь усмехнулся мужчина. — Просто подожди меня.

Почему фраза прозвучала так романтично и слащаво из уст этого сдержанного и строго человека? Ци Фэй невольно словно ощутила сладковатый привкус на языке. Месяц.

— Ци Мейли, — мужчина легко и бесшумно поднялся на ноги. — Бойся своих желаний — они могут исполниться. Так что потом не ропщи.

Девушка невольно сглотнула — до того весомо прозвучали слова. Это была угроза?

Отец — Император

Поход на северные племена был для Юн-ди далеко не простым. И не потому, что он разучился сидеть в седле или пользоваться мечом — как раз этим все еще молодой Император наслаждался от души — а потому, что в этом походе сплелись в один клубок и заговоры, и покушения, и, непосредственно, сами завоевания.

Только за месяц его пытались отравить трижды. Очень изощренно. Один раз занесли маленькую ядовитую гадюку в шатер, пропитали ядом подушку и посылали хорошо подготовленных наемников. Но только одна треть из перечисленного исходила от Хэй Дуна — правителя северных земель. Он действовал всегда прямо через приказы своим убийцам. Остальные же покушения шли из его Дворца.

Ли Фенг раз за разом отсекал головы предателей, но они, как грибы после дождя, не думали оканчиваться. Юн-ди отлично понимал, что пока он будет на троне, всегда найдется желающий смерти неугодного в чем-то правителя. Гарем огромный. Политические силы сталкиваются в распрях за влияние постоянно. Но наследников среди этого благолепия женской красоты гораздо меньше. Император не имел представления ни сколько у него детей, ни какие наложницы или жены их родили. Если быть уж совсем честным — он и в лицо юных принцев и, тем более, принцесс не знал.

Сидя в своем рабочем кабинете и зализывая раны с поля боя, заодно разбираясь с навалившимися делами государства, Юн-ди лишь качал головой самому себе. Позор этому правителю: он не знал в лицо собственных отпрысков. Но, положив руку на сердце, Дракону среди мужчин было абсолютно все равно. Он — не отец ни разу. Все это — лишь часть его императорского правления и официоза. Требуют от Императора наследников — получите. Но никто не мог заставить Юн-ди что-то испытывать к этим безликим множественным лицам. Всю информацию, дары, имена советовал Ся Яозу. Как правило, в последний момент, чтобы Таныцзы не успел ее забыть.

Сами дети в гареме были еще либо юными, либо маленькими, толком от них ничего не добиться в плане понимания государственных дел. Рано. Юн-ди поморщился от болей в ссадинах и ранах. Ну, а если признать честно, то ему и не хотелось заниматься пока воспитательными вопросами. Его Хуанхоу так и не соизволила родить наследника, хотя посещать ее Императору приходилось чаще, чем остальных, ведь она Мать Нации и должна родить принца. Тогда все стало бы гораздо легче. Ведь имелся бы законный наследник трона. Сейчас же им мог стать любой сын Императора. А это всегда — распри и борьба за власть.

Однако для Юн-ди делить постель с этой женщиной, унылой и невероятно правильной, было пресно до зубного скрежета. Император даже не старался ее подготовить, наливал

масла на руку и увлажнял женскую плоть. Даже кончая в ее лоно, он не мог отделаться от облегчения в душе, что у него вообще что-то получилось, глядя на это очень худое, почти костлявое тело. Их поженили, когда обоим было по тринадцать, а помолвку обговорили еще раньше. Его императрица Айминь была идеальной... Картинкой. То, что, собственно, от нее и требовалось. Ни разу в жизни у молодого юноши, а потом уже и мужчины не возникло желания узнать — кто она, чем живет, увлекается... Полное безразличие.

Императорские безликие, но как на подбор прекрасные наложницы и жены, которые вечно таскались вместе с имеющимися наследниками и наследницами где-то рядом с ним, лишь бы помозолить в очередной раз глаза, не вызывали столько раздражения, как пресная и изможденная Хуанхоу. Ее болезненная худоба и слабое здоровье мешали организму полноценно выносить ребенка. Однако это то, что решили когда-то за него. И теперь Юн-ди оставалось лишь принимать волю предков и покойного Отца-Императора. Хотя иногда Сын Неба задумывался, почему он до сих пор ее не убрал из своей жизни? Наверное потому, что эта женщина удобна и знает свои обязанности, а пока это так, ему, в общем-то, все равно. Не будет этой женщины, заменят такой же другой.

Он с некоторой ностальгией вдруг вспомнил налитые женские тела северянок.

— Бися, стоит ли вновь позвать придворного лекаря? Вы

измучены... — Ся Яозу почтительно склонился, ставя на стол насыщенный горячий отвар из столетнего женьшеня.

— Измучены солдаты, которые спасали жизнь Чжэня. Кто-то закрывал Нас своим телом, кто-то отдал за Нас жизнь, — строго осадил Император лстивые речи. — Распорядись, чтобы всем этим людям были оказаны необходимые почести и выплачено соответствующее щедрое вознаграждение. Генералов этого похода отметить особо — они проявили невероятное мужество.

— Этот слуга все передаст. Теперь, когда северные племена усмирены, они будут присылать дань? В гарем тоже войдут женщины этих земель? Смею напомнить, что совсем скоро у нас состоится ежегодный отбор девушек-сю³⁸.

Вдруг на этой фразе всегда отстраненный Император усмехнулся:

— Этот год принесет Нам сюрпризы, Ся Яозу. Да, смотр состоится. Но прежде Чжэнь приказывает тебе убрать из гарема тех женщин, к которым Мы ни разу не прикоснулись, если за ними не стоит сколь-нибудь определенной политической силы или родни. Слишком много смуты в последнее время. Объяви, что Чжэнь не нашел их интересными.

— Воля Сына Неба — закон для этого ничтожного. Но может ли он уточнить: убрать — это выслать или...

— Ты считаешь Нас таким чудовищем, смотритель покоев?

³⁸ сюньюй – девушки для гарема

Ся Яозу, побледнев, рухнул на колени. Его фучэнь с громким стуком ударился об пол. Голова главного евнуха уже отбивала поклоны:

— Этот жалкий раб просит о снисхождении, Бися! Он оговорился! Этот слуга достоин смерти, Бися! Прошу, пощадите...

Юн-ди равнодушно взирал на это раболепие и мрачно усмехался самому себе. Конечно, этот евнух как никто уже много лет знал, что Император перед ним — именно чудовище.

— Довольно, Ся Яозу. Встань. Для этих девушек найдешь хорошие семьи и отдашь их замуж, снабдив приданным.

— Но, Шанди³⁹, их семьи...

— Их семьи ждут, что каждая из них заберется в мою постель и тут же понесет очередной приплод, который будет использован в дальнейшем в борьбе за власть и влияние при дворе. Чжэнь знает. Однако, Мы думаем, что потенциальных наследников Нам уже достаточно. А ты лучше займись воспитанием принцев — трон не может пустовать. Нужен самый толковый из них. А на это потребуется время.

— Этот слуга понял, — почтительно склонился Ся Яозу. Его руки все еще дрожали, но мужчина решительно сцепил их, закрыв кончики пальцев рукавами. — Когда Шанди намерен приветствовать свой гарем после долго отсутствия? Хуанхоу выражала нетерпение, да и жены с наложницами ве-

³⁹ Верховный Владыка

ликого Императора горят желанием выразить свое почтение. Юные принцы и принцессы приготовили для Тяньцзы что-то интересное, дабы развеять скуку...

Юн-ди слушал этот лепет, просматривая очередной доклад и после — записку из ведомства.

— К императрице Чжэнь зайдет сам. Так требует этикет. С остальными разберись ты — отправь им дары, которые привезены с завоеванных земель. Но пусть не беспокоят.

— Бися не хотел бы увидеть своих детей?

— Нет, — вздох. — Чжэнь хочет, чтобы Нас оставили в покое.

Ся Яозу прекрасно знал, что Император не различает юных принцев или принцесс, не знает имени ни одного ребенка — они словно не имеют к нему никакого отношения. Он был просто Отцом-Императором и требовал полного повиновения. Лишь Тяньцзы, лишь их правитель. Поэтому не удивительно, что он даже не помнит в лицо ни одной наложницы, которых ему приносят евнухи, завернутых в покрывало из пуха цапли⁴⁰, и через определенное время забирают, не давая нарушать этикет и оставаться в постели Императора на всю ночь. Пожалуй, Император не узнает в лицо даже собственную императрицу, если увидит ее не в парадной и официальной одежде, как привык за столько лет.

Главный евнух, почтительно склонившись, тихо покинул царственные покои. Сердце молодого императора в самом

⁴⁰ цапля — символ чистоты в Китае, это вполне реальный факт

расцвете сил наглухо закрыто, либо там давно осталась лишь пустынная твердь. Такова цена власти — один на вершине мира.

Юн-ди задумчиво посмотрел на расшитый настенный го-белен, который так удачно защищал от сквозняков и скрывал потайную дверь. В глазах было все то же — равнодушие. Он победил. Хэй Дун мертв. Но враги здесь еще живы. Наверно, это никогда не закончится. Уничтожаешь одних — приходят новые. Но, если честно, это даже интересно... У кого в итоге получится свалить Дракона с трона?

Когда через несколько часов Император вошел во Внутренний двор, где располагался гарем, и затем отправился во дворец императрицы, евнухи стайками взбудораженных соек помчались каждый к своей госпоже, сообщить, что Тяньцзы изволил нанести визит Хуанхоу⁴¹и, возможно, после сделает выбор наложницы на ночь. Вдоль восточной и западной сторон двора тянулись ряды из двенадцати второстепенных дворцов — по шесть с каждой стороны — служивших резиденциями многочисленных жен и наложниц императора. Обычно время здесь текло медленно и размеренно, но сейчас с появлением одного единственного человека вдруг поднялась суeta.

Юн-ди про себя раздумывал — напряжение не мешало бы сбросить. В походе ему находили местных девушек, которые не были против разделить ложе с красивым, пусть и незнако-

⁴¹ императрица

мым мужчиной. А вот когда были покорены северные племена и подписание вассального договора состоялось, в его постель ложились красавицы-северянки: иногда — смугленькие, иногда — с монгольской красотой, но все они были свежи, необычны и умело выполняли все, что от них требовалось в постели, зная, что служат новому владыке завоеванных земель. Разнообразие вокруг женской красоты было истинной усладой для глаз.

В императорском гареме все женщины были плюс-минус примерно одинаковы. Юн-ди, вкусив по-женски налитых, сочных прелестей дев северных племен, позволив себе временный отдых, брал двух-трех наложниц за ночь, проверяя на них мастерство в весенних забавах⁴². Ему, как молодому и полному сил мужчине, доставляло удовольствие смотреть на их округлые бедра, сравнивать эстетичность их груди и цвет сосков. Нравилось видеть желание отдаться новому хозяину, угодить, целовать ноги и ластиться в брошенной небрежной ласке. Это льстило. Он мог порезать их бархатную кожу на лоскуты, и эти женщины приняли бы его каприз как должное. Теперь они все — завоеванные трофеи.

Но Юн-ди не использовал женщин как возможность доказать свою силу — это недостойно благородного мужа и правителя. Поэтому покатавшись с красавицами на простынях⁴³, он вскоре забыл о них, ни взяв с собой в столицу ни

⁴² Любовные игры

⁴³ занятие сексом

одной. Забеременеть из побывавших в его постели наложниц тоже никто не мог — Юн-ди никогда не оставлял таких лазеек и при ночных развлечениях никогда не терял головы — либо он просто не оставлял внутри женщины свое семя, что бывало чаще всего, либо все под присмотром доверенных слуг выпивали отвар против зачатия. Сам Император еще с ранней молодости не являлся рабом постельных утех или алкоголя, как некоторые его сводные братья, физическое желание не затмевало его отстраненный спокойный ум, он хорошо управлял желаниями тела, видимо, сказывалась закалившая юного на тот момент принца юность. Во всем нужна мера, для всего — свое время. Император, находящийся под прицелом тысяч стрел, всегда должен помнить об этом.

Сейчас же, входя в покои императрицы, где она уже ждала его намазанная в три слоя грима, скрывающего болезненность женщины, с тяжелой церемониальной прической и облаченная в богатые шелка, Император лишь мог думать о том, что близкого сексуального контакта с этой женщиной он просто не хочет. У него и так уже столько отпрысков — зачем и дальше спать с этой... Выберет толкового мальчика из уже подрастающих детей, живущих в гареме. А чтобы хоть как-то обезопасить будущего наследника от отравления или несчастного случая, Император до сих пор не присвоил титул никому из них. И пусть хоть перегрызутся его дражайшие супруги между собой, утверждая свою власть в хоугуне⁴⁴.

⁴⁴ весь гарем вместе с наложницами и детьми, включая слуг

Юн-ди был доволен собой в такие моменты. Дай этим скромницам и обольстительницам волю — войну за свое влияние развяжут, утопят в крови всех. И не только в гареме. Наложницы в своей борьбе за власть и влияние могут быть страшнее мужчин в интригах. Это факт.

— Хуаншан⁴⁵, Ваша императрица приветствует Вас и поздравляет с успешным возвращением, — женщина, как и полагалось, опустилась на колени и поклонилась, не смея взглянуть на вошедшего. Ждать разрешения подняться ей пришлось довольно долго. Так Император выказывал ей неявное пренебрежение, и она это понимала.

— Оставьте нас, — отдал строгий приказ Юн-ди. Его холодный тон заставил императрицу поежиться. Она боялась этого мужчину много лет. — Поднимайся, Ли Шу.

Когда Император переходит на неофициальное обращение и называет свою императрицу по имени, значит, он пришел озвучить какие-то условия и требования, которые ей придется выполнять. И вряд ли они будут учитывать ее интересы. Императрица поднялась, сохраняя идеальную осанку и торопливо подошла к столику — налить чай Сыну Неба.

— Ваша супруга выполнит свой долг и сделает все, что Вы прикажете. Позвольте спросить не ранены ли Вы, мой супруг?

— Чжэнь прежде всего твой Император, а ты — Мать На-

⁴⁵ составленное из иероглифов "Хуан" ("император") и "шан" ("верхний", "сверху"). – обращение к Императору

рода. Поэтому забота о здоровье Сына Неба — это святая обязанность той, кто носит данный титул, — холодно, словно механически, ответил Юн-ди, делая небольшой глоток горячего лунцзина⁴⁶. — Еще обязанность императрицы — следить за гаремом. Чжэнь уже отдал необходимые распоряжения по смене девушек, которых Чжэнь не трогал. Сейчас ты организуешь новый отбор в гарем. Все должно быть готово через две недели. Не бери количеством, Наша старательная Ли Шу, выбери достойнейших. Чжэнь лично будет оценивать их. Справишься?

Императрица Айминь медленно кивнула, не выказав своего истинного отношения к новому набору женщин. К этому можно когда-нибудь привыкнуть? Твой супруг одаривает вниманием все новых и новых женщин, а на тебя едва смотрит. Это ли справедливость Неба? Еще и наследника законного нет...

— Хуаншан, Ваша императрица помнит свой долг и все сделает. Смеет ли эта несчастная надеяться, что супруг хоть немного скучал и проведет эту ночь вместе с ней?

Юн-ди усмехнулся, наслаждаясь теплом от чашки чая в руках:

— Ты так хочешь ребенка, Ли Шу, что готова даже на коленях умолять Императора взять тебя? Тогда твое положение в гареме сразу станет незыблемым, верно?

Ли Шу сильно стиснула руки под столом, не смея выра-

⁴⁶ сорт китайского чая

зить недовольство перед этим мужчиной. Да. Она готова была умолять. Да, она готова была терпеть небрежное отношение и малоприятное соитие. В конце концов Император никогда не относился к ней как к желанной женщине. Хотя она старалась... Много лет...

По началу Ли Шу считала, что в сердце Императора кто-то есть. Найти и известить эту соперницу было делом чести. Не может простая девка из наложниц быть выше императрицы в сердце Императора. Но с годами Ли Шу поняла, что в сердце этого мужчины было лишь одно — равнодушие. Даже титул "гуйфэй"⁴⁷ этот мужчина раздавал по политическим соображениям. Любила ли она своего величественного супруга? Императрица не знала, просто ее с детства учили любить Сына Неба. Не видя лица, не зная характера — ее учили слушать будущему Императору. И юная девочка старалась.

Но сейчас, устав за столько лет искать хоть небольшой отклик в холодных глазах этого человека, императрица хотела только одного — ребенка. Законный наследник поможет женщине не только утвердить свою власть, но и гарантирует ей безопасное будущее. Ли Шу за столько времени, проведенных в качестве законной супруги Императора, даже имени его настоящего не знала.

— Эта несчастная просто очень тоскует по Вам, Хуаншан,
— тихим ровным голосом возразила императрица.

— Чжэнь доволен. Ты можешь продолжать тосковать и

⁴⁷ Благородная Супруга - консорт

дальше, делай это более старательно, чтобы Мы тебе поверили, — цинично и назидательно обозначил приговор Юн-ди.

Неторопливо выйдя из покоев императрицы, Сын Неба отдал приказ принести из приемной комнаты «драконий лапидар». Внутри, разделенные на секции, стояли рядами нефритовые жетоны, на которых были выгравированы имена всех наложниц. Императору осталось только наугад вытащить жетон и отдать евнуху. Юн-ди сделал это намеренно недалеко от покоев самой Ли Шу — знал, как это взбесит его дражайшую супругу.

Поздно ночью, когда свечи уже прогорели наполовину, а Талантливая Супруга⁴⁸ под ним была чрезвычайно утомлена от энергичных толчков ее господина, Юн-ди вышел из прекрасного белого, словно редкий нефрит, тела, заканчивая свое удовлетворение руками. Белая тягучая жидкость, ради которой наложницы были готовы продать душу, осталась на гладком лобке растерянной женщины. Император чуть не рассмеялся вслух, видя разочарованное лицо Талантливой Супруги. Для нее сейчас это был крах. И упущенная возможность зачать очередного отпрыска.

— Мой господин, эта супруга сделала что-то не так? Вы сердитесь на нее? Почему Вы не осчастливили эту несчастную любящую Вас рабыню? Вы недовольны ею? Супруга может остаться с любимым господином и делать его счастливым всю ночь... Позволено ли ей?

⁴⁸ Талантливая Супруга. Одна из четырех жен-консORTов после императрицы.

Бледное лицо молодой женщины было искренне печальным. Идеальным. Любящим. Маска, которая совершенствуется с годами здесь. Юн-ди всматривался в эти томные глаза с поволокой и искал внутри себя хоть малейший отклик.

— Пусть Наша дорогая супруга не накручивает себя лишними мыслями. Чжэнь просто так захотел, — Юн-ди легко прикоснулся кончиками пальцев к бархатной коже раскинувшейся обнаженной женщины... — Затем мужчина отвернулся, накинул тяжелый расшитый халат, игнорируя полный мольбы взгляд, и распахнул двери в покои, встречая взволнованных евнухов. — Наша супруга нуждается в отдыхе. Проводите ее во дворец...

Оставшись, наконец, один, Юн-ди откинулся на удобный деревянный стул перед своим рабочим столом и огромным количеством бамбуковых дощечек. Раны и ушибы снова разболелись, что не удивительно.

Дать возможность забеременеть Талантливой Супруге, да еще и принцем, — и разборки в гареме с императрицей и Благородной Супругой станут еще более ожесточенными. Семья Талантливой Супруги имела довольно сплоченную коалицию во Дворце, которая владела некоторыми серебряными рудниками, имела и около ста тысяч солдат в подчинении. К тому же, насколько поведал ему Ся Яозу, Талантливая Супруга Сун уже родила принцессу Императору. Давать дополнительных рычагов этой женщине явно не стоило, хотя в целом эта Сун-сяньфэй раздражала его немного меньше

остальных, имея покладистый характер. Император почувствовал легкую головную боль. Он закрыл глаза и постарался расслабиться. Завтра, а точнее — уже сегодня, придут его генералы с докладами.

Внезапные перемены

Осень в последнем месяце решила разгуляться в полную силу, принеся с собой затяжные дожди, пронизывающие ветра и первые заморозки. Температура с каждым днем падала все ниже, незащищенные крестьянские дома продувались порывами ледяного воздуха. Люди побогаче могли позволить себе и жаровни, и уголь, но простым беднякам в это время было очень непросто. Основные приготовления к морозам давно сделаны, крестьяне собрали урожай, как всегда, не доплатили в казну налоги, прикрываясь разными отмазками, местный магистрат занялся сезонными проверками на компетентность своих чиновников. Словом, Цзянье уже открыл ворота зиме как полагается богатому и процветающему городу.

Ци Ханг, чиновник V ранга магистрата, не мог уснуть. Добрую половину ночи он невольно ворочался на тонких простынях своей третьей или четвертой наложницы. Мужчина не помнил — вечером он вместе с господином Хэ хорошо приложился к вину на местном постоялом дворе, который славился не только расторопными работниками, но и отменной кухней. Мужчины увлеченно обсуждали новые веяния в политике и будущие перспективы развития империи под богатые закуски в виде пряного тушеного бараньего по-

звоночника, вяленой говядины, тофу и грибочков⁴⁹.

Но разве господин Ци был пьян? Что делается его жизненной силе всего от пары кувшинчиков вина?!

Вернувшись домой, Ци Ханг нетвердой походкой направился напрямик в женскую половину поместья, где его перехватила откуда-то выскочившая девочка-служанка, услужливым голосом уговаривая идти напрямик в покои госпожи и расслабиться на мягких перинах. Мужчина смутно видел женский силуэт, который подхватил его под руки, затем раздел и уложил в кровать. Но Ци Ханг был полон желания доказать, что он не слаб и не пьян. Он мужчина хоть куда и все еще молод! Подмяв под себя пытавшуюся сделать ему расслабляющий массаж женщину, щедро дыша ей в лицо стойким винным перегаром с примесью чеснока, чиновник V ранга честно исполнил супружеский долг. Податливое тело под ним томно изгибалось, слышались страстные, громкие стоны, чтобы дать заодно понять всем остальным домоладцам, с кем именно господин сегодня проводит ночь. Ци Ханг был счастлив — он вяло излился в теплое лоно и тут же, упав без сил сверху, окончательно отключился. Алкоголь победил, но ровно на несколько часов.

Посреди ночи мужчина проснулся с головной болью, жутким привкусом во рту и жаждой. Кряхтя, он кое-как дополз до столика и налил воды. Руки слегка тряслись.

По-началу его мысли хаотично крутились вокруг неуме-

ния пить, но потом плавно вдруг перетекли на еще один важный вопрос, обговоренный прошлым вечером с господином Хэ, — протекция его старшенькому — Веймину.

Ци Веймин уже прошел три этапа государственного экзамена и сейчас занимался черновой работой в Министерстве по налогам и сборам. Он ждал назначения с испытательным сроком. Господин Хэ через своего зятя мог отлично поспособствовать скорейшему получению желанной должности и гладкому завершению проверочных формальностей. Старый лис являлся прожженной чиновничьей душонкой — за эту услугу он и потребовал не маленький гонорар. Но и господин Ци не был так прост.

Ему пришла в голову отличная мысль — часть оговоренной суммы он отдаст своей внезапно выздоровевшей дочерью. Пусть возьмет ее в свое поместье наложницей какому-нибудь сыну, например, младшему или среднему. Никто не знал о недуге девушки или уже давно забыли, а других дочерей господин Ци мечтал пристроить более удачно. Может, даже выдать замуж официально. Здесь же он и Мейли пристроит хорошо, и от лишнего рта избавится. Конечно, на приданое господин Ци не поскупится... В пределах разумного, конечно, ведь она — дочь наложницы.

План хозяину поместья очень нравился до того момента, как он, страдающий от вчерашнего загула и похмелья, обдумывающий как бы, все же, сэкономить на размерах приданого и провернуть все самым экономным способом, не принял

в своем поместье специального посланника с высочайшим указом в руках, скрепленным высшей печатью. Императорские смотрины!

Ежегодно гарем пополнялся новыми наложницами — это был известный и принятый факт. Частота таких смотрин зависела исключительно от воли монарха. Однако даже в своем сне жалкий чиновник V ранга в Цзянь не мог предположить, что приглашение придет в его дом. В первые секунды мужчина опешил от такого счастья — дочь, которая войдет в гарем Императора, закрепит власть семьи, даст положение и почет! Но кто этот чиновник такой, чтобы получить приглашение из Императорского Дворца?! Он мысленно гадал, кому же из его дочерей могло так повезти, и кто же заприметил их талант или красоту в далеком от столицы городе. На роль наложницы во Дворец могли претендовать лишь две дочери, подходившие по возрасту. Господин Ци Ханг потирал руки. Милость Небес просто свалилась в руки приятным подарком. Все присутствующие во главе с хозяином дома преклонили колени с волнительным предвкушением и интересом.

Радость на лицах сохранялась ровно до того момента, как они услышали имя избранной... Ци Мейли!!! От неожиданности и абсурда ситуации у господина Ци резко запульсировало в висках тупой болью. Не ощущая своих коленей, он поклонился посланнику, безропотно принимая предначертанное волеизъявление монарха, и долго потом сидел на земле, не в силах подняться. Он снова и снова вчитывался в

оставленный указ, словно надеясь, что надпись расплывется и имя вдруг изменится. Но нет... Просидев в глубоком шоке довольно продолжительное время, господин Ци поднялся с места. Недоумение пропало, когда чиновник прочитал в отдельно доставленном письме, прилагающемся к указу, что такую рекомендацию-приглашение оформил сам генерал Ван. Все встало на свои места.

Но чем могла заинтересовать генерала эта полоумная девушка, чтобы рекомендовать ее самому Сыну Неба?! Да, чиновник слышал, что его дочь помогла этому высокопоставленному господину... Но почему командующий Ван рекомендовал Ци Мейли в императорский гарем, а не взял в свой? Как бы там ни было, решение генерала не обсуждалось. Через тринадцать дней его дочь-шу должна присутствовать на официальной церемонии. Если за указанный срок с Ци Мейли что-то случится или она не будет присутствовать на церемонии, генерал в послании прозрачно и ясно намекнул, насколько дорого может обойтись господину Ци такая вольность.

Это, конечно, легко сказать...

Ци Мейли совершенно не могла представлять род Ци на таком мероприятии! Ци Ханг едва ли не всю свою бородку выщипал в раздражении, когда раз за разом девушка проваливала все минимальные проверки на элементарные соотвествия дворцовым канонам. Эта дочь-шу не умела рисовать, музицировать, правильно исполнять поклоны, даже

взгляд этой девчонки оставался слишком прямым и открытым. Говорила громко и раздражающе для слуха. Словом, су- щая катастрофа. Ходить — и то не умела правильно! Да что взять с этой прибалканской, она больше десяти лет просидела как кукла в одной комнате и даже имя толком свое не могла произнести до последнего времени! Вот как прикажите господину Ци поступить? Послать вместо нее другую дочь?

Возможно, самого генерала Вана на смотринах и не будет, но обман рано или поздно вскроется, и тогда Ци Ханг лишится головы за обман Сына Неба. Ни Нуо все время плакала — ей было страшно отпускать свою девочку, столько лет просидевшую взаперти в маленькой комнате, в мир гаремных интриг. Кто знает, как ее могут использовать? Она ведь наивна и только недавно пришла в себя после затяжной болезни! Но, с другой стороны, женщина была рада. Дочь хоть и будет наложницей, но в самом гареме Императора! А это честь! В общем, так и не решив, что лучше, Ни Нуо просто предпочитала плакать одновременно и от радости, и от волнения.

Но хуже всего, пожалуй, было самой Ци Мейли. Когда отец показал той дощечку с приглашением, Ци Фэй, вполне умеющая и читать, и писать, просто пришла в ужас! Вот тебе и домик на берегу речки в тихом уголке! Вот тебе и самостоятельность! Это был конец всем мечтам хоть как-то достойно жить в этом странном и жестоком времени! Даже в страшном сне Ци Фэй не могла предположить такую возможность. Она

и гаремный мир чужды друг другу как ночь и день! Девушка не была сильна в истории, но точно знала даже из приукрашенных сериалов, что из себя представлял императорский гарем — мир тайной жестокости, интриг, борьбы за власть и уймы голодных до мужского внимания женщин, которые в лучшем случае занимались самоудовлетворением, в худшем — крутили шашни между собой и привлекали к этому буйству нереализованных сексуальных фантазий евнухов.

Мин Лэ Ян!!! Будь. Ты. Проклят!!! Вот уж помог так помог!

Ци Фэй на пике своего эмоционального раздрая решила наплевать на все и сбежать по дороге. Ей даже в голову не пришло, что за это могут казнить всю семью, пока об этом испуганно не поведала бледная Син Шихонг.

Последний гвоздь в крышку гроба ее надежд Мин Лэ Ян забил, прислав за девушкой сопровождаителей и паланкин. Кажется, мужчина даже на расстоянии мог понять, в каком направлении двигались ее мысли.

— Гад! — взвизгнула покрасневшая от злости Ци Фэй и впервые с того момента, как открыла свои глаза в этом времени, разрыдалась. Девушка плакала так отчаянно, что дрожащая рядом служанка лишь могла стоять возле кровати хозяйки и гладить ту по голове, не смея произнести ни слова.

В обозначенный срок Ци Фэй, облаченная в плотное нежно-розовое ханьфу с изящной цветочной вышивкой шелковой нитью, сделанной на заказ, и в теплой накидке поверх

стояла среди толпы юных девочек — претенденток в будущие фаворитки. Чувствовала Ци Фэй себя ужасно — она давно переросла этап императорских смотрин и в тайне лелеяла мечту, что ее не заметят в этом сборище нелепых девиц на выданье.

Конкурс на право зайти в гарем Тяньцзы проходит в два этапа: отбор матери-императрицы, где выбранные демонстрировали свои умения, а потом смотрины и самим Императором, если тот изъявлял желание. Претендентки не из знатных семей проходили не столь жесткий отбор, от них требовали лишь установленный минимум знаний и навыков наравне с чистым происхождением. Дочери же высших чиновников, которые должны были войти в гарем, обязаны были продемонстрировать все свои умения и особые таланты.

У нынешнего Императора мать давно почила, поэтому первый отбор проводила сама Хаунхоу. Императрица с двумя служанками и несколькими придворными дамами вошла в отведенную обустроенную ложу, где уже было приготовлено удобное кресло и дымился в глиняном чайничке ароматный напиток. Ци Фэй украдкой, почти исподлобья, разглядывала нынешнюю жену Императора, с которой тот был связан официально.

Девушка видела очень красивую и статную женщину с идеальной осанкой и немного надменным взглядом. Ее роскошная одежда благодаря золотой нити в ткани красиво переливалась в солнечных лучах, придавая некий ореол боже-

ства, а массивные и дорогие украшения, начиная от причудливых заколок в тяжелой прическе, заканчивая браслетами на руках, кричали о высоком статусе, выделяя образ из общей толпы как придворных дам, так и, тем более, из собравшихся девушек. Единственное, в чем была сила претенденток — это молодость и свежесть юного облика. Перед императрицей стояли совсем молоденькие и прекрасные в своей чистоте девочки, которые еще не познали мужских прикосновений.

Ци Фэй ощущала, что участвует в каком-то нелепом спектакле. По меркам требований к отбору в гарем она была безбожно стара — ей уже за двадцать! А стоящим здесь юным девам — тринадцать — пятнадцать лет...

Что творилось в голове этого придурка Мин Лэ Яна, который заварил всю эту кашу? И где теперь его искать, чтобы сказать «спасибо»?

Императрица дважды прошла между рядами юных особ, скромно потупивших взгляд, которых на этот раз было не больше тридцати. И выбрала в итоге всего десять, включая Ци Фэй. Хуанхоу очень долго рассматривала самую откровенно старую девушку для гарема, пытаясь понять, что за всем этим кроется. Когда перед ней положили дощечку с именем, которое она обязательно выберет на смотре, императрица готовилась увидеть юную прекрасную соперницу, которая вдруг сможет претендовать на милость ее супруга. Но сейчас Ли Шу видела лишь сплошное разочарование:

старая, высокая, заурядная внешность. Да, кожа красивая с нежным персиковым румянцем на щеках, да, разрез глаз необычен — уголки немного приподняты вверх в волнующем изгибе. Но в целом девушка не выдерживает конкуренции с красотой наложниц в гареме Сына Неба.

Хотя как никто Хуанхоу знала, что женщин в гарем отбирают далеко не по красоте, а по их здоровью и связям. Зачать ребенка и укрепить власть Тяньцзы — это был долг каждой фаворитки в гареме. Но эта девушка не несла с собой никаких плюсов, она всего лишь дочка жалкого низкого чиновника. Что же происходит? Кто устроил протекцию этой старой деве в гарем и договорился с императором? Это значит, что ее царственный супруг в курсе происходящего. Вот только оспаривать это решение у императрицы Айминь не было ни смелости, ни желания.

Ци Фэй ожидала приема у Императора, нервно оглядываясь по сторонам. Их привели в теплую комнату с деревянным настилом и растопленными жаровнями. Вокруг девушку окружали стоящие низкие лавочки, обитые мягкой тканью, удобные столики, на которых кое-где можно было увидеть письменные принадлежности. До этого все счастливицы шли по вымощенным гладким каменным дорожкам. Они были широкими и очень аккуратными. Размах и богатство Дворца поражали, как и сама столица. Разница с обычным городом, в котором недолго находилась Ци Фэй, была налицо.

Син Шихонг всегда мечтала увидеть Дворец изнутри:

— Молодая барышня, Вы только представьте, если Вы попадете туда, какая роскошь будет окружать каждый день! На какой постели Вы будете спать, какую еду будут приносить! Как бы этой ничтожной хотелось хоть одним глазком взглянуть на это!

— Не волнуйся, у тебя эта возможность будет, — без всякого настроения отрезала Ци Фэй. — Думаешь, я тебя брошу здесь? Нет, конечно. Ты — моя личная служанка, и я имею право взять тебя с собой. Если хочешь, я попрошу для тебя свободу — ты сможешь уйти и жить своей жизнью.

— Госпожа... — Син Шихонг даже опешила. — Не прогоняйте меня, прошу Вас! Куда я пойду? Мои родители очень бедны, я отправляю им немного денег, которые получаю за свою службу здесь. Думаете, родители меня примут обратно? Скорее, отдадут в бордель — у них еще шесть голодных ртов помимо меня....

Ци Фэй устало кивнула. Бедный, но свободный. Богатый, но в клетке. Выбор из двух зол...

— Его Величество — Император Тянь-ся, — зычно прокричал важный и толстый евнух в смешной черной шапочке, тут же склоняясь в низком поклоне.

Все моментально упали на колени. Ци Фэй с непривычки чуть не зашипела от боли удара. Ей очень хотелось стать невидимкой, но все, что девушка могла — забиться в самый конец группы взволнованных прелестниц. Они были счаст-

ливы — их к этому готовили. Ее же пребывание здесь — одна сплошная ошибка и злой рок... Нет, не рок, не каприз Небес. Это каприз придурка Мин Лэ Яна, который...

— Шеншан⁵⁰соизволил даровать милость вступить в святая святых — гарем Сына Неба всего несколькими девушками из присутствующих здесь. Сейчас они отправятся с евнухами для дальнейшего знакомства с Задним Двором⁵¹, — важно возвестил все тот же маленький и толстенький евнух. Ци Фэй недоуменно осмотрелась — а где Император-то? Не мог же он так быстро сделать выбор и уйти? Надежда все еще теплилась... Она сможет...

Перед девушкой вдруг возник тонкий и нежный мужчина в таком же облачении евнуха, с той же самой смешной шапочкой, который с поклоном предложил следовать за ним. Ци Фэй хотелось застонать в голос. Этот Император не в себе? У него такие извращенные вкусы? Тебе молодых и юных суют — съешь, подавись! «Зачем тебе я?» Опустив голову, девушка понуро побрела за своим проводником, который уверенно маневрировал, выбирая среди запутанных дорожек верные, пока они не оказались в небольшой комнате. Евнух поклонился и молча дал знак ожидать здесь. Ци Фэй тут же осмотрелась, нервно сжимая руки — все происходящее казалось ей просто сном. Уютненько, но темновато. В углу стояла кушетка, красивый резной столик был завален

⁵⁰ "Святое Высочество"

⁵¹ дворцовые комплексы, где располагался гарем

дощечками с посланиями, из окна открывался чудесный вид на небольшой фонтанчик с прудом, где зеленели еще не полностью скрытые лотосы. Выглядели они чужеродно на фоне осеннего пейзажа, но добавляли яркости.

— На колени, — вдруг раздался громкий приказ, который словно гиля моментально придавил вздрогнувшую девушку к земле. Она тут же опустилась вновь на колени, склонив покорно голову, благо, на этот раз красная дорожка смягчила удар. — Этот господин обещал тебе, что поможет через месяц, — вдруг раздался возле уха совершенно иной по интонации тихий голос, в котором угадывалась насмешка. — Можешь поблагодарить.

Ци Фэй испуганно подняла голову и тут же уперлась в хитрый взгляд того самого придурка Мин Лэ Яна. Мужчина стоял над ней, заложив руки за спину и усмехаясь краем губ. Его довольная физиономия настолько разозлила уставшую, замерзшую и вымотанную за все эти дни Ци Фэй, что девушка, недолго думая, с криком «сволочь» кинулась прямо на виновника всех ее бед, желая вцепиться тому в горло. Зубами.

Вот и встретились

Мужчина играючи поймал протянутые к его горлу руки, с силой скрутив запястья. Зашипев от боли, Ци Фэй, недолго думая, пустила в дело ноги, стараясь зарядить этому ублюдку в пах. Мужчина не ожидал такой ярости от девушки и почти пропустил удар — его спасла только отменная реакция воина. Увернувшись, Мин Лэ Ян резко развернул драчливую гостью, едва не ломая хрупкие запястья. Не осознавая своей силы, он блокировал все движения девушки, сжав в тиски руками, припечатывая спиной к себе:

— Ты что творишь, полоумная?! — взревел от ярости еще минуту назад спокойный и насмешливый мужчина.

От боли в запястьях у Ци Фэй навернулись слезы, но девушка не кричала, приученная не показывать слабости, лишь сжав зубы терпела мучительные ощущения.

— Ты... Какая же ты сволочь, Мин Лэ Ян! Куда ты меня приволок?! Да отпусти меня, — сорвалась на крик женщина в его руках.

Мин Лэ Ян и сам вдруг осознал, что едва не переломал девушке запястья, и с силой оттолкнул от себя. Не удержавшись, Ци Фэй упала на жесткий пол. Поврежденные запястья обожгло болью, когда девушка попыталась опереться о пол, не допустив удара, поэтому в итоге Ци Фэй просто распласталась на каменном холодном полу, ощутив удар, кажется,

всеми своими косточками в теле. Мин Лэ Ян вновь растерянно замер — он не хотел, чтобы их встреча прошла так.

— Объяснись, — приказал мужчина, не делая попыток помочь встать своей гостье.

Ци Фэй лежала на полу, уставившись в потолок, и тяжело дышала. Выплеснув злость, приправленную еще и болью, девушка в миг сдулась в своих кровожадных попытках и сейчас просто чувствовала себя обреченной. Она попала в эту чертовую реальность, чтобы сдохнуть здесь окончательно, видимо. Умереть в своем мире ей не хватило...

— Ты обещал помочь, генерал. Помочь, а не убивать. Ты считаешь это помощью?

Мин Лэ Ян пристально рассматривал девушку на полу. Ее тонкое розовое ханьфу было сейчас в полнейшем беспорядке, волосы выскользнули из сооруженной прически, хаотично рассыпавшись, а заколки съехали на бок. Милашка, словом.

Он усмехнулся:

— Ци Мейли, этот почтенный именно помог тебе, неблагодарная девчонка, — зло выплюнул Мин Лэ Ян. — Этот господин вытащил тебя из твоего гадюшника, где тебя считали сумасшедшей, хотя сейчас уже не уверен, что это не так... Этот господин дал тебе новую жизнь, роскошь и возможность жить припеваючи.

— Заточив в императорский гарем? Это счастье, по-твоему? Что я-то тут забыла? — горько усмехнулась Ци Фэй, все

еще отказываясь смотреть на виновника всех бед.

Мужчина сам подошел к ней:

— Вставай. Пол холодный. Ты простудишься и умрешь.

— Это лучшее, что я могу сделать...

— Этот достопочтенный не давал тебе Нашего разрешения, Ци Мейли.

— Зачем оно мне?

— Затем, что ты отныне принадлежишь этому месту. Ты теперь женщина, которая служит своей жизнью Сыну Неба. И этот достопочтенный приказывает тебе сейчас же встать, — тон голоса Мин Лэ Яна вдруг изменился кардинально. Он вдруг зазвучал очень строго, угрожающе и холодно.

В груди кольнуло. Ци Фэй нахмурилась и рывком заставила себя сесть, разглядывая мужчину напротив. В парадном платье он был красив, но выглядел гораздо старше. Желтая мантия насыщенного горчичного оттенка, расшитая причудливым рисунком солнца, луны и звезд, черные сапоги и широкий темный с замысловатыми подвесками пояс... Ци Фэй, разглядывая всю эту роскошь в облике, вдруг ощутила, как на лбу выступил холодный пот... «Этот достопочтенный приказывает...» «Женщина Императора...» «Не давал своего разрешения...» Девушка округлившимися глазами теперь пыталась найти подтверждение своих мыслей на застывшем лице молодого... Императора? Этот мнимый генерал Ван мог быть тем самым... Сыном Неба? Судя по одежде, да... И получается, все это время...

— Мин Лэ Ян, ты врал?!

Из всего того, что мужчина готовился услышать, он точно не ожидал услышать это... Вместо того, чтобы на коленях биться лбом об пол и умолять о пощаде, она еще и обвиняла его!

— Ты бессмертная, Ци Мейли?! — сорвался с мнимого спокойствия мужчина. — Ты смеешь задавать вопросы Императору таким тоном?! Опустись на колени, безумная!

Ци Фэй опешила, ощущая разрушительную волну ярости стоявшего перед ней человека. Холодное давление, исходящее от всего облика мужчины, невольно рождало внутренний страх. Она тут же заставила свое застывшее, измученное тело принять неправильную коленопреклоненную позу.

Фактически, это ее собственная вина. Девушка ничего ведь и не знала о генерале Ване: кто он, откуда. Она всему верила на слово. За это и поплатилась. Чем Ци Фэй могла заинтересовать мужчину, в распоряжении которого имелся гарем из красавиц, она абсолютно не понимала. Раньше, читая романы, где героини представляли роковыми красотками и невинными милашками, ради которых мужчины могли свернуть горы, Ци Фэй хотя бы понимала, откуда интерес. Здесь же и сейчас в ее голове оставалось откровенно пусто.

— Отпусти...те... Эту несчастную, — тихо прошептала девушка.

— Нет, — только и прозвучало в ответ. — Пока ты останешься здесь, Ци Мейли. — Перед носом Ци Фэй вдруг воз-

никла крепкая мужская рука с золотыми браслетами, отделанных жадеитом и бирюзой. — Вставай.

Тепло широкой ладони моментально обожгло ее холодные пальцы. Руки мужчины осторожно помогли подняться с пола, стараясь не задевать багрово-синие запястья, где отчетливо проступали отпечатки крепкой хватки. Усадив гостью на кушетку, Юн-ди достал маленькую баночку с мазью из рукава и стал осторожно обрабатывать повреждения на хрупкой нежной коже, которые сам же и оставил.

— Ты... Зачем Вы назвались генералом? И кто Вас ранил? Это были не преследователи, верно? — Ци Фэй даже в голову не пришел тот факт, что ее синяки обрабатывал лично Император Тянь-ся. За эти мгновения в гареме могли возненавидеть моментально.

— Какая любопытная, — уже спокойно заметил Император, словно и не было этой вспышки раздражения. Он спокойно и профессионально втирал мазь в женские запястья, словно делал это постоянно. В воздухе витал насыщенный запах трав. — Меня сопровождала личная охрана Императора. А ранило этого достопочтенного при стычке с подосланными убийцами.

— Почему не оказали помощь там? — Осторожные манипуляции мужских пальцев на пострадавших руках дарили успокоительный эффект, и Ци Фэй не могла перестать смотреть на это. Как интимно, все же, это ощущалось...

— Потому что имели место заговор и попытка убийства

Сына Неба. Никто не мог поручиться, что предатель не рядом. Давай сейчас не будем об этом говорить. Чжэнь не врал. Мин Лэ Ян — имя, данное Нам при рождении. Генерал Ван — Наша личность, которая дает свободу передвижения по стране, не связывая официозом. Однако в стенах Дворца ты не смеешь называть Нас по имени. Здесь даже у стен есть уши. Поэтому пока мы не наедине, помни про этикет и форму обращения.

— Эта несчастная не сможет здесь жить. Почему Император принял такое решение? — так же спокойно задала самый интересующий ее вопрос Ци Фэй. От ответа на него зависела ее дальнейшая жизнь.

Император Юн-ди лишь усмехнулся, отпуская, наконец, ее руки и пряча баночку волшебной мази, а потом довольно холодно сообщил:

— Нам просто стало интересно. Ты, Ци Мейли... Ты очень отличаешься от привычных Нам женщин, более того, ты ведешь себя точно не как женщина, а, скорее, как чужестранка. Словно ты не отсюда, хотя просидела взаперти столько лет. При этом ты обладаешь мужским складом ума, ты совершенно не похожа на нынешних женщин. Твои расчеты и чаяния очень структурны, но тебя подводит излишний романтизм. Когда женщины хотят мужа и почета, ты хочешь тихий домик и существование подальше ото всех. Чжэнь не видит природной алчности в твоих глазах, хотя за деньги ты, кажется, готова удавиться. Тебя легко читать, но то, что Мы

видим в итоге, Нам не понятно. Складывается ощущение, что барышня не представляет, из чего состоит мир вокруг нее. Такой чужеродный элемент. Чжэнь не мог пройти мимо такого интересного экземпляра.

— То есть, Вы, зная о моей мечте жить свободно и тихо где-нибудь подальше, все равно эгоистично решили исполнить свой каприз, потому что Вам просто интересно? — обвинительно, не в силах сдерживаться, упрекнула Ци Фэй. Девушка в своих мыслях ярко ассоциировала себя пойманной обезьянкой, которую с удивлением рассматривают. Она всех забавляет и развлекает. А когда приедается, несчастную выбрасывают либо в цирк, либо в зоопарк. Новая игрушка.

— А ты думала, что этот господин настолько благороден? Не ищи в Нас то, чего и в помине нет. Чжэнь заинтересован в тебе, и Мы получили тебя. И пока этот интерес есть, ты будешь здесь.

— Тебе что, подстилок мало?! — снова зашипела разозленная девушка совсем тихо себе под нос, сцепляя руки. Она готова вновь броситься на этого позёра в мантии, даже если это будет последнее, что она сделает в этом времени. Мужчина прекрасно расслышал это бормотание, вновь удивляясь, насколько же эта сумасшедшая была неразумной. Она, действительно, понятия не имела, что уже могла лишиться головы и за меньшие фразы.

— Закрой рот, Ци Мейли. Ты пока здесь никто, всего лишь девочка-сю, которая только что переступила порог

Дворца, — холодно осадил Мин Лэ Ян, силой разжимая ее руки и не давая девушке вырваться из крепкой хватки прохладных пальцев. — Ты здесь, чтобы ублажать своего господина, развлекать его, радовать, отдать за него жизнь, если понадобится. Словом, исполнить свой долг, — по мере его слов, лицо девушки становилось все более злым, на что Юн-ди лишь усмехался.

Она его не боялась! Вернее, боялась, когда он напоминал об этом... Но сама Ци Мейли совершенно не выказывала того раболепия и внутреннего благоговения, основанного на глубинном страхе перед высшей властью, что держит в руках твою жизнь. Ведь эти основы вдалбливались с самого раннего возраста. Ци Мейли же видела в нем мужчину и человека, а не Сына Неба — и это оставалось самым поразительным и манким. Более того, кажется, девушка вообще не понимала разницу. Словно она не знала ни нравов, ни законов того мира, в котором родилась и выросла. И Юн-ди эгоистично хотелось взять в руки эту «диковинку» и от души насладиться таким необычным подарком, исследуя его грани.

Конечно, Император знал, как ломает и уродует Дворец. Борьба в гареме была еще более сложной, нежели в правительстве. Но здесь и сейчас Юн-ди был великим избранным правителем, который мог распоряжаться судьбами любого подчиненного или слуги в своем государстве. Он хотел отдушину для себя. С другой стороны, мужчина хотел посмотреть, как именно Ци Мейли сможет прижиться в гареме.

ме, справится ли? С ней он мог хотя бы иногда становиться Мин Лэ Яном — это имя он иногда забывал, потому что сам Мин Лэ Ян когда-то растворился в сложном официозе императорской жизни, как только принял трон Дракона. Убедившись, что девушка перестала вырываться и успокоилась, Юн-ди тихо встал и, сложив руки за спину, подошел к окну:

— Ты должна увидеть свои перспективы, Ци Мейли. Если однажды тебе станет совсем неважно, Мы отпустим тебя — у тебя есть слово Сына Неба. Попробуй выжить в гареме — это власть, влияние и богатство. Но все эти милости полностью зависят от Императора — подружись с ним. Ты хотела заработать денег? Выйдя отсюда, ты можешь стать богатой. Но учти, конкуренция высока — у Императора нет права на любовь. Он должен относиться ко всем одинаково. Чем больше женщин выносят его детей, тем более благословенна станет династия, — вдруг Император развернулся и обворожительно улыбнулся. — Подумать только, Дракон среди мужчин уговаривает какую-то ничтожную нищенку войти в его гарем! Но чутье подсказывает, что это будет интересно.

— Сколько сейчас у Вас жен и детей? — осторожно поинтересовалась Ци Мейли.

— Немного, на самом деле. У Таныцзы есть Хуанхоу, гуйфэй⁵², сяньфэй⁵³ и шуфэй⁵⁴, около 300 наложниц. Помню, что

⁵² Благородная Супруга

⁵³ Талантливая Супруга

⁵⁴ Добродетельная Супруга

принцев сейчас — штук пять, а принцесс... Уточним у Ся Яозу, — сбился в итоге Мин Лэ Ян. — А что? — вдруг с любопытством переспросил он.

— Вы... Вы! — Ци Мэйли просто задыхалась от возмущения. Что это за человек?! — Вы просто... Вы не знаете, сколько у вас жен, но Вы даже не знаете, сколько у Вас собственных детей?! Это, по-Вашему, нормально?

Юн-ди смотрел на женщину, словно она не от мира сего. Это дети Императора. И это жены Императора. И все это — нормально. Мужчина совершенно не понимал, что так возмущало его гостью. Откуда он мог знать, сколько там детей у Императора? Есть и есть. Главное, чтобы толковый был наследник потом. Расскажите ему хоть про одного Императора из прошлого, который бы знал всех своих детей, если гаремы были настолько огромны... Смешно. У него всего триста наложниц, а не три тысячи, как у правителей до него.

— Ты словно не в этом мире живешь — не знаешь элементарных вещей. Таков порядок. Таковы правила. Мы пришлем тебе учителя, который расскажет, как правильно вести себя в твоём новом доме.

— Вы обещали отпустить меня, когда...

— Когда ты мне надоешь? Чжэнь сдержит слово. Но и ты постарайся сделать Нашу жизнь веселее. Нам интересно общаться с тобой. Это развлекает. А Чжэнь очень скучно, Наша дорогая новая девочка-сю.

Ци Мейли лишь обреченно вздохнула. В той семье она бы-

ла рабыней чиновника Ци, которому подчинялось все поместье, хотя называлась дочерью. Сейчас она рабыня Императора. Так себе карьера... Видимо, воля неба определила для нее этот путь во Дворец. Сейчас, когда она успокоилась, девушка признавала — лучше здесь, чем вернуться в поместье Ци. Хоть Император — кобель, но доля разума у него есть. Если обещал отпустить, значит надо постараться выжать из ситуации максимум. Одно радовало — голодать она не будет.

Ци Фэй долго смотрела на небольшой фонтанчик во дворе. Время было странным, запутанным, непонятным. Но жизнь во Дворце была в чем-то даже проще, хотя тоже являлась борьбой за выживание. Главное, сразу расставить верные акценты, не смотря на капризы стоящего перед ней красивого мужчины, который играючи повелевал судьбами, являлся Императором, но при этом так странно и настойчиво отделял себя от этой личности. Не знал, сколько у него детей, не знал, сколько женщин ждет его внимания как от божества, но умудрился вцепиться в случайно встреченную ненормальную девицу, притащить ее в гарем, чтобы развлекала... Был ли у нее выбор не открывать глаза в этом времени, а уже встретиться с тетушкой Мэн и испить ее напиток забвения⁵⁵? Возможно, сейчас бы она уже переродилась...

Обычно во всех романах с переселенцами у героини обя-

⁵⁵ Тетушка Мэн и ее напиток забвения - Мэн По или "Старая леди Мэн" - богиня забвения в китайской мифологии, которая подает суп на Мосту забвения или мосту Найхэ. Этот суп стирает память человека, чтобы он мог перевоплотиться в следующую жизнь без бремени предыдущей жизни.

зательно имелись уникальные навыки, в которых та могла стать лучше остальных, добивалась признания и в награду — красавчика. По факту у Ци Фэй не имелось вообще никаких навыков, кроме умения считать цифры и сводить дебет с кредитом. Девушка могла пользоваться смартфоном и микроволновкой, втыкать вилку в розетку, заваривать быструю лапшу, неплохо готовить, но в итоге она — ребенок своей эпохи, своего времени. В детдоме не учили музицировать, не прививали этикет, не носили философские трактаты. Она могла спеть песенку о партии и великом будущем Республики, но это все. И что сейчас ей с этим делать?!

В итоге девушка стала личной игрушкой какого-то давно почившего в ее времени Императора древности с расстройством личности, к тому же, еще тем интриганом. Он то нежно мажет ее запястья мазью, то пронизывает холодом своего высокомерия в разговоре. Ему-то будет весело, а вот самой Ци Фэй...

Неизбежность

Зима, подхватив эстафету осени, случилась тяжелой, затяжной и холодной. В сознании Ци Фэй это время осталось трудным. Даже вступившая в свои права весна, разливавшаяся в воздухе щебетанием птиц и первыми зелеными почками, долго не могла прогнать постоянную зябкость во всем теле. Но долгожданное тепло воспринималось сейчас как благословение. За те прошедшие месяцы в гареме Ци Фэй упорно училась по приказу Мин Лэ Яна. Мужчина твердо решил привить необходимые манеры сумасбродной девице, что просидела десять лет в комнате и считалась в семье сумасшедшей. Всех новых дворцовых девушек, которые только начинали свой путь за милость Сына Неба, строго обучали придворному этикету, манерам и правилам жизни гарема. Ее наставница — момо Ён — была очень дотошна. Ци Фэй многое усваивала крайне быстро, но характер девушки был прямолинейным и задиристым. У нее изначально не было таланта интригана, а некоторые наставления девушка принципиально не хотела усваивать, за что не раз была бита по рукам наставницей. Смешно сказать, но той женщине — старшей служанке, которую все называли «момо», было тридцать семь лет. Всю жизнь проведя во дворце, она не представляла себе иной судьбы, стараясь служить на совесть. Однако Ци Фэй тайно предполагала, что ее план обучения был намного

более шире и строже, опять же, благодаря тому странному человеку в богатой мантии правителя...

Помимо учебы девушки-сю занимались не тяжелой работой и служили более титулованным супругам гарема, выполняя их прихоти, выбивая себе покровительство. А для императрицы они и вовсе воспринимались как личные рабыни. Ци Фэй невольно сконцентрировала свое внимание на нынешней правительнице. Женщина нечасто появлялась на публике, не участвовала много в гаремной жизни — слабое здоровье не позволяло. Но, как выяснилось, императрица Айминь знала обо всех внутренних распрах и где-то даже умело манипулировала ими. Ци Фэй увидела характер законной жены Мин Лэ Яна во всей красе, когда Хуанхоу, прогуливаясь по саду в теплой накидке, обитой мехом соболя, наткнулась на одну из принцесс. Девочка лет пяти от роду, видимо, ускользнувшая от своих нянек, подошла выразить свое почтение Матушке-Императрице как полагается по правилам Дворца. Но женщина не только не оценила приветствие, она вдруг зло пнула ногой стоящую на коленях девочку, от чего та откатилась на несколько шагов назад. Императрица лишь посмотрела по сторонам и, убедившись, что никого нет, кроме ее верной служанки, неторопливо продолжила свой путь как будто ничего не произошло. Ци Фэй очень повезло, что кусты с молодой зеленью стали вдруг для нее невольным щитом, сумев скрыть ее от посторонних глаз. Подбежав к ребенку, она помогла малыш-

ке встать, отряхнуться и сопроводила к испуганным служанкам. Ребенок шел молча, хотя Ци Фэй прекрасно понимала, что девочке больно. Поблагодарив поклоном, малышка была подхвачена заботливой нянечкой. Все еще ошеломленная, девушка вернулась в свои скромные покои. Что же за волчица эта женщина?

Можно понять ее нелюбовь к отпрыскам царственного супруга, но даже так... Бить ребенка... Это низко. Благо, Ци Фэй хватило ума не рассказывать об этом кому-то еще. К своему ужасу девушка вскоре поняла, что не одна императрица такая. Здесь каждый выживает сам. И дети — всего лишь разменные монеты.

Ее мало интересовали сплетни гаремных кулуаров, но от них никуда не денешься. Евнух, приставленный к ее покоям, докладывал новенькой обо всех событиях, которые происходят вокруг Императора. Таким образом Ци Мейли уже знала, что Хуанхоу не пользуется ни любовью своего мужа, ни его благоволением. Императрица даже не может выносить и родить наследника, который так необходим престолу.

— У нашего Вансуйе⁵⁶ нет постоянных любимиц в гареме, это значит, что сердце его свободно. У Вас, госпожа, есть шанс завоевать нашего повелителя, — нравоучительно капал на мозг монотонным голосом довольно молодой и педантичный евнух, имени которого девушка даже не трудилась

⁵⁶ слуги часто обращались к императору как к Вансуйе "Владыка десяти тысяч лет".

запоминать. — Наш Император — мечта всех женщин Тянь-ся⁵⁷!

Ци Мейли⁵⁸ лишь кривилась и закатывала глаза: «Не лопни от самодовольства, индюк».

Я люблюсь тобой -
мандариновым деревом гордым.

О, как пышен убор твой -
блестящие листья и ветви.

Высоко поднимаешься ты,
никогда не сгибаясь,
На прекрасной земле,
где раскинуты южные царства...

Юн-ди поднес к губам чашечку с обжигающим горячим чаем, но, прикоснувшись к ароматной влаге, не сделал ни глотка. Эта смертная скука в виде небольшого праздника для детей и наложниц продолжалась уже третий час к ряду. В огромном императорском саду сегодня собрались все женщины гарема, имевшие либо титул, либо ребенка от Императора, дабы развеять скуку и повеселить Тяньцзы. Собственно, только здесь Юн-ди мог увидеть своих детей, которыми никогда особо не интересовался.

⁵⁷ Напоминаю, Поднебесная.

⁵⁸ Ци Фэй в своих мыслях все еще остается Ци Фэй, однако все окружающие знают ее как Ци Мейли. Поэтому есть чередование обращения. По мере восприятия девушкой самой себя как теперь Ци Мейли это чередование имен уйдет.

Кто-то играл на цине, кто-то танцевал, сейчас его старший наследник читал стихи. Организовала все, конечно, императрица: «Дети Дракона желают процветания Его Величеству и очень скучают по своему Императорскому Отцу. Соблюдая этикет, мы запланируем отдых на природе императорской семьи в чудесный и теплый весенний день. Вы увидите, как выросли юные принцы и принцессы, Хуаншан⁵⁹».

Конечно, как Императорский Отец, он обязан следить за воспитанием королевской крови, ведь кто может в итоге взойти на престол, неизвестно. Пока Юн-ди делал ставку на старшего принца, который был отпрыском Чжао-гуйфэй и имел больше всего поддержки при дворе. Чжао-гуйфэй являлась дочерью нынешнего премьер-министра, который прочно держал власть у чиновников, особенно в императорском суде. Конечно, Ли Шу как императрица Айминь, будучи дочерью уже бывшего, но тоже некогда влиятельного при дворе министра, родив наследника, могла бы составить достойную конкуренцию за влияние супруге Чжао, но власть премьер-министра была сегодня больше. Поэтому сейчас императрица могла лишь делать все, чтобы супруга Чжао не выходила за рамки своих непомерных амбиций и растущих желаний всецело завладеть Печатью Феникса, родив самого старшего наследника престола. И Ли Шу, и Благородная Супруга носили одну фамилию и являлись отда-

⁵⁹ составленное из иероглифов "Хуан" ("император") и "шан" ("верхний", "сверху"). – обращение к Императору

ленными родственниками. Однако, обе ветви рода никогда об этом не вспоминали и контактов не имели.

Мальчик рос действительно талантливым. Он прилежно учился, но, как любой привилегированный наследник, был довольно капризным. Слушая детский голос краем сознания, не вникая в озвученные строчки, Юн-ди казалось, что он бы с удовольствием заснул здесь и сейчас...

Я люблюсь тобою,
о юноша смелый и стройный,
Ты стоишь — одинок -
среди тех, кто тебя окружает.
Высоко ты возвысился
и, никогда не сгибаясь,
Восхищаешь людей,
с мандариновым деревом схожий...

К Императору подходили выразить почтение царственные супруги, затем наложницы. Кто-то показывал, как быстро растут дети. Юн-ди каждому ребенку давал свое императорское благословение небрежным проглаживанием по головке, наказывая усердно учиться и слушаться своих наставников. Совсем маленьким он просто желал здоровья. Так требуют правила. Ведь сколько детей в итоге выживут в гареме — вопрос с крупной ставкой. Смотря на старшего наследника, Юн-ди понимал, что его мать вполне могла бы стать достойной императрицей. Возможно, Императору давно следовало избавиться от бесполезной Ли Шу. Однако сделать это мож-

но лишь ослабив самого премьер-министра. Юн-ди немного нахмурился, переведя взгляд на чинно сидящую гуйфэй в шикарном наряде и очень сильно накрашенным лицом. Особенно издали женщина казалась прекрасной нефритовой статуэткой. Выделять супругу Чжао тоже было бы большой ошибкой. Эта женщина с ее алчностью и амбициями утопит всех в крови. Тогда остальных принцев можно смело считать смертниками несмотря на то, что некоторые из них откровенно слабы здоровьем, а другие — еще совсем малы. У Юн-ди разболелась голова. Он снова поднес чашку к губам и закрыл глаза, сделав вид, что наслаждается окружающей обстановкой и внимательно прислушивается к стихам. Поскорее бы вечер...

И, живя на земле,
как луна и как солнце, ты светел.
Все года моей жизни,
отпущенные судьбою,
Я хочу быть твоим
неизменным и преданным другом!
Ты пленяешь невольно
своим целомудрием строгим,
Но за правду святую
сражаешься стойко и твердо⁶⁰.

Под громкие лестные восхищения, юный наследник, закончив оду, специально выбранную для услаждения царско-

⁶⁰ Стих Цюй Юань «Ода мандариновому дереву».

го тщеславия правителя, важно поклонился Императорскому Отцу и подошел к креслу матери, которая удовлетворенно кивала головой. Юн-ди жестом подозвал главного евнуха.

— У этого принца есть неплохие задатки, как думаешь?

— Принца зовут Юн Танцзин, Бися, — вежливо поклонился Ся Яозу, напоминая. За много лет он привык.

— Прекрасно. Этот ребенок уже довольно взрослый. И влияние его матери необходимо сократить. Приказ Чжэня: уменьшить его общение с Благородной супругой Чжао, больше заняться всесторонним развитием и образованием наследника. Поставить рядом верных Нам людей, не связанных с гуйфэй. Это не значит, что Мы окончательно определились с наследным принцем, образование остальных сыновей продолжать заниматься также тщательно. Но пока Юн Танцзин фаворит.

— Ваш раб понял, Бися. Все будет сделано. Но, Бися...

— Ся Яозу запнулся, а потом решился. — Вам, как его Отцу-Императору, необходимо больше проводить времени с принцем. Тогда он сможет оправдать Ваши надежды...

— Чжэнь будет лично контролировать его успехи. Мы понимаем, о чем ты хочешь сказать, но не требуй от Нас слишком многого. Престолу нужен достойный наследник в первую очередь. И Мы для него — Император и правитель.

«Вы еще его отец», — хотел поправить мысленно Ся Яозу, но вовремя замолчал. Император был прежде всего Императором.

Ци Мейли все больше теряла свое прошлое имя. Оно как будто стиралось в ежедневных буднях ее новой жизни. Со всем иногда девушка думала о том, что в своем времени ее тело просто находится в коме, например... Здесь в стенах Дворца чувствуешь себя сыто. В ее распоряжении красивые платья, вкусная еда, много времени для рефлексии. Тяжело ломать себя, пытаясь вписать в рамки принятой формы общения, ведь она не росла с этим, принятых женских добродетелей особо не знала. XXI век давал, как оказалось, много свободы, которая воспринималась там как должное, но стоило лишиться этого — и ты моментально понимаешь, как много утеряно. Да, и здесь люди жили... Выживали. И уже через несколько месяцев пребывания здесь, Ци Мейли оценила выбор Мин Лэ Яна, который дал ей, таким образом, определенную защиту.

Выживать в этих стенах было, с одной стороны, легче, с другой — сложнее. Гарем и политика неразрывны, но на первом месте всегда оставалась война всех против всех. За место в постели Императора, конечно. Это главное для любой женщины, попавшей сюда. Каждая хочет и власти, и влияния. Но такая высшая цель не отменяла буйства разврата за закрытыми дверями спален прелестниц. Девушки могли так и не попасть на аудиенцию к монарху, поэтому самые смелые искали способы не утонуть в беспросветном однообразном отчаянии, проводя все свои лучшие годы в выделенных ком-

натах. Наверное, Ци Мейли могла бы ожидать того же, но...

— Что у нас сегодня на ужин? — мужчина в темном костюме тайного стража легко проскользнул в ее внутренние покои, принюхиваясь к сладковатому аромату какого-то соуса. Он нетерпеливо опустил за маленький столик, где теснились несколько глубоких мисок, накрытые куском плотной ткани. Ци Мейли уже привычным жестом подала палочки своему внезапному посетителю и, откинув ткань, придвинула к нему миску с рисом, а рядом поставила куриные крылышки в соусе, издававшие восхитительный аромат. Ростки бамбука, пряные закуски и вино шли небольшим дополнением. Трапеза была очень скромной и явно не монаршей, но Мин Лэ Ян устался на них с голодным блеском в глазах. Он давно уже понял, в чем неоценимая ценность его новой странной наложницы — она необычно и очень вкусно готовила. Ловко подхватив палочками кусочек, он осторожно попробовал, смакуя. — Как ты это делаешь?

— Хм... Просто. Куриные крылышки маринуются в вине, а затем обжариваются до золотистой корочки и тушатся в маринаде с добавлением светлого соевого соуса. Соль здесь тоже в достатке. Специй у вас маловато, поэтому обходимся тем, что есть....

— Ты думаешь, я спросил рецепт, чтобы это готовить? — Мин Лэ Ян с наслаждением ел.

— Почему Императора так плохо кормят? — наиграно куда-то в пространство спросила Ци Мейли и для пущего эф-

фекта тяжело вздохнула.

— Наверное, надо просто всех казнить за это... — подхватил ее поведение мужчина с задумчивой интонацией.

— Не надо горячиться, Шеншан, — испугалась девушка. — Вы ешьте на здоровье, эта подданная просто спросила.

Мин Лэ Ян рассмеялся. Он откровенно дразнил ее — для гарема она была немного глупа. Вернее, нет, она была проста. Ее прямота и неумение скрывать свои эмоции делало сидящую перед ним девушку не способной на гаремные интриги, провокации и ухищрения. Да, для гарема она считалась именно глуповатой. Тем не менее, отбрасывая душный официоз, Мин Лэ Ян расслаблялся. И даже оберегал ее по-своему. Он сейчас вообще мало напоминал монарха — как будто иная личность. Мужчина часто тайно приходил в ее покои первое время, помогая осваиваться, проверяя ее усвоенные знания. Ци Мейли была для него новой, еще толком не послужившей игрушкой, и Мин Лэ Ян очень хотел, чтобы она продержалась подольше здесь. В один из таких вечеров он и нашел на ее столе остатки еще теплой говяжьей лапши, которую Ци Мейли приготовила для себя на императорской кухне. Конечно, во многих местах он пробовал различную еду и бедняков, и местных крестьян. Солдаты на поле боя вообще имеют очень скромный рацион в пище, а он очень долго считал себя таким же солдатом. Но эта лапша оказалась совершенно другой. Мужчина опомнился, только когда доедал последнюю миску. Каждый раз, оказываясь в

покоях девушки, Мин Лэ Ян находил у той на столе что-то необычное и вкусненькое. Ци Мейли, обратив внимание на очень хороший аппетит своего собеседника, часто специально оставляла еду на столике, пока не получила требование не есть без него...

За это время девушка ни разу не побывала в императорских покоях. Стоит хоть раз туда зайти, и ты больше не сможешь раствориться меж стен. Горький опыт подсказывал Мин Лэ Яну, что рано или поздно все к этому придет, ведь его интерес никуда не делся. Наоборот усилился. Однако в этом гареме было очень много женщин, которые точно знают, что от них хотят... С этой девушкой же было легко, словно они знакомы много лет. Поэтому мужчина ждал. Прежде чем Ци Мейли окажется в его постели, ей необходимо научиться хоть немного защищать себя.

— Я уже говорил тебе не называть меня так. Я пришел к тебе неофициально. Сейчас я просто Мин Лэ Ян. Не подставляй себя под удар. Я просто пошутил, успокойся.

— Шутник, — буркнула, опустив голову почти в тарелку, раздраженная Ци Мейли. Затем, ни сказав ни слова, резко ухватила палочками пару стебельков молодого бамбука и быстро переложила их в тарелку напротив. — Ешь тогда молча.

Если у Ци Мейли и было хоть одно достоинство, так это умение приготовить из ничего что-то необычное. Из-за вечного безденежья она всегда могла сообразить что-то простое

и вкусное, используя лишь минимум продуктов. Этим и радовала себя. Но когда денег не было совсем, Ци Мейли голодала. Довольный Мин Лэ Ян ухватил ростки и оправил их в рот.

— Когда я смогу покинуть Дворец? — девушка задумчиво потягивала вино.

— Куда ты собралась? — спросили в ответ с усмешкой.

— Я уже говорила. Хочу жить нормальной жизнью вне этих стен. Вы же сами понимаете, что я так долго не протяну. Сiju в четырех стенах, света не вижу, учеба и сплетни — скука смертная. Заняться нечем, общаться особо тоже не с кем. Я много лет так провела. Сменила одну тюрьму на другую?

Мин Лэ Ян покрутил пальцами маленькую чашечку, в которой только что было вино — она очень точно описала суть гарема. И, возможно, ее глупость оставалась намеренной — девушке не хотелось уподобляться наложницам. И найди Мин Лэ Ян в себе больше благородства, отпустить ее — был бы самый верный выход. В конце концов, она помогла ему в трудную минуту. Однако, эгоизм монарха оставался сильнее. Мужчина снова налил себе вина и с наслаждением выпил — гораздо лучше вечного чая.

— Ты так и не стала моей женщиной. Я еще не попробовал тебя... Как же могу отпустить?

Лицо Ци Мейли вытянулось... Попробовал? Ей все-равно придется спать с ним? Она так долго изощрялась в готовке,

угождала его прихотям в еде, а главное блюдо в итоге, оказывается, она? Девушке было очень трудно рассматривать этого мужчину с кучей безликих наложниц и детей как объект сексуального желания. Несмотря на его красоту и статью, этот "общественный муж" — точно не ее влажная мечта. Трудно не признать, Мин Лэ Ян ей даже понравился при первой встрече, она восхищалась, сравнивая своего нового знакомого с мужчинами из современности. Но как только генерал превратился в Императора, весь интерес пропал. Остались настороженность и опасение.

— То есть, если я положу себя на разделочную доску, Вы меня отпустите?

Мужчине очень не понравился этот тон, гнев начал пробуждаться откуда-то изнутри помимо воли. Что с ней не так? Любая из гарема душу продаст за его милость! Мин Лэ Ян холодно улыбнулся — выглядит словно жертва, но остается при этом алчной девкой, которая только и думает о деньгах.

— Тогда давай проверим, чему тебя научили за столько месяцев, — внезапно предложил мужчина. — Обучили, как служить Императору? — он резко поднялся, опрокидывая кувшинчик с остатками вина. Светлые капли тут же причудливо растеклись между пустой посудой.

Ци Мейли испугалась.

— Мин Лэ Ян... — вырвалось у нее, но под тяжелым и злым взглядом девушка замерла. Сейчас перед ней стоял не Мин Лэ Ян, а Император.

Мужчина тихо приблизился, поймав девушку за собранные волосы, и притянул к себе. Ци Мейли в ответ уперлась руками в его грудь, пытаясь освободиться. Но становилось лишь больше — хватка мужчины усиливалась. Он неспешно рассматривал ее обычное лицо, как делал это много раз прежде. Но сегодня в этих чертах и взгляде проступала неброская красота. Не говоря ни слова, Мин Лэ Ян уверенно накрыл ее губы, почувствовав привкус выпитого вина. Отсутствие реакции Ци Мейли подстегивало мужчину только сильнее. Углубив поцелуй, он переплел их языки, заставляя растерянную женщину невольно реагировать на агрессивные действия. Ци Мейли, словно проснувшись, пыталась разорвать этот поцелуй, но освободиться от крепкого захвата не могла — мужчина явно не был похож на изнеженно-го, холеного Ли Тонга. Это, конечно, был не первый поцелуй для нее, а вот в этом теле — да. Жадность и напор чужого языка пугали. День за днем Мин Лэ Ян приходил к ней лишь поесть вкусенького, да просто отдохнуть — он ни разу не прикоснулся к ней, не позволил себе никаких намеков, позволяя Ци Мейли успокоиться, расслабиться и ослабить бдительность. Гарем он посещал исправно, ходили слухи, что одна наложница даже забеременела. Но до того, как информация подтвердилась, она подавилась костью и умерла. Ци Мейли убедила себя, что как женщина ему неинтересна. Девушка прекрасно знала, насколько важна физическая сторона отношений. И пусть в том мире у нее не осталось никого,

о ком бы стоило тосковать, но недолгие романы случались... Не так много, правда. Однако в этом теле здесь это был ее первый поцелуй и, конечно, это будет ее первый секс, вернее "служение". К сожалению, настоящая Ци Мейли этого уже не узнает.

Все, что есть у женщины ценного в представлении нынешнего общества — девственность, происхождение и размер ее приданого. У Ци Мейли нет приданого, происхождения, а девственности, видимо, она тоже скоро лишится. Что у нее останется?

Когда Мин Лэ Ян оторвался от уже порядком распухших губ, девушка глубоко и часто дышала, жадно глотая воздух. Остекленевшие глаза увлажнились, делая выражение лица более беззащитным. Честолюбие мужчины было удовлетворено, а вот желание — нет. Яркие зацелованные губы манили обратно. Хотелось разорить и растоптать. Но если поспешить, то Ци Мейли воспримет это как откровенное принуждение. Не нужно. Пусть смирится с этой мыслью и войдет в покои Императора как обычная наложница. В конце концов, задача любой женщины во Дворце — служить Сыну Неба.

Прикусив еще несколько раз влажные лепестки губ, мужчина резко расслабил хватку, и девушка от неожиданности пошатнулась.

— Не забывай своего места здесь, Ци Мейли. Будь готова, наконец, сделать то, что от тебя требуется. Я думал, ты умнее, — покачал головой Мин Лэ Ян.

Развернувшись к открытому окну, мужчина в костюме тайного стража быстро скрылся в ночной тишине, полностью растворяясь в ее защитных объятиях и оставляя растерянную девушку одну. Ци Мейли долго смотрела в непроглядную черноту за занавесками, и ей казалось, что надвигающаяся тьма вот-вот поглотит все вокруг нее целиком.

На следующий день прибывший евнух из императорских покоев сообщил, что Тяньцзы вытащил ее жетон. Сегодня эта подданная войдет в покои Императора.

Наказание

Ли Шу сидела возле большого бронзового зеркала, рассматривая каждую черточку изнеженного молодого лица. Ее тонкая белоснежная кожа не скрывала болезненной бледности, делая синие венки на шее еще более заметными. Хрупкость супруги Императора давно была известна при дворе. В ее покоях уже побывал не один императорский лекарь, а количество тоников для здоровья, которые она пила из года в год, пугало. Но тело женщины по-прежнему оставалось слабым и совершенно не воспринимало Драконье семя.

Все, чего хотела сейчас императрица Айминь, обладающая золотыми ветвями и яшмовыми листьями, — оправдать надежды своего отца и родить прямого наследника. Тогда ее власть в гареме и при дворе стали бы непоколебимыми, а влияние нынешнего премьер-министра ослабло. Благодаря оставшимся связям отца и законному наследнику будет легко подавить всех недоброжелателей, заткнуть им рты, и ненавистная Чжао-гуйфэй никогда не сможет больше вести себя так нагло, как сейчас. Сун-сяньфэй и Лули-шуфэй императрица пока даже в расчет не брала. Они обе родили ничего не значащих принцесс. Но пока Ли Шу не придумает способ почаще видеть в своих покоях Императора, о наследнике можно забыть. Только куда деться от всех этих подстилок, к которым он исправно ходит? От их выблядков, которые по-

являются, словно по волшебству, после первого же раза? Каким богам эти шлюхи молятся, чтобы зачать с первой же ночи?

Женщина была так занята самоистязаящими мыслями, что совсем не заметила, как в комнату неслышно проскользнула ее верная пожилая момо⁶¹.

— Эта рабыня приветствует Императрицу.

Ли Шу слегка повела взглядом на коленопреклоненную служанку.

— Вставай уже. Вижу, что у тебя есть что-то для Бенгун⁶². С утра пораньше хочешь доставить Бенгун неприятности?

Старая женщина не стала тянуть и сразу оповестила:

— Сегодня Император отдал жетон совершенно никому не известной новенькой девушке-сю, той самой, которая получила протекцию. Няня⁶³ еще помнит ее?

Императрица задумалась. Она, конечно, не особо помнила лицо, но вот простой и малоинтересный образ в памяти остался — уж очень сильно выбивалась эта девушка из присутствующих. Тогда Ли Шу просто «настойчиво посоветовали» принять ее в гарем с указания мужа. И вот сейчас эта новая подстилка войдет в его спальню.

Больно. Все равно. Каждый раз. Больно... Женщина перед

⁶¹ возрастная служанка (кормилица), которая остается с госпожой на всю жизнь, не выходя замуж.

⁶² дословно "этот дворец", обращение императрицы к себе.

⁶³ ласково-уважительное обращение "матушка-императрица".

зеркалом, уйдя в свои мысли, словно осунулась и постарела. Пожилая служанка, видя, что расстроила госпожу, принялась судорожно кланяться, но та взмахом руки отослала ее прочь. Подумав некоторое время, императрица твердо решила, что пока ничего не будет предпринимать. Как правило, ее царственный супруг быстро терял интерес к женщинам в своей постели. Не больше одной ночи... Но, если эта девка понесет... Ли Шу стиснула зубы. Она не позволит какой-то страшной выскочке дожить до окончания беременности. А пока... Пока она будет тем, кто охраняет пень, ожидая кролика⁶⁴. Ли Шу с мстительной злобой представила перекошенные лица всех имеющихся фужэнь⁶⁵ своего супруга, когда они узнают, что их обставила неизвестная старая дева, вдруг каким-то образом вырвавшая милость монарха. Вся их красота разлетится по ветру, а красивые лица перекосит ненависть.

Однако эта самая выскочка, возвращаясь с кухни, где на скорую руку приготовила что-то вроде десерта, целенаправленно двинулась в огромный императорский сад — в ту его часть, где любили проводить дни наложницы низших рангов: вышивали, рисовали, тихо перешептывались, пряча за вежливыми улыбками острые взгляды. «Пора начать знакомить-

⁶⁴ Охранять пень, ожидая кролика - слепо доверять удаче, ждать удачного момента.

⁶⁵ супруга. Четыре супруга Императора носили каждая свой титул: "гуйфэй", "шуфэй", "дэфэй" и "сяньфэй". Далее шли наложницы по рангам и старшинству.

ся с местным зверинцем», — подбадривала себя Ци Мейли.

Тихо ступая по дорожкам между широкими кустарниками с сочной зеленью, девушка вдруг невольно замерла. В тени отдаленной беседки, укрытой прохладными стенами и обвитой виноградными лозами, две наложницы стояли так близко, что между ними не проскользнул бы и ветерок. Их позы были слишком непринужденными, слишком личными. Старшая, судя по облачению, - явно из более высокого ранга, - нежно придерживала младшую за плечо, будто хотела не столько утешить, сколько удержать рядом. В этом жесте было не просто участие — в нем угадывалось владение, обыденное и спокойное, как у хозяйки, которая знает, что ее слово здесь имеет вес.

Ци Мейли замерла, не решаясь ни шагнуть вперед, ни отступить. Она знала, что любая близость в гареме — это не столько чувства, сколько распределение власти. Особенно между наложницами и женами Императора. Та, что берет под крыло новенькую девочку-сю или наложницу низшего ранга, обеспечивает той защиту, шепчет нужные имена нужным людям, помогает удержаться на скользкой лестнице придворной жизни — одним словом, покровительствует. Но увидеть это своими глазами — совсем другое дело. В современном мире кого этим удивишь? А здесь за одну только тень подозрения могли сломать судьбу и лишить жизни. Ци Мейли слабо улыбнулась, и улыбка вышла горькой - когда женщин что-то останавливало, если на кону стояла жизнь?

В ту же секунду ее десерт выскользнул из ослабленных пальцев и с грохотом ударился о каменную дорожку. Ци Мейли с жалостью взглянула на утраченные плоды своего труда, а затем со страхом перевела взгляд на женщин.

Двое в беседке резко вскочили, потревоженные шумом, судорожно поправляя одежду. Обе тяжело и часто дышали от испуга и потрясения. Женщина постарше, наконец, оценила ситуацию и, увидев перед собой всего лишь какую-то девицу в довольно простенькой юбке и светло-желтом жакете без изысков и отличительных знаков, решительно взяла себя в руки. Аккуратно осмотревшись по сторонам и не увидев больше любопытных глаз, старшая внимательно изучила испуганную девушку, упавшую на колени. «Эта дурочка не может быть кем-то выше девочки-сю или, может, привилегированной служанки. Но, с другой стороны, такой служанке здесь особо делать нечего. Даже если девчонка и вошла в гарем будущей наложницей, то ей пока не стала и никакого титула у нее нет. Я имею право вынести наказание», - размышляла женщина.

Ее молоденькая спутница, которой в тот момент хотелось просто исчезнуть, попыталась скользнуть в сторону, но властная рука удержала ее на месте.

Ци Мейли дрожащим голосом причитала:

- Смилуйтесь, эта раба ничего не видела, эта несчастная ничего не видела...

Вот глупая, разве что сама в слух не сказала, что видела

то, что не нужно...

Женщина в богато расшитой накидке, закрепленной не так аккуратно, как того требовал этикет гарема, не спеша приблизилась, не выпуская руки своей подопечной. Она долго рассматривала стоящую на коленях девицу. Убить ее женщина пока не могла — такой власти не было. А вот запугать и показать, что будет при непослушании, стоило. В конечном счете, если эта служанка откроет рот, им с Сю конец. Обе наложницы переглянулись.

— Эй, кто-нибудь! Стража! — крик высокой птицей взмыл над садом. Через минуту подбежали два солдата, спешно осматривая дам. — Императорская наложница Джао-шуи⁶⁶ беседовала со своей сестрой — императорской наложницей — Сю-мэйрэн⁶⁷ на прогулке, однако эта дрянь грубо прервала наш разговор, показала себя крайне нерасторопной и испортила наши наряды. Грубость и бестактность этой низкой служанки заслуживают наказания. Но имея мягкий характер, эта наложница, как и моя сестра, остается милосердной и добродетельной, поэтому вместе с Сю-мей-мей⁶⁸ просим наказать ее всего десятью ударами палок. После этого служанка выстирает вручную запачканную одежду и простоит перед нашими покоями на коленях два шичэня⁶⁹.

⁶⁶ титул наложницы третьего ранга, "Леди Добродетельной церемонии".

⁶⁷ титул "Леди красоты". Еще не получившая ранг наложница.

⁶⁸ сестрица, сестра

⁶⁹ отрезок времени, равный 2 часам. Два шичэня – 4 часа.

«Великолепная речь, почти императрица», — зло подумала Ци Мейли, краем глаза поймав, как серебро наложницы проворно исчезает в карманах стражников. Джиао-шуи неторопливо приблизилась к стоящей на коленях девушке и резко подняла ту за подбородок, встречаясь с перепуганными влажными глазами.

— Запомни, пока твой рот на замке, будешь жить. Если посмеешь его открыть, никакого снисхождения не будет. Никто не станет расследовать смерть низкосортной девицы, которых здесь полно...

— Эта несчастная не посмеет...

Ци Мейли тут же подхватили две сильных мужских руки с двух сторон. Когда ее бросили на деревянную лавку, дыхание перехватило, но девушка изо всех сил вцепилась в края своего пыточного места. Никто не стал разбираться, кто она, почему наказана и за что. За все было заплачено. В какой бы мир девушка не попала, эти вещи остаются неизменными всегда... Сознание Ци Мейли потеряла на третьем ударе...

"Ах, проклятье... Как же больно-то!!!"

Приходила в себя она тяжело. Девушке казалось, что у нее горит вся спина и пятая точка. Пока ее били, она то выныривала из небытия, то снова туда падала. Кто знал, что тело Ци Мейли настолько изнеженное?! При всем возмущении самой Ци Фэй, это тело оставалось хрупким, чисто женским, холенным. Ци Мейли никогда не били так, как и ее, впрочем, саму. Даже в том мире похожих побоев с ней не случалось.

Тело Ци Мейли не приспособлено терпеть неудобства. Ничего удивительного, что страх и боль моментально отключили ее сознание. Когда на девушку плеснули водой, приказывая убираться, встать получилось далеко не сразу. Но Ци Мейли не стала просить помощи. Гордыня всегда была ее любимым грехом. Она буквально шаг за шагом, стиснув зубы, упорно ползла обратно в свои покои. Сзади горело все, словно прижгли каленым железом. «Слабачка», — ругала себя девушка. Дорога обратно казалась бесконечной, накатывала тошнота, подкашивались ноги. В один момент силы, подпитанные упорством, снова закончились, и Ци Мейли почувствовала, что теряет равновесие. В этот момент ее подхватили под руку, выдергивая из приближающегося забытья.

Подняв голову, девушка встретила глазами с мужчиной средних лет в темной плотной форме императорского охранника с явными знаками отличия. Тяжелое обмундирование придавало подошедшему человеку очень воинственный вид. И хотя мужчина вызвался помочь, но сейчас Ци Мейли искренне ненавидела всех этих продажных гвардейцев. Она попыталась оттолкнуть своего неожиданного помощника.

— Прекрати дергаться. Ты ранена. И сейчас свалишься. Я не хочу в свое дежурство спотыкаться о бесчувственные тела в императорском саду. Где находятся твои покои, девушка? Или ты служанка госпожи?

Ци Мейли молча смирila злым взглядом мужчину в военной форме, но затуманенные болью глаза, странная поход-

ка и искусанные губы превращали ее в совершенно жалкое создание.

Девушка головой указала направление, и охранник, не церемонясь, решительно потащил упрямыцу вперед. Когда они, наконец, пришли в ту часть дворца, где располагались покои избитой, гвардеец уже понял, что она не служанка. Слишком изнеженная. Видимо, одна из многочисленных женщин в гареме Императора без титула. Такие мало чем от слуг, собственно, отличаются. Их жалкое существование проходит в услужении наложниц более высоких рангов, они — расходный материал для тех, у кого в руках есть хоть немного власти.

Выбежавшая навстречу прелестная девушка тут же кинулась к своей госпоже. Оказавшись в надежных руках Син Шихонг, Ци Мейли позволила себе окончательно расслабиться. Избитые спина и ягодицы запылали с новой силой, заставив несчастную громко застонать.

Лишь когда вызванный лекарь из императорской лечебницы щедро нанес на травмированную кожу охлаждающую густую мазь, боль ослабла. Ци Мейли мрачно размышляла о том, как же выносливы обычные женщины в этом мире, особенно слуги, которым достается такое наказание раз через раз. А что ей оставалось делать? Она вынуждена была сыграть эту роль до конца и притвориться перепуганным кроликом. В крайности и собака бросается на стену⁷⁰. Лучше стер-

⁷⁰ В крайности и собака бросается на стену - идти на отчаянный шаг.

петь несколько ударов, чем стать очередной использованной любовницей хитрого человека с двойным дном. Пусть ее избыют, но она как можно дольше постарается потрепать нервы этому ублюдку, который надумал показать свою власть. «Не ты первый пытаешься съесть меня... Подавишься, Мин Лэ Ян». Эта боль стоила того.

План был немного сумбурным, конечно, но расчет верен. Девушке даже повезло, ведь она отделалась довольно легко, однако оставалось еще остаточное наказание той наложницы, которое пока никто не отменял. Но, будучи не в силах даже пошевелиться, избитая Ци Мейли про себя надеялась, что ей и не придется этого делать... Когда на столике догорела палочка успокоительного благовония, ее размытое сознание окончательно погасило разрозненные обрывки мыслей, и Ци Мейли просто провалилась в черную бездну беспокойного сна без сновидений.

Последствия не заставили себе ждать: лекарь доложил об этом случае, как и полагается по уставу. Конечно, через шичэнь или чуть больше прибежал испуганный евнух, отвечавший за сопровождение наложниц к Императору. Он трясся как заяц, не представляя, что будет докладывать монарху. Избранная девушка вдруг была избита в императорском саду. Кем? За что?

Сейчас несчастному оставалось лишь ждать отсроченного приговора — Император был занят со своими чиновниками при дворе и в покоях не появлялся. А когда наступит вечер,

будет уже поздно...

Император реагирует

Ци Мейли со страхом ждала вердикта Императора. Возможно, ее все равно утащат в высочайшие покои даже полумертвую. Однако вернувшийся евнух сообщил волю монарха: девушке надлежит вылечиться. Лекарь будет осматривать ее ежедневно. Милостью Императора пострадавшей были дарованы некоторые специальные лекарства.

«И все?» — Ци Мейли опешила. Девушка даже не знала, радоваться ей или злиться. Значит, этому придурку настолько плевать на нее, что он просто отделался общими фразами? А где же оповещение о расследовании, где обещание разобраться в ситуации? С другой стороны, радоваться надо, что Император не будет заставлять ее делать то, чего она не хочет. Ци Мейли, лежавшая на животе, сжала руками подушку, мстительно представляя вместо нее шею Мин Лэ Яна. Девушка продолжала кипятиться, даже не осознавая этого. В конце концов силы иссякли, но раздражение не ушло. Дурочка, снова совершенно забыла, кто есть Мин Лэ Ян и где она, собственно, находится. Здесь все иначе. И места в этом мире для нее не находится...

Ци Мейли опасалась, что Мин Лэ Ян заявится к ней ночью. И тогда их разговор может быть иным. Поэтому девушка от всего сердца надеялась, что в покои Императора внесут другую страждущую внимания деву, и она одарит своего

господина такими неземными ласками, которые не позволяют мужчине думать о ком-то другом.

Но это было бы слишком просто, верно?

Ци Мейли открыла глаза, когда почувствовала, как чья-то рука поднимает бинты на спине, прикрывавшие поврежденную поверхность белоснежной кожи. Было довольно темно, лишь один огонек маленькой свечи причудливо танцевал в потоках легкого ночного сквозняка, приглушенно рассеивая неяркий свет. Девушка уже каким-то внутренним чувством поняла, кто этот человек, так бесцеремонно рассматривающий ее.

— За что тебя наказали? — хоть голос и был тих, он нес в себе угрозу и холод.

— Уронила десерт, заляпала платья твоих любовниц, — не выдавать же, в самом деле, их сексуальные игрища? Это личное дело каждой. В конце концов, бедняжки и так обделены мужиками по жизни. Но отомстить хотелось. И плевать, что нарвалась сама. Кто сказал, что Ци Фэй — белый прекрасный лотос? Обычная стерва...

— Зачем пошла к ним?

Эх, допрос с пристрастием...

— Хотела познакомиться с кем-нибудь. Все время одна, завою скоро... Кто же знал, что здесь за все бьют?

— В следующий раз захочешь пообщаться, дождись меня. Не стоит заигрывать с женщинами императорского гарема. Здесь такие как ты долго не живут.

— Какие такие? — возмутилась Ци Мейли, аж привстав от эмоций, но тут же зашипела от пронзившей боли.

Мин Лэ Ян ничего не комментировал, просто опустился на пол рядом с кроватью и внимательно рассматривал лежащую растрепанную девушку.

— Такие глупые, — наконец изрек он. — Не знающие правил. Не знающие иерархий. Не знающие благородных манер. Не имеющие высокого рода и влиятельной семьи... Мне продолжать?

— Ты привел меня сюда...

— Хочешь вернуться к своей семейке? Твой отец уже почти продал тебя как бесправную игрушку для утех какому-то сыну чиновника, чтобы продвинуть по службе старшего сына.

Ци Мейли, конечно, знала, что все будет именно так. Но к тому моменту она бы уже сбежала, верно? В этом времени мужчины вели себя словно варвары. От бессильной злости и обиды красивые глаза увлажнились. Мин Лэ Ян зачарованно наблюдал за этими почти неувимыми изменениями, подмечая каждое из них.

— Ну что за время?! Почему женщин покупают и продают словно скот?! Женщина — это величайшее творение природы! Ее надо баловать, лелеять и любить! Я даже своей жизнью не могу распоряжаться, — слезы, наконец, сорвались хрустальными каплями, не особо эстетично стекая по носу на подушку.

— Все сказала? — довольно спокойно оборвали возмущение Ци Мейли. — Да, распоряжаться своей жизнью ты не можешь. Лучше просто прими этот факт. Но ты думаешь, я могу? Никто из нас не может делать что хочет. Кого в этом обвинить? Небеса? Гнев их может быть страшен.

— Ты — Император. Ты можешь все.

— И правда глупая, — уже более расслабленно констатировал мужчина в темном костюме.

Его длинные красивые волосы сейчас были собраны наверху и поддерживались простой костяной гуань⁷¹. И даже так Мин Лэ Ян оставался выразительно красив. Не тонкой нежной скульптурностью черт, а именно опасной мужской основой, в которой крепко сплелись его личная харизма и царственная аура высокого господина, привыкшего брать и повелевать. Женские сердца не могут устоять против такого сочетания, особенно находясь так близко-интимно в прохладном ночном сумраке небольшой комнатки. Сердце Ци Мейли невольно пропустило удар. А что с нее взять? Она тоже просто обычная женщина...

Незванный гость вдруг вынул из рукава знакомую баночку — это была та чудесная мазь, которой он обрабатывал ее синяки при первой встрече во Дворце. Поняв, что этот человек собирается сделать, девушка хотела было возмутиться, но тут же получила точечный удар куда-то в шею... И тело больше не слушалось. Она не могла даже рот открыть —

⁷¹ заколка у мужчин

остались лишь ощущения. Грубоватые руки гуляли по всей ее спине, исполосованной палками, щедро нанося слой за слоем целебной мази. Когда Мин Лэ Ян добрался до двух округлостей, Ци Мейли уже была красная, словно ткань свадебного наряда. Что за пытка?

Мин Лэ Ян молча продолжал смазывать избитые участки. Он прекрасно знал, насколько ей сейчас хочется совершить убийство злодея, но не показать свою власть и не подразнить беспомощную Ци Мейли мужчина не мог. Ее округлые ягодицы выглядели так, словно их долго шлепали, только не палками, а мужскими руками в постели. Основные удары пришлись именно на спину, а ее попа осталась почти не пострадавшей. И эти розоватые полушария сейчас невольно возбуждали. Он втирал мазь, наслаждаясь нежной плотью под пальцами. И хотя с Ци Мейли уже поступили жестоко, все равно казалось мало. В эту минуту Мин Лэ Ян сожалел, что до такого яркого и болезненного цвета измучил ее округлые ягодицы не он сам в смятой постели. Представляя, как именно довел бы эту грубиянку до такого состояния, мужчина полностью отдался ощущениям. В паху все стягивалось, опалая жаром нервные окончания. Прошло довольно много времени, прежде чем напряжение отпустило, и мужская рука нехотя покинула избитые ягодицы. Все впереди.

Мин Лэ Ян встал, зажег новую свечу взамен догоревшей и разблокировал акупунктурную точку своей пленницы.

— Ты их полировал, что ли?

Из всех возможных вопросов и реакций, что готов был услышать Мин Лэ Ян, такого в списке точно не было. Снова. Он молча уставился в довольно спокойное лицо.

Ци Мейли уже взяла под контроль эмоции в процессе этого действия. Во-первых, она не юная девственница, напомнила себе девушка... Это только тело девственницы. Во-вторых, процесс оказался успокаивающе приятен. Боль быстро отступала, а там, где рука наглаживала столько времени, и во все не ощущалась. Мужчины же всегда остаются мужчинами — кто может устоять перед доступными женскими прелестями? Даже если девушка и не сногшибательная красotka. Спасибо, что не решил осчастливить раненую своим императорским жезлом прямо здесь... Ци Мейли, с трудом расправив свою сорочку, осторожно перевернулась набок — от греха подальше — и теперь лежала лицом к сидящему возле кровати мужчине.

— Ты действительно не в себе?

— Почему?!

— Нормальная женщина так не реагирует.

— Нормальный мужчина не обездвигивает женщину, чтобы нанести лекарство. Он заботится и уговаривает.

— И много «нормальных» мужчин ты знаешь?

Ци Мейли вздохнула... Да, она их и в своем времени особо не встречала.

— Спасибо, — лишь тихо прошептала девушка, не отвечая на вопрос.

Ночной посетитель небрежно хмыкнул, продолжая беззастенчиво разглядывать ее, оценивая, примеряясь...

— Нравится?

— Видел лучше, — прозвучало безразлично и высокомерно.

Ци Мейли скривилась:

— Так что же ты делаешь здесь, когда есть лучше?

— Следи за своим языком, Ци Мейли. Ты слишком много позволяешь вольностей. Видимо, это моя вина — я тебе позволил. Будешь вести себя так перед Императором — снова избыют.

— Ты накажешь... — договаривать не было смысла, ее собеседник все прекрасно понял.

— За что? Наложница выше рангом наказала нерасторопную девочку-сю.

Ци Мейли стиснула зубы. Сволочь! Только что ее задмял, словно до женщины дорвался, а теперь столько равнодушия...

Мин Лэ Ян вдруг усмехнулся.

— Ты действительно думаешь, что умнее всех? Собственная глупость — причина твоей боли. Не играй со мной, Ци Мейли. Ты только недавно вышла в мир, просидев в своей безопасной комнатке десять лет. А я здесь живу с рождения и знаю все гораздо лучше тебя, глупой упрямицы. Император не станет тебе запрещать выходить в сад, но не ищи неприятностей. Светает скоро. Отдыхай пока. Вываться от-

сюда и убежать ты не сможешь.

Ци Мейли так и не сомкнула глаз. Слова звучали эхом в голове. Неужели смириться? Ее освободит только смерть, видимо, но этот вариант точно не про нее. Ци Мейли уже умерла один раз. Теперь девушка собралась вгрызаться в неровные края своей жизни до последнего. Следующий день она действительно отдыхала. Никто не беспокоил ее. И даже вездесущий евнух с блеющими интонациями в голосе, имя которого Ци Мейли не запоминала принципиально, куда-то пропал. Син Шихонг таскала ей с императорской кухни вкусняшки. Это была передышка.

Через день к ней вдруг пожаловала одна из супруг Императора. Это оказалась Лули-шувэй — красавица с осиной талией и густо подведенными глазами. Ее длинные темные волосы были уложены в сложную прическу и несли в себе массу разных украшений и заколок. Ци Мейли могла только изумляться, как голова этой женщины еще держится на такой тонкой шейке. Однако самое отвратительное — вставать на колени в приветствии, когда раны еще заживают.

Лули-шувэй, очевидно, не видела в этом что-то сложное и, отдав должное необходимым церемониям, грациозно и неторопливо присела за столик. Она мельком осмотрелась в более чем скромных комнатах несостоявшейся наложницы, убедившись, что та довольствуется почти нищенским существованием. Это странно, учитывая отношение Императора. Будь ее воля, титулованная женщина бы и шагу не сделала

в это место, чтобы не навлекать на себя неблагоприятную судьбу. Но слухи разрастались уже такие, что все остальные фужэнь вместе с императрицей были заинтригованы.

Перед собеседницами словно по волшебству появился горячий чай с маленькими османтусовыми пирожными. Две служанки, почтительно поклонившись, бесшумно закрыли двери с той стороны.

Некоторое время Ци Мейли позволила себе наслаждаться обжигающей драгоценной жидкостью. Невольно она задумалась, сколько бы стоил этот чай, который подают изо дня в день, в современном мире? Он бы был доступен только избранным? Не смотря на ничего не значащую легкую беседу, которую обе женщины поддерживали, атмосфера за столом оставалась напряженной. Одна не знала, как правильно подступить, другая гадала, что же понадобилось такой высококородной даме в ее убогих комнатах. Наконец Лули-шуфэй не выдержала:

— Не буду скрывать, этой супруге стало интересно, кто же так смело отказал Императору... Ты уже стала почти мифом. Слухи разлетелись, словно горячая выпечка.

Ци Мейли едва не подавилась чаем, удивленно подняв глаза на ослепительную гостью.

— Госпожа что-то неправильно поняла...

Лули-шуфэй нежно рассмеялась, ее смех был подобен звону колокольчиков. Ци Мейли зачарованно замерла, разглядывая одну из четырех жен Императора. Эта женщина

настоящая? Испугавшись такой дерзости, девушка быстро уткнулась в свой чай.

— Выбранная низкая девочка-сю не только не явилась в покои Императора, но и осталась жива после этого.

— Эту несчастную наказали... Как бы осмелилась...

— Избранная женщина обязана служить своему господину в любом состоянии. Если два удара уже сбили эту девушку с ног, то что с ней станет, когда дело дойдет до реального наказания?

«Не дойдет, надеюсь», — перепугалась Ци Мейли. Ее нежное тело такого просто не вынесет.

— Как девочка-сю добилась внимания Императора? — спокойно поинтересовалась Лули-шуфэй.

— Госпожа, — Ци Мейли осторожно опустила пустую чашку. Руки невольно подрагивали. Говорить правильным тоном было сейчас очень важно. Не сказать бы лишнего, а то снова изобьют. Ци Мейли ненавидела так унижать себя на словах, словно втапывая собственное достоинство. Но боли больше не хотелось. — Эта никчемная специально ничего не делала, поэтому внимание господина дважды драгоценно.

— Все так говорят. А потом пьют травы для зачатия, чтобы, прыгнув в кровать Его Величества, тут же понести. Однако, никто бы даже не обратил внимания на этот случай, если бы не действия Императора...

— Эта недостойная не понимает, госпожа.

Лули-шуфэй немного нахмурилась. Зачем строить из се-

бя дуру? Чем эта девушка с такой неброской внешностью так стала интересна Его Величеству? Супруга Императора, отбрасывая излишнюю вежливость, немного более строгим тоном приказала:

— Довольно играть в невинность. Император не станет разбираться с наложницами из-за конфликтов между ними, он не особо вмешивается в дела гарема. Подобные происшествия полностью решает императрица. В этот же раз все изменилось. Император показал свою волю очень откровенно. Такие послания не пропускают те, кто хотят жить, госпожа Ци Мейли. Этого хватило, чтобы весь гарем задрожал, и даже императрица вспомнила о своем месте, — Лули-шуфэй замолчала и долго гипнотизировала сидящую напротив соперницу внимательным взглядом. — Без статуса, еще даже не наложница, но милость монарха уже прочно схватила. Как ты этого добилась?

Никакого даже минимального уважения к собеседнику, только не особо скрываемое презрение угадывалось в голосе гостьи. Ци Мейли была готова расплакаться. Да что она сделала-то? Что сделал Мин Лэ Ян? Не он ли позавчера вообще не обратил внимания на то, что ее избили его же любовницы? А сейчас девушка, словно в плохом анекдоте, оказалась между молотом и наковальней: ее допрашивала одна из супруг Императора о его же многочисленных женщинах!

— Евнух из Дворца лишь доложил, что дело с наказанием этой недостойной проверят...

Лули-шувэй наиграно почти через силу рассмеялась, но глаза оставались холодными. Указательный палец с массивным перстнем несколько раз постучал по столу.

— Конечно проверят. И закроют. Все, кто имел к нему отношение, либо мертвы, либо искалечены.

— Что?! — Ци Мейли неосознанно вскочила со стула, но, спохватившись, тут же опустилась обратно. Это было грубо. — Не может быть, госпожа... Это лишь незначительное происшествие...

— Хочешь сказать, — Лули-шувэй подозрительно прищурилась. — Ты не в курсе того, что наложницу Джиао и наложницу Сю поймали на прелюбодеянии друг с другом? Их застали в постели, словно знали, где и чем они занимаются. Обе получили далеко не десять палок, как ты, а по пятьдесят. Сю-мэйрен умерла от побоев сразу же. А тело наложницы Джиао выкинули к солдатам. Ее напоили специальными отварами перед наказанием, чтобы точно сохранить жизнь. Бывшей императорской наложнице повезет, если она умрет быстро. Стражников, что избивали вчера девочку-сю, нашли утром — у обоих отрублены руки по локоть. Через время они все равно сами покончат с собой, но их агонию продлили. Умирать быстро этим несчастным никто не разрешал. И ты, неблагодарная, еще рассказываешь про незначительное происшествие? Прояви уважение к императорской супруге пред тобой — будь хоть немного откровенна...

Ци Мейли слушала с нарастающим неверием. Нет, она,

конечно, мстительно хотела, чтобы та же Джао или как ее там сама получила эти десять палок, но так... Смерти ничьей девушка точно не хотела.

— Почему уважаемая Лули-шувэй решила, что это сделано из-за этой недостойной? — Ци Мейли всеми силами старалась придать этому странному разговору толику официальности, обозначая таким образом имеющуюся дистанцию. Для безопасности.

Не сработало. Гостя не видела смысла в церемониях и продолжала выговаривать ей, словно низкой прислуге.

— Потому что нашему Императору было все равно уже очень долго. Неужели ты, невежественная, считаешь, что господин об этом не знал? Гарем хоть и большой, но он не идет в сравнение с гаремами Императоров прошлых лет. Наш господин всегда знает обо всем, что происходит. В этих стенах трудно скрыться от тайных шпионов. Его Величество просто закрывал на сей факт глаза. Сестрица Джао-шуи была в его покоях лишь однажды и больше туда не попадала. Ее семья занимала прочные посты в правительстве, отсюда и титул. А тут наказали некую девочку-сю, которая недавно появилась здесь, и четверо махом лишились жизни.

— Неужели это приказ Императора? — растерянная Ци Мейли не могла уложить такое в своей голове.

Лули-шувэй снова невольно поразилась, насколько ограничена была в своих мыслях эта низкородная. Либо блестяще прикидывалась. Хотя она и сравнительно недавно по-

явилась во Дворце, законы жизни гарема уже должны быть вызубрены. Великолепная женщина, похожая на идеальную статуэтку, снова замолчала, поглаживая свои хучжи на безымянном пальце и мизинце⁷².

Наконец она встала и неторопливо прошла по комнатке.

— Ты ведь слышала про беременную наложницу, которая подавилась костью? — Ци Мейли робко кивнула. — Пока эта дура забавлялась со стражником, сие никого особо не волновало. Не было смысла рассказывать об этом Императору, ведь господин, конечно, знал. Но ничего не предпринималось — Хуаншан выжидал. Однако, когда эта неблагодарная тварь умудрилась понести от любовника, как думаешь, кто отдал приказ избавиться от нее?

— Так ее убили?

Лули-шуфэй почти брезгливо посмотрела на эту дурочку. Терпение кончалось.

— Император не стал выносить это на обозрение. Но вдруг эта наложница подавилась костью и умерла. Смерть объявили несчастным случаем. Вопрос закрыли. Ее семье была выплачена надлежащая компенсация. Никто не знал, что она беременна. Это обнаружилось лишь после смерти.

⁷² их создали ювелиры специально, чтобы сохранять длинные ногти аристократов, в том числе императора. Слово «хучжи» и переводится просто, как «защита пальцев». Но вот защита эта была особой. Хучжи выполняли не только защитную роль, но и были изысканным драгоценным украшением своего владельца. Их изготавливали из золота и серебра, покрывали филигранной резьбой и инкрустировали драгоценными металлами.

Теперь понимаешь? Даже зная, что наложница гарема встречается с другим мужчиной, Император не предпринимал ничего. Но как только она поставила под угрозу чистоту королевской крови, ее быстро убрали. Наш господин никогда бы не опустил до выяснения причин наказания одной наложницей другой — это настолько несущественно для него... Но из-за того, что посмели тронуть тебя, в миг лишились жизни несколько человек. Выходит, причина всего этого — ты, Ци Мейли. А теперь, — тон Лули-шуфэй вдруг стал жестким, словно женщине смертельно надоело поддерживать образ терпеливой обеспокоенной старшей. — Расскажи этой супруге, чем ты так захватила разум Императора? Все бояться даже подойти к тебе... Умно, ничего не скажешь.

Ци Мейли не реагировала уже на открытые словесные подначки и тон. Девушка была так поражена, что не могла подобрать слов. В конце концов гордыня взяла свое. Ей просто хотелось, чтобы эта разукрашенная фарфоровая кукла вымелась из ее комнаты и закрыла дверь с той стороны.

— Эта никчемная действительно не понимает, что сподвигло Его Величество на такие жестокие меры. Просто в отличие от других благородных дам, у этой несчастной нет никакого желания быть здесь. В гареме эта несчастная оказалась не по своей воле. Вы, госпожа, просили сказать откровенно. Эта глупая девочка-сю не ищет милости господина, не гонится за ней. Эта ничтожная женщина хочет просто спокойной жизни. Может ли благородная Лули-шуфэй понять

мысли этой недостойной?

Хрупкая в своей красоте женщина уставилась на нее, как будто за спиной Ци Мейли выросло еще несколько голов. Затем Лули-шуфэй прикрыла рот шелковым расшитым платком и засмеялась. Она долго не могла успокоиться.

— Эта новенькая и правда глупа, — наконец вынесла свой вердикт супруга Императора. — Откуда ты такая взялась? Хорошо, — она резко поднялась, не заботясь уже об этикете. — Ты потом поймешь, почему все женщины здесь бьются за милость господина, сама будешь за нее биться. А еще ты поймешь степень влияния и власти Императора на своих подданных. Но постарайся не вызывать гнев Его Величества. Степень монаршей жестокости может оказаться невыносима для такой глупой и наивной девочки. Спасибо за чай. Когда мы встретимся снова, у тебя уже будет титул, либо ты будешь мертва, Ци Мейли. Эта супруга бы предпочла второе, не обижайся. Можешь не провожать.

Ци Мейли лишь про себя фыркнула. Ее взгляд замер на какой-то точке, и мысли вихрем захватили все сознание. Мин Лэ Ян просто отмахнулся от факта ее избиения. Он даже серьезно это не воспринял, еще и воспользовался моментом помучить ее зад. К слову, массаж ягодиц, как и мазь, оказались крайне действенными. Боль ушла почти полностью, если не тревожить спину. Но то что он сделал просто не укладывалось в голове еще живой в категориях XXI века Ци Мейли. Он убил собственных любовниц просто за десять

ударов по ее спине, от которых вскоре никаких следов и не останется? Зачем?

Девушка была уверена, что влюбиться в нее Мин Лэ Ян не мог. Достаточно просто посмотреть на его супруг. По сравнению с их красотой и готовностью служить ему двадцать четыре часа в сутки, Ци Мейли была даже не середнячком. Какой мужик в здравом уме променяет такую множественную благодать на ее заурядное тело? Тогда зачем такой показательный акт? Или пока новая игрушка еще вызывает интерес и не опробована, Император оставался увлечен?

В конце концов Ци Мейли решила, что такие поступки были направлены не только для поддержания страха в гареме, но и на нее. Мин Лэ Ян четко показывал, что он может сделать с каждым в стенах Дворца. И если терпение мужчины закончится, ее участь будет незавидной.

Ци Мейли только в этот момент смогла до конца осознать, насколько патовой была ситуация, в которой она оказалась, впустив в свою жизнь когда-то "генерала Вана".

Мастера интриг

Юн-ди, заложив руки за спину, внимательно вслушивался в наставления пожилого наставника юного принца. Как и обещал, Император озаботился правильным и всесторонним воспитанием потенциального наследника. Чем раньше мальчишка усвоит основы правления, тем лучше. Конечно, вариант того, что этот юный принц через пару лет попытается восстать и захватить власть, подгоняемый алчностью своих родственников, тоже был вполне возможен. Юн-ди не хотел об этом думать, в конце концов, этот неглупый мальчик — старший и первый королевский отпрыск. Но если обстоятельства вынудят, и, если этот малец не будет благоразумен, его дни окончатся печально. Пощадит ли Император? — Нет. В борьбе за трон невинных и не может быть. Наследного принца Юн-ди заменит на более послушного отпрыска. Благо, варианты подрастают.

Юн Танцзин показал себя очень послушным юным подданным, который серьезно вслушивался в наставления Императорского Отца. Как и любой ребенок, он, конечно, хотел видеть и отца тоже, а не просто Императора, но рядом с Юн Танцзином с самого раннего возраста всегда был только правитель. Юный принц очень старался и учился, но даже так, получая похвалу от своего Императора, был еще по-детски счастлив.

Юн-ди честно пытался... Он пытался почувствовать привязанность хоть к какому-то наследнику императорского рода, но разделение фигуры правителя Тянь-ся и Мин Лэ Яна оставалось настолько сильным, что эти дети виделись всегда лишь одним из инструментов поддержания династии. Он не мог развить чувства, которых у него не было в принципе. Однако Юн-ди обходился справедливо с каждым ребенком, как и с любым своим подданным. Сейчас Юн Танцзин являлся почти наследником — не до баловства. Воспитательный процесс очень строг, а спрос — большой.

Юный принц тем временем закончил отвечать свой урок и вскоре увидел Императорского Отца, который стоял немного в отдалении, наблюдая за ним. Юн Танцзин тут же опустился на колени в почтительном приветствии. Император лишь небрежно махнул рукой, приказывая не отвлекаться. Он не спеша приблизился к мальчику.

— Юный принц очень старателен. Чжэнь ценит рвение юности и тягу к знаниям. Приложи все усилия, чтобы стать достойным наследником династии. Пока твои императорские братья и сестры растут, юный принц должен взять на себя гораздо больше ответственности как старший брат.

— Этот принц понимает. Спасибо за наставления, Императорский Отец, — юный голосок был тих и спокоен.

Юн-ди задумчиво перебирал сцепленными в замок пальцами за спиной. Мальчик его во всем полностью устраивал, кроме одного — его матери. Амбиции Чжао-гуйфэй стано-

вились все больше, наглость росла. Эта женщина уже ни во что не ставила даже императрицу. Как бы не относился к своей законной жене Юн-ди, императрица — это владелица Печати Феникса и хозяйка Шести Дворцов. Она — часть власти Императора. Нападки на нее — это пощечина Сыну Неба лично. Юн-ди все больше хмурился. Если кто и уберет Ли Шу, то только он. Никакой женщине из гарема не стоит тянуть руки к монаршему трону. Сейчас, когда над ним нет давления старших по роду, он может делать то, что считает нужным.

Женщины в гареме всегда играют с огнем, но совершенно забывают, как может быть страшен гнев монарха к своим наложницам и рабыням. Один из прошлых Императоров вырезал больше двух тысяч женщин Дворца за одну ночь лишь потому, что те позволяли себе распускать какие-то слухи о мужском бессилии Императора⁷³. Стоит ли преподавать этим дамам такой страшный урок? Надолго ли его хватит? Чжаогуйфэй обязана знать свои границы. Дать благодать императрице родить? Ее сын автоматически бы подвинул Юн Танцзина. Позволить Ли Шу сохранить лицо при дворе, где и так все за ее спиной шептались о несостоятельности женщины как Матери Нации? Император фыркнул — велика честь.

Казни двух мелких наложниц надолго не хватило. Гарем быстро оправился, и красавицы вернулись к своим хитроум-

⁷³ Император Юнлэ за одну ночь вырезал около 2800 своих наложниц, даже самых юных. Это для понимания того, что могут делать правители в своем гареме.

ным схемам. Как утомительно. И как надоело. Хотелось чего-то свеженького, необычного... Пикантного?

— Ся Яозу, как дела у той девушки-сю, что не попала в покои Чжэня?

— Отвечаю правителю, — евнух тут же церемониально склонился, очень удивленный, что монарх вообще вспомнил об этой незначительной персоне. — Она полностью оправилась и просто целыми днями что-то готовит. На следующий день половину еды раздает слугам. Кажется, за это время она успела прикормить добрый десяток человек из прислуги и евнухов.

— Хм... — Юн-ди удовлетворенно улыбнулся.

Он не посещал Ци Мейли уже около двух недель. Пусть понервничает. Мужчина прекрасно видел чувства самой девушки. Он давно живет на свете и мог понять тот простой факт, что нравится ей. Упрямица сама этого не осознавала, но Император видел истину в ярких красивых глазах. Конечно, он тоже страдал — столько времени не пробовать ее странных вкусных блюд, не спорить с ее не менее странными высказываниями. Какие-то ничтожества едят каждый день то, что остается под запретом для самого Императора. Какая ирония... Скука вновь разрасталась. Даже красивые тела в опочивальне по ночам сильно не спасали. Но эту девушку необходимо воспитать для жизни здесь. Или она умрет, или приспособится.

Вся проблема в том, что эгоистичные желания брали верх.

Хотелось уже распробовать этот десерт, которые так долго ускользал и умудрялся оставаться на дистанции. Когда тигру приходится притворяться кроликом слишком долго, терпение может кончиться в любой момент.

Наблюдая за своим потенциальным наследником престола, Юн-ди не переставал возвращаться мыслями к Ци Мейли. Ему становилось смешно от собственного рвения — это необычно. Еще будучи принцем, он с юности избалован женским вниманием и очарованием, пресыщен этим. Что с ним не так, если эта девица бежит от него как от огня? Она даже под палки полезла!

Император нахмурился. Да, он прекрасно понимал, что стояло за всеми нехитрыми манипуляциями будущей наложницы. Не надо быть слишком умным, чтобы не увидеть такой шитый белыми нитками ход. И хотя мужчина был зол на ее поступок, но не отдать долг ее упорству не мог. Главное, чтобы в следующий раз она с крыши дворца не прыгнула или в пруд не полезла за простудой. С нее станется. Полоумная же. Император скривил губы в усмешке собственным мыслям. Мозг Ци Мейли совершенно не годился для гарема — Юн-ди вновь в этом убедился. Но... Это не значит, что он ее отпустит.

— Что Бися⁷⁴решил? — осторожно прощупал почву Ся Яозу.

— Отправь ее сопровождать Чжао-гуйфэй по Нашему

⁷⁴ Напомню: обращение к Императору. Букв. «тот, кто на Троне».

личному приказу. Пусть она следует за Благородной Супругой и прислуживает ей пока что, набирается манер. Надеюсь, эта девушка окажется более полезной, если ее верно направлять.

— Сегодня Бися ночует в покоях императрицы? Мне сообщить о Вашем приходе? И все еще ждут аудиенции чиновники министерства финансов и министр обрядов, — евнух говорил максимально вкрадчивым голосом. Ему ли не понять, что Император раздражен?

Юн-ди сердито тряхнул рукавами и, не говоря ни слова, пошел прочь.

Ся Яозу прекрасно знал, что бороться с существующими законами даже монархи не могут так легко. Хотя, исходя из желания, Император сократил время посещения императрицы с двух раз в месяц до одного. Евнух часто задавался вопросом, почему хуанхоу⁷⁵, не смотря на всех врачей, не могла понести. Ни одной беременности за все время. Но Его Величество все еще держал эту женщину рядом с собой.

С этого дня одним махом императорского рукава началась новая глава жизни Ци Мейли. Девушка не могла приспособиться к изменившемуся распорядку. Этот жалкий, ничтожный монарх послал ее в служанки одной из своих любовниц! Глубокому возмущению ЦиМейли просто не было предела — она вспомнила весь нецензурный лексикон детдомовских

⁷⁵ Императрица

времен. Девушка рвала и метала, когда волю Вансуйе озвучил евнух. Но вскоре ей, все же, пришлось познакомиться с Чжао-гуйфэй.

Одна из главных жен Императора ожидаемо являлась редкой красавицей. Ее хрупкая внешность удивительно сочеталась с выбеленной кожей, густыми уложенными в сложную прическу волосами и выражением абсолютного превосходства на нежном лице. Стройная точеная фигурка утопала в дорогом шелке верхнего халата. Она была даже эффектнее Лули-шуйфэй. Но на сегодняшний момент эта невысокая и утонченная женщина стояла даже выше императрицы, ведь она мать старшего сына Императора.

Ци Мейли твердо решила подружиться, насколько это вообще возможно, конечно, с этой супругой. В конце концов, если эта дамочка окажется не скупа, Ци Мейли подкопит еще денег. Уже где-то внутри у девушки начала рождаться мысль побега отсюда любыми путями. В конце концов, если она умудрялась сбегать из детдома, то отсюда и подавно выскользнет.

Хотя сама Чжао-гуйфэй и была спокойна, Ци Мейли еще очень не хватало понимания тонкостей местного этикета, оставались огромные пробелы в знаниях современного человека, не изучавшего четыре книги и пять канонов⁷⁶. Поэтому

⁷⁶ Четыре книги, пять канонов - свод классических конфуцианских произведений, в которых раскрываются основные принципы философско-религиозного учения Древнего Китая, освещаются вопросы этики, морали и управления империей в конфуцианстве, излагаются взгляды Конфуция на устройство государ-

вскоре девушка, изо всех сил пытавшаяся хранить молчание лишний раз, все равно стала объектом насмешек, а иногда и откровенных провокаций. Чжао-гуйфэй оказалась щедра на пощечины, а не на благодарности.

— Сегодня вечером Хуаншан будет ужинать во дворце этой супруги, — самодовольно обозначила хрупкая красота, сидя перед бронзовым зеркалом. Одна из девушек тщательно расчесывала длинный темный бархат волос хозяйки. Служанки внутренних покоев с улыбками кланялись на эти слова, превознося привязанность Императора к своей гуйфэй. — Ци Мейли, ты еще далека от покоев монарха, но сейчас полностью во власти этой супруги. Ты же понимаешь, что служить во дворце гуйфэй — твоя удача? Ты не станешь искать меч по зарубке, сделанной на лодке, в своем положении⁷⁷?

Ци Мейли проклинала про себя всех и вся, но внешне сжалась в комок для более жалкого впечатления и запричитала уже отрепетированным тонким голоском:

— Эта ничтожная не посмеет! Как можно не ценить доброту гуйфэй?!

Чжао-гуйфэй не могла не ткнуть несостоявшуюся наложницу в нынешнюю ситуацию, ибо соперницами во Дворце

ства, семьи и дома, представлены его идеи о развитии личности в гармонии с природой, о добром начале в сущности человека, высшей справедливости и др. Четыре книги: Луныйюй, Мэнцзы, Дасюэ, Чжуньюн. Пять канонov: И цзин (Книга перемен), Шу цзин, Ши цзин, Ли цзи.

⁷⁷ не понимать развитие и изменение вещей; проявлять глупое упрямство.

были все женщины друг другу. Девчонка-сю не должна забывать своего места, в конце концов, она вполне могла бы уже иметь титул, выйдя из покоев Императора в ту ночь, и сталкивать своего господина с этим искушением снова не собиралась. Сейчас женщина уже хорошо понимала, что внешность в гареме может быть далеко не главной особенностью.

Отправив Ци Мейли и свою момо за специальным вином к сегодняшнему ужину, разогнав всех слуг, Чжао-гуйфэй достала из шкатулки маленький пузырек. Женщина любовно гладила стенки сосуда, нежно улыбаясь. Этот афродизиак не сможет определить ни один лекарь. Он абсолютно безвкусен, остается лишь легчайший шлейф аромата, но его эффект невероятно мощный и быстрый. Сегодня ей придется очень нелегко, зная силу и напор Императора. Но ради своей беременности еще одним принцем, ради, пусть и затуманенных просто похотью, пронзительных глаз своего господина, Чжао-гуйфэй могла пройти сквозь гору.

Нечестная победа — тоже победа

Бредя за молчаливой момо Чжао-гуйфэй, Ци Мейли, склонив голову, вдруг вспомнила строчки какого-то безымянного поэта, отрывочно заученные в далекой юности — ей всегда нравились стихи. Смотря себе под ноги, она тихо нашептывала уже по которому разу: "Река. На рассвете луна погружается в воду. Вчерашние тучи, холодно — не потеплело. Отчетливо слышу весла негромкие плески. Вот только не вижу, куда направляется лодка. Все так смутно-неясно, только плещут и плещут весла..." Смутно-неясно. Смутно-неясно... Что же ей делать?

Когда момо прошла на склад с охранником, девушка все еще стояла, погруженная в свои думы, совершенно не обращая внимания на людей вокруг себя. Никто не знал, как ей страшно. Никто не знал, что жить в этом времени она не должна. И никто не знал, как сейчас хочется выпить пива, съесть вредной уличной еды или фастфуда и окунуться в городской смог... В привычный мир.

— Как самочувствие молодой госпожи? — голос рядом внезапно прервал грустные мысли, заставив от неожиданности глубоко вдохнуть.

Девушка на минуту растерялась.

— Я не госпожа... А Вы...

— Прошу простить, этот недостойный напугал Вас. По-

мощник командира императорского караула — Лю Бохай, — мужчина склонил голову привычным армейским жестом. — Барышня тогда была наказана и шла к своим покоям...

— А, — не особо вежливо перебила Ци Мейли. — Ну конечно! Я вспомнила Вас, сяншэн⁷⁸. Простите, этой несчастной не представилась возможность поблагодарить Вас за помощь... Прошу простить невольную грубость в Вашу сторону.

Мужчина перед ней был высокий и очень внушительный. Его внешность являлась простой, неброской, но миндалевидные глаза оставались добрыми, а лицо — спокойным. Это подкупало. Не смотря на довольно громоздкое обмундирование, Лю Бохай выглядел в нем очень благородно.

«У таких на лбу написано, что он — военный. Идеальное попадание». Девушка мило улыбнулась.

— Прошу, не смущайте этого солдата. Этот подчиненный из обычной крестьянской семьи и не заслужил таких громких обращений.

Ци Мейли рассмеялась. Замечательно, она, кажется, вновь попала впросак со всеми этими обращениями.

— Эта ничтожная — Ци Мейли — тоже не госпожа. Сейчас я просто прислуживаю Благородной Супруге Чжао. Позвольте еще раз выразить благодарность за помощь в тот день.

— Как Ваши раны?

Ци Мейли смутилась — стыдно. Мужчина рядом был яв-

⁷⁸ вежл. обращение на Вы - "господин".

но старше, наверное, лет тридцати пяти. В этом времени он был уже почти стар, но для Ци Мейли это являлось привычным возрастом взрослого состоявшегося мужчины. Она не чувствовала скованности, на нее не давила аура монарха. За столько времени здесь девушке очень хотелось с кем-то поговорить кроме Син Шихонг.

— Все уже хорошо, но, надеюсь, больше такого не будет.

Лю Бохай лишь слегка улыбнулся. Он ли не знал, как часто в этих стенах происходят вещи и пострашнее. Даже солдаты часто получали удары палками — это была часть армейской дисциплины.

Они на удивление спокойно и гармонично пообщались на нейтральные темы еще некоторое время, до тех пор, пока не явилась со склада момо, неся в руках кувшин специально выбранного вина. Лю Бохай, поклонившись, сообщил подозрительно щурившейся на них старой женщине, что наложница Жуй потеряла ценный браслет, который ищут сейчас стражники. Невыразительное лицо момо лишь презрительно скривилось, и служанка потащила Ци Мейли за собой. Девушка лишь оглянулась на оставшегося стоять нового знакомого и неуверенно махнула рукой. Лю Бохай проводил двух женщин внимательным взглядом.

Вино⁷⁹ и впрямь оправдывало свою ценность — лишь с

⁷⁹ напомню, что «вино» простых людей фактически представляло собой брагу из злаков: проса, гаоляна или клейкого риса. Пока его не научились правильно очищать, оно имело зеленоватый цвет. Но императорскому дворцу были доступны, конечно, лучшие сорта и качество. Виноградное вино первым узнал имен-

приоткрытой пробкой оно кружило голову изысканным ароматом. Чжао-гуйфэй очень тщательно спланировала сегодняшний ужин с Императором. Выдержанное вино из аира с растворенным афродизиакom было налито в красивый выкованный сосуд с тонким носиком, поднесенный в свое время иноземными северными племенами в виде дани. Блюда подбирались специально такими, чтобы заглушить любые посторонние ароматы афродизиака в вине. Женщина оделась очень тщательно, эротично оголив плечи и нежную шею. Тонкие нефритовые руки обвивали массивные браслеты с нежным перезвоном легких дуньхуанских колокольчиков. Красивые волосы не были уложены, а свободно рассыпались по плечам, создавая иллюзию очень домашнего и непринужденного вида. Лишь несколько тонких заколок поддерживали непослушный блестящий каскад.

Чжао-гуйфэй приказала также приготовить купальню на случай, если ее господин захочет расслабиться в теплой ароматной воде. Она любовно поглаживала сосуд. После пары чарок такого вина мужчины не склонны к играм. С таким стимулированием они весь вечер и ночь проведут безудержно катаясь на простынях.

Настроение женщины было прекрасным. Нетерпение силой подавлялось, но все внутри трепетало. Когда супруга по-

но императорский двор - его привезли по Великому Шелковому пути. Прозрачно-золотистые вина из личи, аира или сливы считались долгое время одними из лучших.

ложила под подушки ароматические мешочки, в комнату तो-ропливо проникла одна из служанок, тут же кинувшись на колени.

— Благородная Супруга, эта раба должна сообщить важные новости...

Чжао-гуйфэй тут же разозлилась на такое поведение:

— Ты, дрянь! Врываться таким образом! Попробуй только сообщить что-то ненужное...

— Ванье⁸⁰заболел...

Когда об этой новости сообщили Императору, он лишь нахмурился:

— Что с ребенком?

Евнух из покоев принца поклонился:

— Похоже, Его Светлость простудились, у него жар и лихорадка. Был вызван императорский лекарь, он сейчас у молодого господина.

Юн-ди откинулся в рабочем кресле. Он очень надеялся, что это не яд. В конце концов, Благородная Супруга обязана бдительно следить за тем, что обеспечивает ей жизнь и положение — за своим ребенком. Этот мальчик еще не стал наследным принцем, поэтому оберегать его надо было очень тщательно.

Наконец, Император поднялся:

— Ся Яозу, Мы идем во дворец Благородной Супруги.

Евнух, бесшумно материализовавшийся откуда-то из тем-

ного угла, лишь напомнил:

— Его Величество помнит, что Благородная Супруга сейчас с принцем?

— Именно. Чжэнь будет ждать новостей там. Мы устали. Насколько именно устал Император, знал лишь он сам. Мог ли кто-то опровергнуть прозвучавшие слова?

На подходе ко дворцу Юн-ди кинул внимательный взгляд на слуг Чжао-гуйфэй, почтительно приветствовавших его, но, неожиданно для себя, не увидел того, кого искал. Войдя в пустые покои Благородной Супруги, монарх внимательно осмотрел накрытый стол с закусками без основных горячих блюд. Как он и думал, закуски приготовлены яркими по вкусу, насыщенными, а некоторые — пряными. Тогда Император задумчиво поднял изящный бронзовый кувшинчик с вином и вдохнул его аромат. На губах расплзалась усмешка. Кто не любит хорошее вино? Благородная Супруга умела угождать своему господину и Императору. Она хорошо приготовилась. Даже слишком.

На самом деле, было еще довольно рано для обычного времени посещения покоев жен или наложниц, но Юн-ди не делал беспечных шагов⁸¹.

— Ся Яозу, что там со старшим принцем?

Евнух, не отворяя дверь, по ту сторону негромко успокоил:

— Доложили, что эта сильная простуда — принц много

⁸¹ всегда все продумывал

тренировался верхом с луком и сильно вспотел. Но императорский лекарь уже взялся за лечение. Он поставит юного ванье на ноги, Бися.

— Отлично, — Юн-ди улыбнулся. Одной головной болью меньше. — Приведи сюда Ци Мейли. Чжэнь хочет поговорить с ней.

Евнух тотчас из-за двери отозвался о принятии распоряжения. Император налил в чашечку немного вина и поднес к губам, наслаждаясь ароматом, дразнящим его обоняние. Попробовав на вкус, он почувствовал обжигающую яркость и в то же время оставшийся сладковатый привкус, разливавшийся на языке. Юн-ди поставил чашечку на стол.

— Бися, Ци Мейли уже спешит по Вашему приказу.

— Ся Яозу, — Император о чем-то на мгновение задумался. Все неожиданно отлично складывалось. Такие возможности ни один генерал не упускает, если хочет выиграть сражение. — У Нас есть к тебе не приказ, но просьба. Если выступишь — щедрое вознаграждение тебе обеспечено. Любуй ценой ненавязчиво задержи Чжао-гуйфэй рядом с принцем примерно на два шичэня⁸².

Юн-ди посмотрел на шикарную застеленную лаковую кровать бабучуан, расписанную золотом. На ней имелся полог из прозрачного лилового шелка. Любая женщина на этих простынях будет смотреться роскошно. Тяга Чжао-гуйфэй к красивой жизни была неодолима. Эта женщина давно затми-

⁸² шичэнь - два часа. Всего 4 часа.

ла императрицу по запросам.

Когда Ци Мейли вошла в дверь, девушка уже знала, что этот ублюдок будет просто издеваться над ней. Хозяин, который пришел увидеть унижение слуги. В прошлой жизни Ци Мейли быть слугой не приходилось — она плохо поддавалась дрессировке. Кое-как изобразив вымученный положенный поклон, девушка не стала прятать глаза, а смотрела прямо на свою самую большую неудачу в этом мире.

Юн-ди почувствовал зуд в сердце, словно его кто-то щекотал изнутри. Почти... Он почти у цели. Глупый кролик попался так неожиданно — и не понимал этого.

— Ты рада увидеть Нас после стольких дней разлуки?

— Ваша супруга не позволяла этой ничтожной скучать, — самым смиренным голосом выдала Ци Мейли откровенную колкость.

— Дерзость! — в сердцах вспыхнул Император, хлопнув рукой по столу, но тут же остыл и рассмеялся. — Нам не хватало твоего бунтарства. Видишь, Наше терпение закончилось вперед твоего. И Мы не выдержали. Говоришь, Чжаогуйфэй тебя обижала? Чжэнь должен наказать ее?

Ци Мейли все также равнодушно взирала на величественное чудовище в черном расшитом лунпао⁸³:

— Воля монарха — закон для этой рабыни. Разве могла она послушаться? Наверное, Вашему Величеству и отдыхать некогда, ведь он должен позаботиться обо всех ничтожных

⁸³ "драконовый халат" - мантия Императора.

слугах Дворца...

Юн-ди подошел к столу и почти виновато улыбнулся.

— Тебе стоило узнать эту сторону жизни, ведь теперь ты — часть ее. Мы просто хотели, чтобы ты научилась чему-то. В이니шь Нас? Хорошо. Мы попытаемся загладить свою вину, присаживайся, — Император лениво махнул рукавом на стол.

Ци Мейли нахмурилась.

— Нехорошо... Чжао-гуйфэй очень разозлится, если увидит эту слугу здесь.

— Этот дворец и покои принадлежат не Чжао-гуйфэй, а Императору. Все здесь принадлежит Нам. Каждый из вас. Присаживайся, — тон спокойного голоса надавил сильнее, и Ци Мейли очень неохотно примостилась на подушки с другой стороны изысканно сервированного стола.

Юн-ди, не обращая внимания, взял палочки и подцепил первую закуску перед собой. Он аккуратно положил тонкий ломтик капусты, обжаренный в соусе с перцем, на тарелку девушки. Затем, взяв чашечку, стоявшую рядом с ней, щедро налил туда вина.

Ци Мейли смутилась — это она должна ухаживать за монархом, а не он за ней.

Нервное напряжение сдавливало грудь.

— Не надо...

— Ци Мейли, Наши намерения были неплохими. Нам жаль, если тебе пришлось терпеть неудобства от Благород-

ной Супруги, — Император кинул внимательный взгляд на дверь, словно прислушиваясь. — Сейчас здесь никого нет. Даже евнухов и слуг за дверью. Давай просто помиримся.

"Да кому нужно с тобой мириться, хитрая, скользкая..." Ци Мейли, заткнув поток своих несдержанных мыслей, спокойно приняла чашечку вина и, отсалютовав ею Императору, выпила содержимое в едином порыве. Юн-ди улыбнулся и немного пригубил обжигающей влаги, после чего поставил чашку на стол.

— Ты отлично пьешь. Я удивлен. Поешь. Уверен, что ты не ела толком. Верно?

Ци Мейли, у которой все еще шумело в голове от выпитого, даже не поняла, что манера речи собеседника вдруг изменилась. Она смело взялась за палочки и принялась есть. В конце концов, раз монарх разрешил, кто она такая, чтобы отказаться? А есть хотелось... Когда девушка была сильно голодной, вкус еды терялся. Оставалось простое желание без разбора набить желудок любой едой. Все что угодно, лишь бы не голодать...

После третьей чашки вина, лицо Мин Лэ Яна (?) или монарха (?) стало терять резкость. Это странно. Пить девушка умела, но организм этой Ци Мейли был слабее. По всему телу разливались импульсы тепла, кожа стала необычайно чувствительной, бросало в жар. Двое за столом мирно говорили о вкусе еды, которую пробовали, о вине. Собеседник расспрашивал о ранах на спине и о здоровье. Девушка прислу-

шивалась к спокойному глубокому голосу и ей становилось все жарче. Сейчас Мин Лэ Ян как никогда казался ей невероятно сексуальным. Желание дотронуться в какой-то момент стало почти непреодолимым. Мужчина видел изменения на лице своей жертвы. Разве мог он, монарх, не знать, что такое афродизиак, как он действует? Наглость Чжао-гуйфэй перешла все границы, но Император решил использовать все себе во благо. Нечестная победа — тоже победа. Кто сказал, что нельзя поразить несколько мишеней за раз? Чжао-гуйфэй тоже пожнет плоды своих интриг. Недалекая, но отчаянная женщина. За меньшее можно казнить... Ее урок будет жестоким.

Юн-ди поймал расслабленный, наполненный восхищением взгляд своей желанной добычи, и его тело моментально отреагировало на него самым примитивным образом. Хотя мужчина и не пил почти вина, немного афродизиака, все же, попало в его кровь с пригубленной влаги. Сознательно. И теперь это лишь подстегивало и без того сильную реакцию тела. Через некоторое время Император встал и протянул руку Ци Мейли. Девушка смутилась, но себя уже плохо контролировала. Все внутри нее стремилось ощутить прикосновения этого человека. Ци Мейли не понимала, почему похоть накрыла ее так внезапно. Но чувство было таким оглушающим, что все мысли растворились в дымке желания. Огненный клубок разрастался внизу живота, ощущение влажности между ногами ощущалось все интенсивнее.

Стараясь действовать медленно, чтобы не спугнуть резкостью, Юн-ди помог подняться зачарованной спутнице. От действия афродизиака ее кожа словно светилась, щеки подернулись очаровательным румянцем, а цвет глаз потемнел и углубился. Девушка, не стесняясь, встретила мягкий дразнящий поцелуй — губы то захватывали, то отступали. Как давно Ци Мейли не вспоминала эти ощущения? Хотя сравнивать было не с чем. Так сладко ее никогда не целовали — и в прошлой жизни тоже. Она со стоном обвила руками шею желанного мужчины и притянула ближе к себе. Юн-ди удовлетворенно обхватил стройную талию, крепче вжимаясь в возделенные губы. Поцелуй превратился в глубокий и агрессивный.

Чувствительность Ци Мейли от наркотика достигла своего пика. Поцелуй с языком, имитировавший соитие, заставил задыхаться от невыносимых ощущений и желания большего. Мужские руки разорвали на ней слой за слоем одежду, освобождая упругую грудь. Язык этого человека вновь и вновь вторгался в теплоту ее рта, и когда, наконец, налитые возбуждением ярко-розовые соски сжали грубые пальцы, тело девушки не выдержало — она с силой вырвалась из захвата губ, содрогаясь от слишком острых для нее ощущений.

Мин Лэ Ян тяжело дышал, наблюдая за такой распутной картиной. Этот афродизиак способен превратить даже самую стойкую и принципиальную женщину в похотливую суку, впрочем, и с мужчиной ситуация была такой же. Но сте-

пень чувствительности тела стройной Ци Мейли оказалась, видимо, и так неожиданно высока. Ее сексуальность, спрятанная глубоко внутри, сейчас полностью оказалась на поверхности. Он не ожидал такого подарка. Подхватив еле стоявшую на ногах девушку, мужчина бросил ее на роскошные простыни. Не стоило больше терять время, сегодня все ощущения — его.

Две мишени — одной стрелой

Чжао-гуйфэй нервничала. Она заламывала руки и быстро расхаживала по замкнутому пространству комнаты покоев своего сына. Палочки благовоний прогорели уже несколько раз, от них остался лишь легкий намек аромата в прохладном вечернем воздухе.

Температуру юному принцу сбили, он глубоко заснул, но Благородную Супругу ненавязчиво попросили задержаться здесь по просьбе Императора. Разве мать не должна сейчас трястись над своим ребенком? Ся Яозу очень деликатно озвучил пожелание монарха, подчеркнув, что Его Величество понимает волнение супруги. По началу Чжао-гуйфэй лишь холодно фыркнула и собиралась вернуться в свой дворец, ведь планы на вечер были грандиозные. Но главный евнух, поглаживая пальцами печать императорского двора для официальных приказов, лишь смиренно повторил милостивое разрешение Императора.

Чжао-гуйфэй не оставалось ничего, кроме как соответствовать образу обеспокоенной матери и задержаться в покоях сына. Женщина злилась, внутри все скручивалось от дурных предчувствий. Ее нежная, растертая специальными благовониями кожа, начала постепенно зудеть от интенсивного трения одежды. Обильная смазка между ногами пропитала уже часть внутренней юбки. Сейчас она должна на-

слаждаться весенней ночью с Императором, но в итоге нервно расхаживала по комнате, не в силах ни унять дрожь, ни смыть с себя стимулирующие средства.

«Кто? — в ярости размышляла Благородная Супруга. — Кто осмелился задержать Императора? Кто мог его так нагло перехватить и увести прямо у меня из рук? Эта мерзкая мяукающая сука Лули? Я раздавлю ее вместе с приплодом...»

Когда, наконец, в двери вошел Ся Яозу, почти обезумевшая от мучивших ее мыслей и ноющих, зудящих ощущений в теле Чжао-гуйфэй, раздраженная и злая, растолкав неповоротливых слуг, бросилась к нему:

— Ся-гунгун⁸⁴, эта наложница — гуйфэй Императора Тянь-ся. Имей страх! Выпусти эту супругу! Как ты смеешь так обращаться с матерью почти наследника престола?!

Ся Яозу лишь спокойно поклонился:

— Этот ничтожный всего лишь исполнял волю моего монарха. Разве не должна гуйфэй подавать пример своим поведением всем остальным наложницам в гареме? Что подумают, если Вас, госпожа, увидят в таком виде? Император дал распоряжение — Вы должны уважать волю Тяньцзы⁸⁵. К тому же, юный ванъе — это надежда нашего Императора, который сильно обеспокоен здоровьем старшего принца. Но еще больше он — Ваша надежда, не так ли, Благородная Супруга?

⁸⁴ обращение к евнуху при дворе.

⁸⁵ Сын Неба

Чжао-гуйфэй побледнела. На что намекает этот презренный? Что она не заботится о плоти и крови Императора? Что она недостаточно оберегает его? Юн Танцзин — ее гарантия будущего и положения. Никто не заинтересован в его здоровье и процветании больше матери!

— Ничтожный! Не тебе указывать этой супруге. Дай пройти!

Ся Яозу также, не разгибая спины из поклона, жестом указал ей на свободный выход. Когда он, наконец, разогнулся и потеряв ноющую спину, даже следа от юбок Благородной Супруги не было видно.

Ци Мейли не хватало воздуха: ее постоянно атаковали горячие губы, сильно сжимали крепкие руки и накрывали собственные сладостные ощущения. Сейчас девушка не помнила своего имени, все, что оставалось в мозгу — похоть. Боль от укусов тут же сменялась горячим языком, расфокусированный взгляд только улавливал темные рассыпавшиеся волосы мужчины и очертания сильного тела. Ей было так хорошо, мучительно и невыносимо, что хотелось умереть и рассыпаться на миллион осколков. Чтобы с ней не делал требовательный любовник, девушка отвечала с равноценной страстью, дразнящими прикосновениями то рук, то губ уверенно стимулируя самые чувствительные места партнера. Чем более грубым становился он, тем еще более глубокого обладания хотелось ее телу.

В конце концов, с громким криком достигнув очередного оргазма, Ци Мейли почувствовала, что жар желания внутри нее несколько ослаб. Она проморгалась, пытаясь вынырнуть из дымки похоти, но тут же вскрикнула уже от боли — мужская рука крепко схватила ее за растрепанные волосы и больно сжала:

— Ци Мейли, с кем ты так натренировалась в постельных утехах? Кто обучал твое развратное тело? Даже опытные шлюхи могут покраснеть... — видя, что ответа нет, Мин Лэ Ян зло усилил хватку. Слишком распутно и смело действовала еще недавняя девственница, которая десять лет просидела в своей комнате. — Отвечай! С кем ты уже была?!

Ци Мейли ничего не соображала. Она лишь вновь ощущала нарастающее возбуждение. Боль от захвата и ноющая пустота внутри, все еще неудовлетворенная благодаря афродизиаку, заставила ее позорно заскулить и с силой прижать к себе отстранившегося мужчину. Она тут же крепко обхватила его ногами, раскрывая свою полностью разрушенную влажную женскую сущность. Смазка возбужденного тела продолжала активно выделяться, смешиваясь с остатками обильного семени. В следующую секунду девушка вновь была наполнена горячей плотью, а ее губы теперь уже сами бесцеремонно запечатали злые слова допрашивающего любовника. Двое вернулись к своему самому важному занятию.

И ничего удивительного, что никто из них двоих даже не среагировал на аккуратный стук, словно предупреждение

или напоминание. Юн-ди слышал его и даже понимал, что он значит, но остановиться не мог, да и не собирался.

Чжао-гуйфэй еще на подходе к своим покоям увидела и личную стражу Императора, и его евнухов. Сердце волнительно забилося — господин здесь! Он не ушел, он ждал ее... Видимо, Император действительно волновался за здоровье принца, поэтому отдал такой приказ...

Ся Яозу вдруг проворно появился перед ней, распахивая двери, как того требовал этикет. Чжао-гуйфэй почти теряла контроль над сладкими эмоциями, влетая внутрь далеко не степенными и спокойными шагами, стремясь скорее увидеть своего Императора...

Вот только евнухи вдруг все остались позади, безмолвно склонившись, не осмеливаясь продвигаться дальше. И чем ближе женщина подходила к своим покоям, тем отчетливее слышала громкие и явные стоны из ее же опочивальни! Вскоре к ним добавились различимые уже для слуха частые и быстрые удары плоти о плоть. Побледневшая женщина застыла перед своей комнатой, прислушиваясь к ожесточенному сражению внутри.

Весь благородный облик и вбитое жесткое воспитание вылетели из головы. Дворцовый этикет гарема исчез словно дым. Осталась просто женщина, чей супруг и почитаемый единственный господин сейчас ублажал себя с очередной подстилкой в ее же кровати, в ее же покоях, пока эту несчастную задержали в комнатах заболевшего сына. В за-

стывший мозг женщины ворвались женский мучительный крик и хриплый, приглушенный стон самого Императора. Безумие накрыло темной дымкой отчаяния. Не понимая до конца что делает, она буквально ворвалась ураганом в свои покои, не в силах отвести взгляд от того, что еще сегодня в обед было ее драгоценным ложем с благоухающими шелковыми простынями и расшитыми одеялами. Чжао-гуйфэй поняла, как чувствуют себя те, кому всадили нож в грудь. Колени подогнулись, она потрясенно рухнула.

Юн-ди среагировал очень быстро. Крупное тело еще подрагивало от интенсивного финала, на языке оставался вкус распластанной под ним девушки, которая, кажется, потеряла сознание и не реагировала ни на что. Император осторожно поднялся с кровати и быстро набросил остатки изорванного одеяла на измученное нагое тело. Затем он, не говоря ни слова и не обращая внимания на замеревшую на полу коленапреклоненную женщину, спокойно накинуд на себя нижнее одеяние. Только после этого Юн-д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.